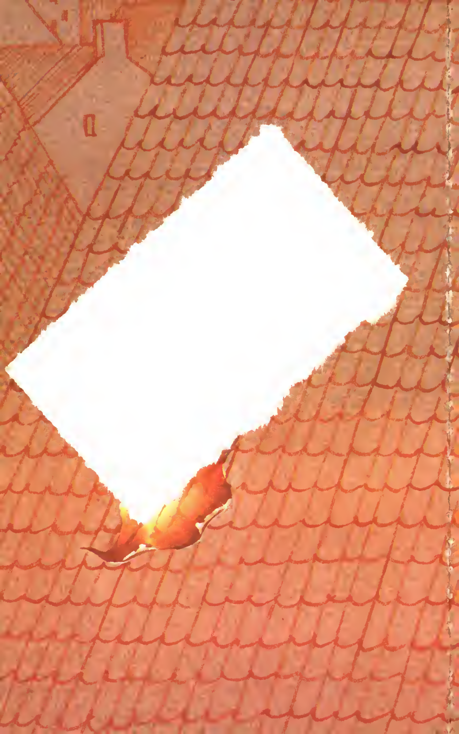
Даниил Руднев

Русский студент

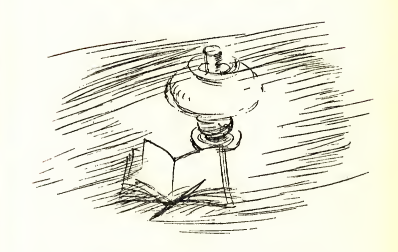
Д

Даниил Руднев

Русский студент

Повесть с рассказами и письмами

Предисловие
О. Д. УЛЬЯНОВОЙ

Москва «Детская литература» 1987

Р2
Р83

В книге использованы фотографии архивов
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,
Политиздата и Г. Цветкова

Художник П. Черунский

Р $\frac{4803010102-393}{М101(03)87}$ 352—87

ПРЕДИСЛОВИЕ
О. Д. УЛЬЯНОВОЙ

Летом 1893 года Дмитрий Ильич Ульянов вместе с матерью Марией Александровной, Владимиром Ильичем Лениным и сестрами приехал из Самары в Москву, где поступил в Московский университет на медицинский факультет.

В годы учебы Дмитрий Ильич знакомится с революционно настроенными студентами, принимает участие в нелегальных студенческих кружках, начинает изучать «Капитал» Маркса. Позднее он стал участвовать также в кружках рабочих, в частности, он вел такой кружок на заводе «Гужон» (теперь это завод «Серп и молот»). Связи с рабочими Дмитрий Ильич устанавливал по заданию Московского «Рабочего Союза», членом которого он являлся.

Старейший член нашей партии Федор Николаевич Петров, в те годы, как и отец, студент-медик, писал о нем:

«Помню, как мы впервые встретились. Весной 1897 года я нелегально приехал из Киева в Москву... Мне предстояло побывать на собрании заводского рабочего кружка... Несколько раз выступал Дмитрий Ильич. В его словах звучала такая удивительная сила убеждения, такая твердая и всем понятная логика, что слушатели затаивали дыхание, когда он говорил...

После собрания мы познакомились, разговорились. Конечно, как и полагалось двум марксистам в то трудное время, тема нашего разговора больше всего касалась подпольной работы, подготовки стачек, демонстраций, печатания и распространения листовок»[1].

Будучи студентом V курса, Дмитрий Ильич был арестован за революционную деятельность по делу Московского «Рабочего Союза» и заключен в Таганскую тюрьму в одиночную камеру, на которой было написано: «Государственный секретный преступник». Только через год он был освобожден из тюрьмы, однако ему было запрещено жить в Москве и Петербурге, запрещено продолжать учебу в Московском университете.

Мария Александровна, а также сам Дмитрий Ильич обращались в правительственные учреждения с просьбой разрешить ему завершить образование в Московском университете. Но в этом было отказано. Жизнь Дмитрия Ильича в эти годы была очень трудной: ведь он находился под гласным надзором полиции, буквально за каждым его шагом следили жандармы.

После многих прошений Дмитрия Ильича осенью 1900 года он был зачислен студентом в университет в г. Юрьеве (ныне г. Тарту).

В повести Д. М. Руднева «Русский студент» рассказывается об учебе Д. И. Ульянова на V курсе Юрьевского университета.

В Юрьевском университете, одном из старейших высших учебных заведений нашей страны, основанном в 1632 году, училось немало революционно настроенных студентов, исключенных из других университетов России. В этом университете нелегально действовали марксистские кружки, и поэтому в нем царила атмосфера слежки за студентами: жандармерия делала все, чтобы выявить студентов, распространяющих нелегальную литературу, газету «Искра», студентов, ведущих революционную пропаганду среди населения.

Повесть представляет собой художественное произведение, в которое включены документальные факты из жизни В. И. Ленина и Д. И. Ульянова, а также их письма

[1] Ульянов Д. И. Очерки разных лет. М., Политиздат, 1984.

к родным. Автор интересно и живо рассказывает о тяжелой жизни студенчества при царизме, которая была характерна для Юрьевского университета.

Повесть Д. М. Руднева «Русский студент» является интересным художественным произведением, которое, я полагаю, с увлечением прочтет наша молодежь.

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Н. Языков. «Песня»[1]

СТАРШИЙ БРАТ

Извозчичья пролетка, подпрыгивая на булыжнике, неторопливо катит по окраинной улице уездного города Подольска. За палисадниками прячутся дома с резными наличниками и мансардами. Мостовая кончилась, пошла малоезженая грунтовая дорога, и стало не так тряско.

В пролетке — усталый, озабоченный Владимир Ильич и веселый, оживленный Дмитрий в студенческой тужурке нараспашку, из-под которой виднеется синяя косоворотка. В ногах у них чемодан и ручная корзина.

— Мы ждали тебя недели через две, и вдруг телеграмма: еду! — радостно говорит Дмитрий.— Что в Уфе? Как Надежда Константиновна?

— В Уфе духота, грязь... Надя здорова, кланяется.— Помолчав, Владимир Ильич кладет руку на колено брата и участливо спрашивает: — Как у тебя с университетом? Ответ пришел?

Дмитрий мрачнеет.

— Пришел... Снова отказ.

— Еще год терять, это черт знает что такое! — возмущенно говорит Владимир Ильич. Заметив, как огорчен брат, спешит утешить его: — Авось удастся еще что-то сделать...

— Мама уже говорила с одной влиятельной барынькой, и та написала несколько писем в Петербург...

Владимир Ильич недовольно перебивает брата:

— Надеяться на разных барынек — пустая трата вре-

---

[1] Это стихотворение поэта Николая Языкова стало гимном русских студентов Юрьева.

мени! Поезжай-ка в Питер сам! Просись в Юрьевский университет. Когда я вылетел из Казанского, мама подала министру прошение, чтобы меня допустили в Юрьевский. Отказали. Может статься, тебе повезет больше, чем мне.

Дмитрий повеселел: в Юрьевский — это идея! По слухам, студентам, исключенным за «крамолу» из других университетов, туда попасть легче. У начальства на то есть свой резон: Юрьев — «город профессоров и скуки», рабочих там мало и социал-демократам со своей агитацией особо не развернуться.

— Спасибо, Володя, за совет! — радостно отзывается Дмитрий.— Если в Юрьев не пустят, тогда хоть в Китай подавайся!

Пролетка приближается к дому, который Ульяновы сняли на лето под дачу. Владимир Ильич нетерпеливо заглядывает через плечо извозчика — нет ли около калитки матери и Ани? Калитка открыта, но ни матери, ни сестры не видно.

Пролетка останавливается. Расплатившись с извозчиком, Владимир Ильич и Дмитрий снимают вещи и направляются к дому.

В тени старого ясеня в плетеном кресле сидит Мария Александровна. На ней светло-серое платье с черным кружевным воротничком, заколотым брошкой, на седых волосах небольшая черная же косынка. Рядом, на садовой скамейке, с книгой в руках сидит Анна Ильинична, еще молодая женщина с темными глазами и копной слегка вьющихся волос; она в белой кофточке с плотно облегающим шею воротничком.

В двух-трех шагах от них застыл старик-городовой с шашкой на боку.

Поставив на землю чемодан, Владимир Ильич быстро подходит к матери, целует ее и, указывая глазами на городового, спрашивает:

— Что этому господину здесь нужно?

— Он к тебе, Володюшка! — Мария Александровна силится говорить спокойно, не желая показать, что расстроена.

Владимир Ильич оборачивается к городовому и сухо спрашивает:

— Чем обязан?

В этот момент подходит с корзиной в руках Дмитрий. Он очень похож на мать: тот же овал лица, тот же лоб, те же глаза.

— Что за манера врываться? — сердито говорит он, косясь на городового.— И на даче не могут оставить в покое!

Анна Ильинична мягко дотрагивается до руки младшего брата:

— Не волнуйся, Митёк, сейчас все узнаем!

Городовой делает шаг к Владимиру Ильичу и вытягивается.

— Его благородие господин уездный исправник приказали объявить господину Ульянову, что ему дозволено оставаться в городе Подольске, Московской губернии, три дня, считая нонешний день за первый. По истечении сего срока господин Ульянов должóн выбыть из города, а ежели...

Мария Александровна медленно, с достоинством встает с кресла. Сейчас особенно заметно, какая она маленькая и хрупкая. Вскинув седую голову, говорит строго:

— Почему только три дня? Я испрашивала разрешение на неделю. Сын уезжает за границу, и надолго.

— Не могу знать! — Отдав честь, городовой направляется по дорожке к калитке.

Владимир Ильич целует матери руку.

— Не огорчайся, мамочка! Три дня это совсем не мало!

— Но согласись, Володюшка, это ни на что не похоже. Скажи на милость, что случится, если ты проведешь с нами не три дня, а неделю?

— Что случится? — с усмешкой отвечает за брата Дмитрий.— Потрясение всех основ!

Взяв мать под руку, Владимир Ильич бережно ведет ее к крыльцу бревенчатого дома.

Все три дня Дмитрий не отходил от брата. Погода была превосходная, и они много гуляли вместе. Владимира Ильича тянуло в лес, в поле — перед долгой разлукой с Россией хотел вдоволь наглядеться на родную природу. Ходили купаться — река протекала рядом с дачей. Плавали, ныряли, кувыркались в воде. Дмитрию вспомнилось детство в Симбирске, веселое купание в Свияге.

Владимир Ильич все время был весел, поэтому Дмитрий очень удивился, когда во время одной из прогулок брат вдруг обратился к нему с вопросом:

— Митя, хочу спросить у тебя медицинский совет, ты все-таки без пяти минут врач. Скажи, как в тюрьме бороться с бессонницей?

— Зачем это тебе, Володя? Ведь не в тюрьму же ты собираешься...

— Ну, это ничего не значит,— серьезно ответил Владимир Ильич.— В тюрьму всегда можно попасть, а то и на каторгу. Вот почему надо обо всем заранее подумать.

Дмитрий понял: брат не перестает опасаться, что в последний момент власти передумают и не пустят его за границу. А с этой поездкой столько у него связано! Еще в сибирской ссылке он обдумал план выпуска за границей русской политической газеты для создания общероссийской рабочей партии. И когда в феврале 1900 года Владимир Ильич вернулся из Сибири, он посвятил младшего брата в свой план. Они много говорили о будущей газете и в первый приезд Владимира Ильича в Подольск, шесть недель тому назад. Уже тогда условились, что Дмитрий станет одним из агентов «Искры» в России. Теперь же договорились о шифре для переписки, об адресах.

...В Подольске Дмитрий познакомил брата со своим другом, врачом земской больницы Вячеславом Александровичем Левицким. Тот оказался интересным человеком, много лет отдавшим исследованию условий труда и жизни местных кирпичников, цементников, а также рабочих, занятых на выделке фетра для шляп.

— Доля их ужасна,— рассказывал Левицкий.

— Напишите обо всем этом в газету! — предложил Владимир Ильич.

— Какая газета такое напечатает?! — грустно ответил Левицкий.

— Будет такая газета — «Искра»!

Левицкий обещал написать.

Новый знакомый понравился Владимиру Ильичу. И он сказал брату:

— Очень дельный человек! Ты расшевеливай его, заставляй писать в «Искру».

Перед отъездом из Подольска за границу Владимир Ильич напомнил Левицкому:

— За вами корреспонденция, Вячеслав Александрович!

— Не забыл! Напишу, но как вам ее переслать?

— Дмитрий скажет... он будет знать!

В середине июля 1900 года Владимир Ильич уехал за границу.

Дмитрий дал брату слово, что поедет в Петербург хлопотать о допуске в Юрьевский университет. Но, как поднадзорный, он не имел права отлучаться из Подольска, даже в Москву, которая совсем рядом. Конечно, ездил в Москву, и не раз, но тайно, а чтобы не попасться, надевал черные очки.

Для поездки в Петербург нужно получить в местной полиции «паспортную книжку». А даст ли ее уездный исправник? Он зол на всех Ульяновых. Когда в июне Владимир Ильич первый раз приезжал в Подольск, то исправник, старый чинодрал, потребовал у него документы. Владимир Ильич предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав паспорт, исправник положил его к себе в письменный стол со словами: «Теперь вы можете идти, а это останется у меня!» Владимир Ильич возмутился подобной наглостью: «Если сейчас же не возвратите, я буду жаловаться на ваши незаконные действия в департамент полиции!» Исправник струхнул и вернул паспорт. Но злость на Ульяновых затаил.

С помощью местных врачей Дмитрию все же удалось получить «паспортную книжку», и в конце августа он уехал в Петербург. Остановился у хороших знакомых на 10-й линии Васильевского острова. Столичная полиция разрешила ему пребывание в Петербурге в течение двух недель. Успеет ли он за это время управиться?

Каждое утро Дмитрий отправлялся в департамент народного просвещения. Чиновники разговаривали с ним вежливо, но дело не продвигалось. Он уже потерял всякую надежду, как наконец ему сообщили, что, возможно, его и допустят в Юрьевский университет. Окончательный ответ обещали дать в конце сентября.

В конце сентября? А срок его пребывания в Петербурге уже истек, он и так самовольно прихватил несколько дней.

От полиции не укроешься, она и здесь не спускает с него глаз — куда ни пойдет, за ним тянется «хвост». Дмитрий решил ждать ответа в Подольске и вернулся туда.

Мария Александровна сразу написала старшему сыну, что Митю обещали принять в Юрьевский университет. Владимир Ильич ответил: «Очень рад был узнать, что Митино дело налаживается и что его, вероятно, пустят в Юрьев».

В Подольске Дмитрию не сиделось. А что, если на Васильевский остров уже пришел положительный ответ из департамента народного просвещения? Нельзя терять ни дня, ведь занятия в университете идут уже целый месяц! Надо снова ехать в столицу!

Перед отъездом зашел к Левицкому.

— Вячеслав Александрович, не забыли о Володиной просьбе?

— Как же можно?! Готова корреспонденция, но куда ее послать?

Дмитрий дал адрес.

— Оттуда перешлют Владимиру Ильичу. О чем корреспонденция, если не секрет?

— От вас, Дмитрий Ильич, какие могут быть секреты? Про наших кирпичников написал...

Только Дмитрий снова приехал в столицу, как на 10-ю линию поступил пакет с официальным письмом. Всего несколько строк, но они меняли всю его жизнь:

«От департамента народного просвещения объявляется студенту Московского университета Дмитрию Ульянову, что ему разрешено поступить в число студентов Юрьевского университета».

Наконец-то!

В тот же день, 28 сентября 1900 года, Дмитрий выехал в Юрьев. Шпик проводил его до самого вагона.

30 сентября 1900 года.

...в 9 часов утра вчера был в Бологом, около 12 ночи в Пскове, в 4—5 утра в Валке, где и была единственная пересадка ⟨...⟩[1]

В Пскове поезд стоит недолго. Белый каменный вокзал ярко освещен, оттого светло и на перроне. Дмитрий

[1] Здесь и далее — выдержки из юрьевских писем Д. И. Ульянова.

вышел из вагона и прогулялся вдоль поезда туда и обратно.

С февраля и по май этого года, пока в Пскове жил Владимир Ильич, Дмитрий всеми помыслами был здесь. Как жаль, что нет времени поглядеть на город, да много ли увидишь ночью? Ударил станционный колокол, и Дмитрий поспешил к своему вагону.

Через час поезд остановился в Изборске. Дмитрий прижался лицом к окну, но, кроме деревянного здания станции и водокачки, ничего не увидел, только вдали мерцали огоньки.

И Дмитрий снова вспомнил брата.

СЕКРЕТНАЯ ПОЕЗДКА

Рассказ

В феврале 1900 года, отбыв срок сибирской ссылки, Владимир Ильич поселился в Пскове. Здесь ои вскоре получил письмо от Михаила Александровича Сильвииа, с которым вместе вели революционную работу, а потом отбывали сибирскую ссылку.

Владимир Ильич потерял было Сильвина из виду, и вот он подал о себе весточку. Зиачит, Михаил Алексаидрович в Риге, отбывает там воинскую повииность в 115-м Вяземском полку. Надежда Константиновна со слов его жеиы, Ольги Алексаидровны, писала, что Сильвину не повезло: жизнь в казарме хуже каторги, одного его никуда ие пускают, только в сопровождеиии солдата, да и то лишь в лавочку; книги отобрали все, кроме иемецкого словаря и учебника по граждаискому праву, кормят плохо, из вещей ничего завести иельзя — сразу крадут, одежду выдали плохую, иосить невозможио, приходится покупать самому.

Но хуже всего, что назначили Сильвииа в роту, которая прииимала участие в расстрелах рабочих — солдатам выдавали по десяти рублей наградных за каждого убитого рабочего. И вот в этой роте ему приходится отбывать воинскую повинность.

Но судя по письму, которое Михаил Александрович прислал в Псков, у иего не пропал живой интерес к революциоиному делу. В Риге он уже свел знакомство с латышскими социал-демократами и теперь зовет Владимира Ильича прокатиться в Ригу, обещая познакомить с ними.

Предложеиие заманчивое! Можио столковаться с латышскими социал-демократами о поддержке «Искры», о содействии в отправке газеты в Россию — Рига к границе близко.

Хорошо бы съездить, но департамент полиции запретил ему в течение трех лет появляться в «некоторых местностях», включая Ригу и Юрьев. Остается одно — совершить поездку тайио.

Из Пскова иезаметно ие уехать. Петербург прислал сюда двух филеров специальио для слежки за иим. Сядешь в рижский поезд в Пскове — снимут на первой же станции или, того хуже, схватят в Риге и заведут дело о самовольиой отлучке с места поселеиия...

А что, если сесть на поезд в Изборске? В тамошней волости псковские статистики проводят сейчас подворную перепись скота. Один раз Владимир Ильич уже ездил с ними. Теперь они сиова зовут его в Изборск, чтоб продолжать перепись. Владимир Ильич охотно поехал.

Изборск в то время — село Псковского уезда с иаселением 900 человек. А ведь в древности Изборск был городом, играл большую роль в защите псковских и новгородских земель от немецких псов-рыцарей.

в XIV веке в Изборске построили каменную крепость, от которой теперь остались лишь развалины. Постепенно значение Изборска падало, и в 1777 году он утратил звание города, превратившись в село.

В Изборске слежка за Владимиром Ильичем была слабее, чем в Пскове. В распоряжении местного станового пристава имелось всего двое городовых, где им углядеть за всеми приехавшими в село статистиками. И тем не менее надо было все предусмотреть, прежде чем пускаться в поездку.

Сильвин просит приехать в воскресенье или на пасху, так как на эти дни его отпустят «домой», к жене, которая сняла в центре Риги, на Венденской улице, комнату. Владимир Ильич решил ехать под 2 апреля, на один день.

Поезд на Ригу прибывал на станцию Изборск около часа ночи. Стоянка — две-три минуты. От села Изборск до одноименной станции десять верст. Выходить из села надо с таким расчетом, чтобы поспеть на станцию к самому приходу поезда.

Так Владимир Ильич и сделал. В густой темноте — фонарь горел только на здании станции — он сел в вагон подошедшего поезда. Дежурный два раза ударил в медный колокол. Паровоз ответил протяжным гудком, и поезд тронулся. Часа через два-три он сделал остановку в Верро (теперь Выру), затем тронулся в сторону Валка (Валга). Таким образом Владимир Ильич в эту апрельскую ночь пересек почти всю южную Эстонию. Тогда она относилась к Лифляндской губернии, о которой Владимир Ильич не раз упоминал в своей книге «Развитие капитализма в России». Теперь он имел случай увидеть этот край своими глазами. В предрассветных сумерках мелькали поля, одинокие усадьбы хуторян, каменные постройки баронских мыз.

Поздно утром 2 апреля 1900 года Владимир Ильич был уже в Риге.

Спрашивать у прохожих дорогу на Венденскую улицу не стал, только однажды обратился к полицейскому с вопросом, и то лишь для того, чтобы проверить свой немецкий язык. Квартиру Сильвиных нашел без труда, хотя в Риге прежде не бывал.

В двенадцатом часу дня Владимир Ильич появился на пороге комнаты Сильвиных. На нем была мягкая шляпа, в руках перчатки и тросточка — одним словом, настоящий джентльмен. Владимир Ильич нарочно оделся так, чтобы усыпить бдительность полиции.

Дорогого гостя напоили чаем, накормили завтраком. Михаил Александрович обрадовался, что Владимир Ильич поспешил с приездом — со дня на день его, Сильвина, могут отправить в другой город — куда, он еще сам не знает, возможно, в далекий Ачинск.

Сильвины проводили Владимира Ильича на Елизаветинскую улицу.

Здесь его уже ждали руководители рижских социал-демократов Я. Озол и К. Зутис. Владимир Ильич подробно расспросил латышских товарищей о их работе, условился о связях и адресах, об участи латышей в издании «Искры» и транспортировке ее в Россию.

В тот же вечер Владимир Ильич покинул Ригу. Рассказывая близким о своей поездке, он весело смеялся: полицейские не хватились его ни в Изборске, ни в Пскове, проворонили его и в Риге. На редкость удачная получилась поездка!

ЭСТОНСКИЕ, ИЛИ ЛИВОНСКИЕ, АФИНЫ [1]

Под навес деревянного вокзала медленно втягивается пассажирский поезд. Паровоз с трубой-воронкой тяжело отдувается. Вагон третьего класса — он в самом конце поезда, и поэтому места под навесом ему не хватило — остановился под открытым небом.

А идет дождь, частый, бойкий. Все пассажиры спешат под крышу, один Дмитрий стоит под дождем, с веселым недоумением поглядывая на свои чемоданы и баул.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — говорит он, вытирая платком мокрое лицо. Увидев на вокзале надпись «Юрьев», рассмеялся — неожиданно получился незатейливый каламбур: Юрьев день в Юрьеве!

Мимо проходили, направляясь на встречный поезд, разного вида люди. Одни говорили по-немецки, другие — на незнакомом Дмитрию языке: похож на финский, но мягче, мелодичнее. Эстонский, должно быть. Простой народ объясняется больше на нем. Русской речи что-то не слыхать. А вот идут студенты, по-русски разговаривают.

По перрону, высматривая кого-то в толпе прибывших пассажиров, осторожно обходя лужи, шел вертлявый человек в длинном пальто и в котелке. Заметив Дмитрия, дернулся в сторону и набрал полную галошу воды. Вылив воду, он повернулся, чтобы идти обратно к вокзалу.

— Будьте любезны,— обратился к нему Дмитрий,— пришлите артельщика! [2]

Человек в котелке поклонился и пошел исполнять просьбу. Дмитрий усмехнулся — и от шпика может быть польза!

Вскоре явился носильщик — в белом фартуке, с начищенной бляхой на груди. Молча взяв вещи, понес к выходу.

На маленькой, уютной площади выстроились в длинный

---

[1] Так почтительно называли университетский город Юрьев (Дерпт, Тарту). Ливония — в XIII — XVI веках вся территория Латвии и Эстонии, завоеванная немецкими крестоносцами.

[2] Носильщик.

ряд лакированные экипажи, одноконные и пароконные. На козлах сидели важные извозчики в черных цилиндрах и в пальто с двумя рядами металлических пуговиц, колени укрыты кожаными фартуками.

На ломаном русском языке носильщик спросил Дмитрия, какой экипаж ему подать — одноконный или пароконный? Проезд до центра города на одноконном стоит тридцать копеек, а на пароконном — сорок пять.

— Наймите, пожалуйста, одноконный! — сказал Дмитрий. Денег у него в обрез, надо экономить.

Пока носильщик укладывал в коляску вещи, Дмитрий пытался растолковать извозчику, куда ехать. Но тот лишь мотал головой — не понимаю! Дмитрий попросил носильщика объяснить извозчику, чтобы тот вез его в «номера». Извозчик вежливо приподнял цилиндр — к вашим услугам!

Дмитрий нырнул под верх экипажа и укрылся широким кожаным фартуком. Едва отъехали, как на площади появился человек в котелке. Он сел в другой экипаж и направился следом.

Извозчик остановил лошадь перед гостиницей «Лифляндия». Оттуда выскочил коридорный и на вопрос Дмитрия о цене номеров ответил, что дешевле рубля нет! Рубль в сутки? Ну и дерут! На рубль ему надо жить целый день.

Дмитрий попросил коридорного передать извозчику, чтобы тот вез его в «номера» подешевле. Сердито пробурчав что-то, извозчик тронул лошадь.

Экипаж остановился возле гостиницы «Эстляндия». Дмитрий улыбнулся: за четверть часа объехал, почитай, весь Прибалтийский край!

...Вот я и в Юрьеве, дорогая мамочка; приехал сегодня около 11 часов утра, так что ехал полтора суток ⟨...⟩ Обе ночи спал хорошо и доехал вообще недурно ⟨...⟩

Остановился пока в номере за 60 копеек, ибо дешевле не нашел ⟨...⟩ Желательно бы вообще меньше жить в таком дорогом номере,— времени свободного много, исхожу весь город, тут ведь нет больших расстояний — не Москва!

⟨...⟩ Ходил сегодня по городу и искал комнату, но ничего не нашел абсолютно. Один «коллега» обещал справиться по поводу какой-то комнаты, сдаваемой по семе-

страм и с отоплением. Потом в одних «номерах» хозяйка сказала, что с десятого октября у нее освободится «очень хорошенькая» комната за 12 рублей в месяц. Пойду завтра искать с утра.

⟨...⟩ Что касается внешности города, то он больше напоминает заграничный: постройки остроконечные с высокими крутыми крышами, то железными, то черепичными; характер домов, магазинов, церквей тоже больше не русский. Улицы в некоторых местах такие узкие, что в них нельзя разъехаться двум экипажам. Зелени очень много, особенно в одной части города, расположенной на горе. Завтра начну ходить именно там, и клиники и университет там близко.

Первым делом Дмитрий отправился в университет. Главное его здание, трехэтажное, с колоннами, меньше и скромнее Московского, но тоже весьма внушительное. Фасад, должно быть, недавно подновили, покрасили, не скажешь, что ему без малого сто лет.

Дмитрий с уважением разглядывал университет — сердце Эстонских, или Ливонских, Афин! Сколько замечательных людей науки вышло из этих стен. В профессорском институте при университете осваивал медицину великий Пирогов. В университете получил образование, а потом стал профессором всемирно известный астроном Струве. Здесь учился и начал свои исследования крупнейший эмбриолог Бэр. Какой медик останется равнодушным при упоминании имен профессоров университета Биддера, Филомафицкого, Загорского, Иноземцева?! Студентами университета были поэт Языков, составитель словаря русского языка Даль.

Сколько врачей дал России этот университет! Дмитрий встречал питомцев Дерпта, как до 1893 года официально назывался Юрьев, в Симбирске, Самаре, Казани, Москве, Туле...

Входя в здание университета, Дмитрий почтительно снял фуражку.

ФОРМЕННЫЙ СТУДЕНТ

Канцелярия помещалась во втором этаже. Дмитрий так привык ко всяким подвохам, что и сейчас не верил, что дело обойдется без них — всегда найдут, к чему придраться...

Секретарь правления университета встретил его холодно, заявил, что относительно Ульянова никаких бумаг из Петербурга не поступало.

— Как скоро можно их ожидать? — осведомился Дмитрий, а сам подумал: начинается...

Секретарь развел руками — сие неизвестно.

— До получения бумаг могу я быть допущен к занятиям?

— Не полагается!

«Вот чернильная душа!» — начал сердиться Дмитрий. Но сдержал себя и спросил с обычной своей учтивостью:

— Господин секретарь, не может ли служить основанием для зачисления меня в университет это письмо? Я получил его не далее как два дня назад в Петербурге,— и протянул бумагу из департамента народного просвещения.

Секретарь прочел и смягчился.

— Этого достаточно, чтобы принять от вас прошение о зачислении... однако при условии, что к нему будут приложены надлежащие документы — в оригиналах или заверенных копиях!

Вот незадача! Сегодня суббота, снять копии с формулярного списка отца, со своего метрического свидетельства и с других документов уже не успеть. Значит, раньше понедельника подать прошение не удастся. И когда еще ректор соизволит рассмотреть его. А лекции идут...

Секретарь явно был доволен, что смутил приезжего.

— Увольнительное удостоверение от Императорского Московского университета при вас?

— При мне! — обрадовался Дмитрий, протягивая секретарю бумагу.

Читая «увольнительное удостоверение», секретарь осуждающе поглядывал на стоящего перед ним студента. Бумага подтверждала, что Дмитрий Ульянов в августе 1893 года был принят на медицинский факультет Москов-

ского университета, окончил восемь семестров и весной 1897 года переведен на девятый семестр, то есть на пятый, последний курс. Однако на основании такого-то параграфа Особых правил «из ведомства Московского университета уволен».

Секретарь недовольно пожевал губами. Еще один бунтовщик прибыл, будто своих мало! Вот такие, как Ульянов, и подстрекают студентов на беспорядки! До недавнего времени Императорский Юрьевский университет отличался благонравием, а в минувшем 1899 году и здесь пошло-завертелось. Слыханное ли дело: студенты, будто фабричные мастеровые, устроили стачку! В назидание другим двести пятьдесят смутьянов были уволены из университета и высланы из Юрьева. Для того ли, чтобы новых набирать?!

— Требуется также свидетельство о сданных вами экзаменах по старому месту занятий,— заявил секретарь.— Без оного совет медицинского факультета не вправе допустить вас к слушанию лекций.

Дмитрий понял: эта канцелярская крыса доймет его, если вот сейчас, сию минуту, не прищемить ей хвост! Протянул руку за своими бумагами:

— Заключаю из ваших, господин секретарь, слов, что предписание департамента народного просвещения о принятии меня в число студентов Юрьевского университета исполнено быть не может. Поставлен в необходимость известить о том департамент.

Секретарь озадаченно уставился на Дмитрия — такого оборота он никак не ожидал. Сказал примирительно:

— Хорошо, хорошо, прошение от вас будет принято и доложено его превосходительству господину ректору.

Так-то оно лучше! Вежливо раскланявшись, Дмитрий вышел из канцелярии.

В понедельник, 2 октября 1900 года, он подал на имя ректора прошение о зачислении его на пятый курс медицинского факультета. И уже на следующий день был зачислен.

В канцелярии медицинского факультета Дмитрия встретил делопроизводитель, древний и ласковый старичок. Усадил в кресло и с грустным сочувствием осведомился:

— Осмелюсь спросить, как долго отсутствовали в университете?

— Три года.

Старичок сокрушенно покачал головой и положил перед Дмитрием листок с печатным текстом.

— Ознакомьтесь и подпишите!

Дмитрий прочел: «...обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному обществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, университетского начальства, не вступать и в дозволенные законом общества, в случае же нарушения мною сего обещания, подвергаюсь немедленному увольнению из университета».

— Извольте! — сказал Дмитрий, расписываясь под грозным текстом.

Забирая обратно листок, делопроизводитель хитровато улыбнулся:

— Все подписывают, а бунтуют... эхе-хе!

...Здесь дело пошло хорошо, не так как в Петербурге — меня уже приняли в Университет, так что я теперь форменный студент ⟨...⟩ С завтрашнего дня начну слушать лекции. Формалистики здесь гораздо меньше, чем везде в других местах, но зато есть и недостаток: в Университет придется заплатить не 50 рублей, а 78 только за первое полугодие — тут совсем особые порядки, частию еще старинные. При поступлении сегодня пришлось внести 6 рублей за так называемый матрикул, который выдается каждому вновь поступающему студенту. Затем 25 рублей в пользу Университета и гонорар профессорам плюс плата за практические занятия и за клиники (особо!) 47 рублей. Итого, черт побери, 78. Во втором полугодии будет несколько меньше (кажется, 60 с чем-то).

В общем выйдет рублей на 40 дороже, чем в других университетах, да что будешь делать ⟨...⟩ Работы этой зимой будет масса: лекции и утром и вечером, практические занятия то там, то здесь, занятия в городских больницах с историями болезней и рефератами, затем теоретические занятия, подготовка к экзаменам ⟨...⟩ С завтрашнего дня понемногу погружусь во все это.

МЕЛЬНИЧНАЯ УЛИЦА, ДОМ № 47

...Теперь о комнате, ходил я, ходил по городу, suchte und suchte[1] *без конца — ничего нет, хоть шаром покати. Случайно познакомился с одним студентом, который оканчивает и уезжает, что-то в этом роде, и ему не нужна комната*[2]. *Он снял ее на семестр без дров за 20 рублей, мне придется заплатить 15, причем еще мне в наследство осталось немного дров. Придется только купить себе лампу, матрац, пожалуй, еще кувшин для умывания — хозяйка ничего не дает. Здесь вообще характер сдаваемых комнат большею частью не такой, как в Москве. Комнаты совершенно изолированы от квартир, и их сдают как квартиры, устраивайся как знаешь...*

Я живу наверху, в настоящей мансарде, против меня другой студент, так что мы с ним вдвоем в антресолях, у каждого своя печка и своя «Teemaschine» (большой жестяной чайник, в котором устроена труба для углей — немецкое изобретение!) ⟨...⟩ До рождества комната мне будет стоить рублей девять с дровами, если столько же на обед и десять — двенадцать на все прочее, то на тридцать рублей прожить можно. Но теперь, кроме того, нужно еще обзаводиться хозяйством...

У меня теперь в распоряжении 99 рублей (6 рублей внес в Университет, остальные израсходовал), из них придется отдать за комнату 15 рублей вперед, в Университет 72, сняться нужно да купить матрац и лампу. По всей вероятности, только в Университет всего сразу не потребуют, я это на днях узнаю...

Не знаю, как бы тут устроиться с газетой... может быть, можно посылать? Только это скучная история для вас. Можно бы посылать по два-три номера зараз, но, пожалуй, проще выписать. Напишите, как вы думаете. Здесь и газетчиков-то нет, и газет нигде не видно, есть какая-то юрьевская, но шут ли в ней[3]. *Если будут какие-нибудь*

---

[1] Искал и искал *(нем.)*.

[2] Этим студентом был Петерас Авижонис из Литвы. Впоследствии он стал выдающимся ученым, профессором Каунасского университета.

[3] Речь идет о немецкой газете. В Юрьеве выходила и эстонская газета «Постимеэс», но Дмитрий Ильич эстонского языка не знал.

более или менее интересные статьи в журналах или выйдет какая-нибудь интересная книга, я надеюсь, что Маня напишет мне, достать наверное можно будет и здесь...

Мой адрес: Юрьев, Лифляндская губерния, Мельничная улица, дом № 47, студенту Ульянову.

Своей комнатой Дмитрий весьма доволен. Тишина полнейшая, заниматься очень удобно. Форточка есть — он держит ее открытой и днем и ночью. Мебели много: кровать, диванчик, два стола с ящиками, этажерка для книг, два шкафчика, один в стене, другой у постели. Было бы что класть! Хозяйка дала еще четыре стула, правда один на трех ножках. Каждому жильцу полагается ключ от ворот — вход в дом со двора,— если поздно вернешься, никого беспокоить не надо.

По конспиративной привычке Дмитрий произвел тщательный осмотр комнаты. Окно находится вровень с верхушками берез — не выпрыгнешь, но спуститься по стволу можно. Перегородки между комнатами добротные — хоть кричи, сосед не услышит!

Исследовал и мебель. Обнаружив в задней обшивке диванчика дыру, сунул в нее руку. Неплохое местечко для тайника! В стенном шкафчике одна доска отстает, спрятать за нее брошюрку — минутное дело.

Комната хороша, а вот хозяйка — госпожа Борнвассер — нудная особа. То сама заявится, то служанку пришлет. Сегодня служанка уже два раза приходила, по-русски не говорит, объясняться с ней надо по-немецки. Пристала как с ножом к горлу:

— Господин должен купить матрац!

— Да-да, я знаю, но где его купить?

Служанка принялась объяснять, где находится нужный магазин, а он ничего не понимает, в ответ лишь «дакает». Черт побери, остзейцы[1] эти здесь просто беда!

— Господин должен лампу купить, эта — лампа хозяйки, она ей самой нужна!

— Да-да!

— Таз и кувшин для умывания.

---

[1] **Остзейцы** — прибалтийские немцы, господствующее в то время сословие в Эстонии и Латвии.

— Да-да!

— Чашку и две тарелки.

— Да-да... А как с кочергой?

Служанка вытаращила глаза — что такое ко-чер-га? Дмитрий показал: то, чем мешают в печке.

— Ах так! Ко-чер-гу господин тоже должен купить!

Ну, это уж слишком! Кочерга — невелик расход, но нельзя же потакать жадности хозяйки. Ни матраца, ни лампы, ни кувшина он, когда уедет, с собой ведь не заберет, все за бесценок останется хозяйке, потому она так настырно и требует, чтобы жилец всем обзавелся.

Дмитрий сказал сердито:

— Пусть кочергу даст хозяйка!

Служанка закатила глаза: как можно требовать у хозяйки кочергу, ни один студент, снимавший эту комнату, не требовал кочерги!

Ладно, купит он кочергу, только бы отвязались!

Когда служанка ушла, Дмитрий разложил на столе свою студенческую тужурку — обшлага истрепались, воротник выцвел. Не мешало бы новую купить. Да стоит ли на один год? Старая еще послужит. Отдаст ее портному в ремонт, только бы тот не заломил много: и без того расходов хватает... Легко промотать все, что скопил, работая в Подольске у Левицкого.

Дмитрий отправился к портному, откладывать ремонт нельзя — инспектор студентов вызывает его к себе, предупредив, чтоб явился в полной студенческой форме!

Портной, чванливый толстяк, долго и придирчиво рассматривал тужурку, разглаживал ладонью потертое сукно, выворачивал рукава и карманы, при этом недовольно фыркал и хмыкал.

— Два рубля пятьдесят копеек! — наконец объявил он.

Дмитрий забрал тужурку и ушел. Два с полтиной только за то, чтобы заменить обшлага и петлицы на воротнике? Да он сам это сделает не хуже портного!

По дороге домой зашел в лавку, купил на 50 копеек синего сукна, на пятиалтынный пуговиц. Иголки, нитки и прочие швейные принадлежности он всегда возит с собой. Будет тужурка как новая!

СОСЕД

Что за студент живет напротив? Его не видно и не слышно, зубрит, должно быть. Есть такие студенты, которые не дают себе ни часу отдыха. И зря — человек не машина, нервная система не может беспрерывно работать. Сам он взял себе в Юрьеве за правило: гулять ежедневно, хоть часок, в крайнем случае минут сорок. Идешь не спеша, ни о чем серьезном не думаешь и так хорошо отдыхаешь.

Надо не только голове давать работу, но и мышцам. Он второй вечер портняжничает — отличная разминка! Один обшлаг уже заменил, за другой взялся. Да гость помешал. Дмитрий, услышав тихий стук в дверь, открыл и увидел на пороге бледного, тощего студента. Тот сказал густым басом:

— Не осудите за вторжение. Ваш сосед — Егор Сорока, студент четвертого курса юридического факультета.

Дмитрий назвал себя и пригласил соседа войти.

— В Юрьев вы из каких мест? — спросил гость, усевшись на диванчик.

— Последнее время служил по санитарной части в Подольске, Московской губернии, курс гимназии окончил в Самаре, в Московском университете изучал медицину, да вот пришлось с ним расстаться...

— По семейным обстоятельствам? — полюбопытствовал Егор.

— Нет, по воле властей предержащих,— ответил Дмитрий и взглянул гостю прямо в глаза.

Егор понимающе кивнул головой.

— Согласно параграфа первого Особых правил от четырнадцатого мая одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, а также положения от первого марта одна тысяча восемьсот девяносто второго года и циркуляра департамента народного просвещения за номером...

Дмитрий рассмеялся.

— Вы, смотрю я, все законы и циркуляры наизусть знаете!

— Обязан знать! Готовлюсь к деятельности на юридическом поприще.

— В присяжные поверенные собираетесь?

— Нет, по прокурорской части!

— Прокуроры у нас нынче без дела не сидят! — с иронией заметил Дмитрий.

Егор, не уловив иронии, подтвердил:

— Да, должность по нонешним временам весьма хлопотная.

Подойдя к столу, он нагнулся над тужуркой. Похвалил:

— Изрядно, изрядно! Вы, господин Ульянов, должно быть, учились портновскому делу?

— Чему не научишься, когда подолгу живешь один... Инспектор студентов потребовал явиться к нему в полной форме, вот и стараюсь.

Егор сказал наставительно:

— При ваших обстоятельствах весьма важно, чтобы инспектор студентов был о вас хорошего мнения. Полагаю не лишним дать вам совет: избегайте общения со студентами, которые на худом счету у начальства университета. Близкое знакомство с ними может вам сильно повредить.

— Весьма благодарен за совет,— Дмитрий подчеркнуто учтиво поклонился, а глаза его смеялись.

Визит к инспектору студентов прошел как нельзя лучше. Увидев на Дмитрии отглаженную тужурку со свежими обшлагами и новенькими петлицами на воротнике, инспектор обрадовался, а узнав, что у студента есть еще и форменная шинель, растрогался.

— Одолжили, прямо-таки одолжили! Студенты у нас, как сами заметили, плохо соблюдают форму, ходят в чем попало. Его превосходительство попечитель учебного округа даже выразил по сему поводу свое неудовольствие!

Дмитрий усмехнулся про себя: вот и удостоился похвалы университетского начальства! Но долго ли он будет у него в чести?

Прямо от инспектора Дмитрий отправился в «Фотографическое заведение Йоона» — канцелярия факультета требует две фотографии, и домой надо послать — мама обрадуется, Володя давно просит его фотографию...

Сделав снимки, фотограф спросил, сколько карточек потребуется заказчику: дюжина, полторы или две?

— Сделайте дюжину, посмотрим, как получился,— ответил Дмитрий.

В тот же день в «Фотографическое заведение Йоона» явился человек в котелке. По его требованию хозяин показал проявленные негативы — Ульянов снят в фас и в профиль.

— С обоих негативов сделайте карточки и для нас.

— Слушаюсь, господин Франк.

— Когда вы обещали Ульянову пробные?

— На той неделе.

— А нам они нужны завтра!

— Как вам будет угодно, господин Франк!

Дорогая мамочка!

Вчера я получил Манино письмо. Сегодня, наконец, снялся, через неделю будут готовы пробные карточки, кажется, не особенно удачно, но недорого: 2 рубля 70 копеек дюжина, не знаю, сколько заказать — две или полторы, посмотрим как выйдет.

Денег у меня теперь 82 рубля, из них надо внести в Университет 72, да за комнату еще пять... Придется еще купить две-три книги ⟨...⟩ Но главный расход это Университет, мы ведь думали, что пятидесяти рублей будет достаточно, оказывается, семьдесят восемь! Дерут прямо бессовестно ⟨...⟩

Начал ходить на занятия и чувствую себя прекрасно — опять на лекциях, в лаборатории — давно уж не бывал!

Завтра просил разбудить себя в семь часов, нужно будет идти на лекцию к восьми.

ЖАНДАРМЫ

— Проворонили, а теперь мечутся, ищут! — Ротмистр Покрошинский, дородный, с багровым лицом, откинулся на спинку кресла и не без злорадства хохотнул. Вот как в Подольске уездный исправник опростоволосился! Выдал годичный паспорт Дмитрию Ульянову, а тот взял да уехал, не сказав куда. Ищи ветра в поле!

Сидевший по другую сторону письменного стола юрьевский полицмейстер[1] Забелин, в отличие от толстого ротмистра худой и желтый, не разделял ликования помощника начальника Лифляндского губернского жандармского управления. Сегодня поднадзорный ушел из Подольска, завтра уйдет из Юрьева. От такой напасти не зарекайся, чужой беде не радуйся!

Ротмистр продолжал, потирая руки:

— Какую птицу упустили! Начальник Московского охранного отделения полковник Зубатов разослал во все концы империи телеграмму: «Ввиду того, что местожительство состоящего под негласным надзором Дмитрия Ульянова до сего времени установить не удалось, прошу постараться дознать... где именно находится в настоящее время Дмитрий Ульянов и о последующем сообщить». Достанется подольскому исправнику от Зубатова. Зубатову на зуб не попадайся!

Ротмистру понравилась собственная острота, и он раскатисто захохотал. Забелин, уткнув белый, бескровный нос в бумаги, которые принес с собой, сухо доложил:

— Я, ваше высокоблагородие, почел своей обязанностью поставить полковника Зубатова в известность, что Дмитрий Ульянов пребывает в Юрьеве.

— Можно было и повременить! — добродушно заметил на это Покрошинский.

— Сами изволили сказать: Зубатову на зуб не попадайся, пакость сотворит!

Покрошинский согласно закивал — да, Зубатов известный пакостник, для него ничего святого нет.

— Известили, и ладно! Слушайте, что полковник Зубатов еще сообщает. Сестры Дмитрия Ульянова Анна и Мария состоят под особым надзором полиции, а старший брат Владимир находится в Мюнхене, где, по данным заграничной агентуры, замышляет издание политической газеты революционной партии.— Ротмистр многозначительно поглядел на Забелина и строго спросил: — Что за Дмитрием Ульяновым значится?

— Согласно справке департамента полиции,— стал докладывать Забелин,— Дмитрий Ульянов привлекался к дознанию по делу о «Союзном совете объединенных сту-

[1] Начальник городской полиции.

денческих землячеств» в городе Москве, затем — по делу Московского рабочего союза, причем изобличен в содействии распространению преступных изданий. По высочайшему повелению был подчинен гласному надзору полиции на один год в городе Подольске Московской губернии...

— Из молодых да ранний! — осуждающе заметил ротмистр.

— После чего,— монотонно продолжал Забелин,— ему было запрещено жительство в столицах и в Петербургской губернии вплоть до особого распоряжения, причем был подчинен негласному надзору полиции.

— Так, так! — заторопил Забелина Покрошинский, проявляя все больший интерес к сведениям об Ульянове.

— В июле текущего года департамент полиции уведомил департамент народного просвещения, что принятие Дмитрия Ульянова в число студентов одного из российских университетов представлялось бы нежелательным...

— Вот-вот, нежелательным! А в Юрьев все-таки пустили! — с досадой сказал ротмистр.— У нас и без того смутьянов хоть пруд пруди, а все шлют и шлют... Взят под наблюдение?

— Так точно! Всем чинам наружного наблюдения розданы карточки Дмитрия Ульянова. К нему приставлен филер Франк. Об Ульянове сообщено обер-педелю[1] университета на предмет надлежащих распоряжений. Госпоже Борнвассер, хозяйке дома, сказано, чтобы докладывала, кто ходит к Ульянову.

— Прикажи изымать на почте его письма для просмотра! — распорядился ротмистр.

— Так ведь он письма сдает не на почту, а в почтовые вагоны проходящих поездов.

— Свяжись с Юрьевским отделением Петербургско-Варшавского полицейского управления железных дорог о выемке писем Ульянова из почтовых вагонов.

Покрошинский вытер толстую шею платком и вздохнул. Хлопот будет с этим Ульяновым! Отделаться от него надо. А как? Он, видно, стреляный воробей, голыми руками его

[1] В университете была своя полиция, во главе которой стоял обер-педель. Он имел в своем подчинении педелей (надзирателей).

не возьмешь. Тут филера мало, к Ульянову следует тайного осведомителя подставить!

Забелин покивал головой — да, да, без тайного осведомителя не обойтись!

— Хорошо бы студента к нему подставить... Сегодня в немецкой газете объявление есть: «Настоятельно прошу какого-нибудь заработка. Предложения направлять: Мельничная улица, дом госпожи Борнвассер, студенту Егору Сороке».

Показав объявление ротмистру, Забелин напомнил:

— Егор Сорока — сосед Ульянова, живут дверь в дверь.

Ротмистр сразу догадался, что́ задумал полицмейстер.

— Займись! Если клюнет, предложи за услуги пятьдесят рублей помесячно и наградные за усердие!

Через несколько дней Егор Сорока получил приглашение пожаловать в среду, в три часа дня, в парикмахерскую Грибпа, что на Ивановской улице,— одному лицу требуется репетитор по латинскому языку.

Когда Егор в указанный час пришел в парикмахерскую, его провели в заднее помещение, где уже ждал Франк.

Начал Франк издалека: окончив университет, господин Сорока будет стоять на страже закона, но закон уже сейчас нуждается в его услугах. Егор сразу понял, к чему клонит собеседник. Доносить на своего брата студента? На такое подлое дело он не пойдет!

— Подумайте, подумайте...

— И думать не стану!

— Откажетесь, худо вам будет. Распространим слух, что вы — шпион на жаловании. Нам поверят, будьте покойны.

Егор вскочил и бросился к двери, она оказалась запертой. Выпуская его, Франк сказал:

— Завтра в это же время буду здесь... Пятьдесят рублей — деньги немалые. С долгами расплатитесь, жирок нагуляете. Могу дать задаток — красненькую...

Сегодня получил Манино письмо ⟨...⟩ Оказывается, письма идут в Москву и из Москвы через С.-Петербург, хотя это дальше, чем на Псков. Приходят ко мне письма и газеты утром на третий день, и вы получаете, должно быть, так же? ⟨...⟩

Живу я по-прежнему. Утром хожу на лекции, вечером или на занятия куда-нибудь, или опять на лекции, или сижу дома за книгой. Дела очень много, так что занят с утра до вечера. Ввиду этого у меня есть даже мысль не ездить на рождество домой, а сидеть и заниматься здесь. Правда, клиники и все прочее будет закрыто недель на пять и заниматься придется только дома. Там увидим, еще далеко 〈...〉

Некоторые [профессора] читают по-немецки, у нас, например, Раубер — описательную анатомию, он и на экзаменах по-русски не говорит и не понимает, приходится отвечать по-немецки или по-латыни 〈...〉 *Анатомию я буду сдавать весной, чтобы летом посвободнее дышалось. По объему это самый большой курс и к тому же самый скучный. Поэтому я начал исподволь готовиться* 〈...〉

Сейчас отправлюсь с письмом на вокзал — в 8 часов вечера в Петербург отходит почтовый поезд. От меня до вокзала близко, минут семь ходьбы 〈...〉 *Я часто нарочно делаю крюк, а то уж очень близко идти.*

ВТОРОЙ СОСЕД

Внизу жил студент-медик Николай Дмитриевский. До сего времени у Дмитрия было с ним только «шапочное знакомство». Встретятся на лестнице или во дворе, кивнут друг другу, и все. Пора познакомиться поближе. Ждать, когда нижний сосед сделает первый шаг, не приходится — вид у него нелюдимый. Дмитрий сам отправился к Николаю.

Николай молча указал ему на стул и вернулся к делу, за которым его застали: раздувал огонь в голландке. В комнате было дымно.

— Чертова хозяйка! — ругнулся Николай.— Трубочиста у нее не допросишься, за копейку удавиться готова.

Дмитрий присел на корточки и заглянул в топку.

— Вы уверены, что засорен дымоход? Возможно, он просто отсырел. Позвольте мне разжечь печку по собственной методе?

— Валяйте!

Дмитрий вынул поленья, скомкал и сунул в топку

обрывок газеты и тонкие щепки, а затем чиркнул спичкой. Когда дымоход прогрелся, сложил обратно в печку поленья и подождал, пока огонь со щепок перекинется на дрова. Через несколько минут в голландке весело трещал огонь.

— Диагноз был поставлен верно: дымоход отсырел! — удовлетворенно заметил Дмитрий.— Редко топите.

— Редко,— согласился Николай.— Эгоизм заел.

— Простите, не понял.

— На обоих корма не хватает,— объяснил Николай серьезно.— Чаще себя кормлю, чем ее.

— И зимой тоже? — спросил, улыбаясь, Дмитрий.

— Зимой делюсь по-братски.

«Оригинальный тип»,— подумал Дмитрий.

Приложив ладонь к боку самовара, Николай спросил:

— Чай пить будете? Родительница прислала из Харькова всякой снеди.

За чаем Николай стал разговорчивее. На вопрос Дмитрия, что за публика в университете, ответил:

— Народец всякий, есть марксисты, есть и монархисты. А все больше таких, которым ни до чего нет дела, один диплом на уме.

— А профессора?

— И профессора всякие. Курчинский, Кондаков, Хлопин — умственные мужчины, а Чиж... он и есть чиж.

— А профессор Раубер?

— Немец, но немцы его не жалуют. Для Раубера что немец, что русский, что поляк — все едино, только бы анатомию знал.— Николай пытливо поглядел на Дмитрия, словно примеряясь, можно ли с гостем говорить открыто, и спросил: — Что за «голодный бунт» учинили в Москве инженеры?

Значит, и до Юрьева докатилась весть о выступлении «инженеров» — студентов Московского инженерного училища. Дмитрий передал то, что знал из письма Мани, сестры. В столовой училища студентов кормили тухлятиной, они возмутились и объявили бойкот: лучше, мол, голодать, чем есть помои. Дальше — больше, студенты потребовали изменить порядки в училище. Начальство струхнуло, даже позволило студентам устроить сходку.

— Молодцы! — похвалил Николай.

— Да, инженеры действительно отличились, прекрасный бойкот устроили. Я, честно говоря, не ожидал от них такой прыти. В прошлом году, говорят, и здесь было жарко?

— Было,— подтвердил Николай.— Студенты стачку устроили. Многих за нее повыгоняли из университета, кого навечно, кого до осени. Меня тоже турнули до осени. Только месяц как вернулся в альма-матер[1].

— Есть ли в университете студенческие организации? — спросил Дмитрий. Это его очень интересовало.

— Хватает! Но не от всякой есть толк. «Общество камерной музыки», «Семейный кружок» — это не для нас. «Общество русских студентов», «Общество студентов-медиков» — дело другое, полезные организации. Как и землячества! Надумали, в какое землячество вступить?

— В московское или самарское,— неуверенно ответил Дмитрий.— Кто объединяет все землячества?

Николай метнул на гостя хмурый, недоверчивый взгляд. Землячества действуют вполуоткрытую, о них все знают, а «Союзный совет землячеств и организаций» — дело тайное.

— Кто объединяет? А в Московском университете кто?

— «Союзный совет».

— Ну и тут, должно быть, есть такой.

«Темнит,— решил Дмитрий.— И правильно делает, ведь впервые говорит с человеком. Вот выдуем с ним десяток-другой ведерных самоваров, разговор пойдет по-другому...»

— В университете, как я успел убедиться, настоящее смешение языков и народов,— переменил тему Дмитрий.— Как разноязычная публика уживается под одной крышей?

— По-всякому. Остзейцы — те держатся особняком, у них одно на уме — кутежи, «цвета»[2]. На русских злобятся, хотя мы их не задеваем. А вот студенты-эстонцы с нами

---

[1] Alma mater *(лат.)* — «мать-кормилица» — так студенты называют свой университет.

[2] В жизни студентов-остзейцев большую роль играли корпорации. Каждая корпорация имела шапочки, ленты — их носили через плечо — определенных цветов. В описываемое время корпорации в университете были запрещены, но тайно продолжали существовать.

хорошо ладят, да их мало в университете. Это только название — Эстонские Афины...

— И я заметил: в университете эстонского языка почти не слышно.

— Задавлен народ,— кратко объяснил Николай.

Дмитрий удивлялся тому, как много запрещенной литературы ходит в Юрьеве среди студентов — и на русском языке, и на немецком, и на польском, и на грузинском. Хотя удивляться, пожалуй, нечему, ведь марксистские кружки существуют здесь уже более десяти лет.

Начало им положили студенты, исключенные из других университетов и нашедшие приют в Эстонских, или Лифонских, Афинах. Дмитрию называли имена Максимилиана Лесника, Станислава Стемповского, Бронислава Кулаковского, Богдана Кистяковского — первых в Дерпте марксистов. Позже здесь был кружок, в котором главную роль играли Иосиф Давыдов, Константин Чекеруль-Куш. Всего три года тому назад в Юрьеве действовал кружок Виргилия Шанцера.

Никого из них Дмитрий уже не застал, они давно покинули Дерпт, кто — по окончании курса, а кто и по воле полицейских властей. Больше других ему говорило имя Давыдова — Дмитрий много слышал о нем еще в Московском университете, где тот учился. Исключенный оттуда за «вредное влияние на студентов», Давыдов перекочевал в Юрьев, но в Москву ездил часто.

С одним из приездов Давыдова в Москву, в январе 1894 года, и связан был эпизод, о котором Дмитрий знал со слов старшей сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова.

СТУДЕНТ ИЗ ДЕРПТА

Рассказ

Шли каникулы, первые студенческие каникулы в жизни Дмитрия. Москва — не Самара, в Москве есть куда пойти, что посмотреть, где повеселиться. Но самое радостное — с ними Володя, прикатил из Петербурга.

Ради того, чтобы побыть с братом, Дмитрий готов отказаться от театра, от прогулки с товарищами по зимней Москве, не пойти на студенческую вечеринку. Но и в Москве брат очень занят, подолгу сидит за книгами, что-то пишет, часто отлучается из дома для конспиративных встреч с московскими марксистами.

Вечером 9 января Володя вместе с Аней и Марком Тимофеевичем ушли на тайную «вечеринку с разговорами» куда-то на Воздвиженку. Там с рефератом должен выступить знаменитый «В. В.» — Василий Павлович Воронцов, столп либерального народничества,— и молодые московские марксисты собираются дать ему бой.

Дмитрий с нетерпением ждал возвращения своих — хотелось услышать, как прошла «вечеринка с разговорами», кто на ней был, удалось ли расколотить «В. В.».

Наконец, Аня и Марк Тимофеевич вернулись, а брат что-то задержался. Аня и ее муж были в радостном возбуждении. Марк Тимофеевич, довольно потирая руки, без конца повторял:

— Здорово Володя его отделал, здорово!

Аня, веселая, оживленная, соглашалась:

— Да, он так чудесно его отчитал!

На «вечеринке», как догадался Дмитрий, произошло что-то важное и интересное: знаменитый Воронцов посрамлен, и сделал это Володя! Дмитрий взмолился:

— Расскажите же толком, что там было.

Аня и Марк Тимофеевич подробно описали «вечеринку», при этом изображали все в лицах, да так живо, что Дмитрий ясно представил, как все происходило.

В большой комнате на почетном месте за столом сидел сам Воронцов, а вокруг — его почитатели. Всем мест не хватило — молодежь столпилась у дверей, там стоял и Володя.

Полтора часа подряд Воронцов скучно и назидательно излагал взгляды народников на «особый путь» развития России и поругивал марксистов.

Когда он окончил свой реферат, ему стали возражать московские марксисты, но довольно вяло и плоско. В атаку на Воронцова пошел Иосиф Давыдов, приехавший из Юрьева на вакации. Возражал он горячо,

но вскоре обнаружилось, что у него не хватает знаний, чтобы тягаться с автором пухлых книг. Воронцов то покровительственно, то сердито осаживал Давыдова. Дело кончилось тем, что Давыдов стушевался и замолчал.

Казалось, Воронцов взял верх в споре, он и сам, судя по его самодовольному виду, так считал. Молодежь приуныла. Тогда слово попросил стоящий по-прежнему у дверей Владимир Ильич.

— Митёк,— блестя глазами, рассказывала сестра,— как смело, с какой убежденностью и как умно Володя говорил! Все доводы Воронцова буквально рассыпались на глазах!

— Камня на камне от них не оставил! — подтвердил Марк Тимофеевич.— Воронцов стал злиться: «Что дает вам право утверждать подобные вещи? За меня говорят мои книги! А где ваши труды?» Володя возражал ему деловито, слегка насмешливо и хладнокровно...

— Кое-кто из почитателей Воронцова начал возмущаться: «Да как он смеет! Какая дерзость!» — вставила, смеясь, Анна Ильинична.

— Зато молодежь обрадовалась, не ожидала такой мощной поддержки! — заметил Марк Тимофеевич.

— Да, молодежь ужасно была рада! — с гордостью сказала сестра.— Даже Воронцов удивился и под конец заявил: «Среди марксистов появилась большая восходящая звезда!»

— А что ему оставалось делать, потерпев такую конфузию? — рассмеялся Марк Тимофеевич.

В последующие дни Дмитрий то и дело слышал среди студентов разговоры о «вечеринке», на которой молодой петербуржец в пух и прах разгромил Воронцова.

Весть об этом дошла и до Юрьева — через Давыдова. Вернувшись после каникул в университет, он рассказал о сходке. О том, что сам спасовал перед Воронцовым, Давыдов умолчал — он был высокого о себе мнения, считал, что ни один народник не побьет его в споре.

Но вот что доносил тайный агент полиции, проникший на «вечеринку»: он, Давыдов, «с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной... вечеринке в доме Залесской на Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества «В. В.» (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела».

Имя Давыдова засело у Дмитрия в памяти. Вскоре он услышал о нем от Мицкевича, товарища по «Рабочему Союзу». По словам Мицкевича, тогда же, в 1894 году, он вручил Давыдову, находившемуся в

Москве, копию с одной рукописи, сказав: «Вот, прочтите, интересная вещь!» Это была статья Владимира Ильича «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Давыдов в это время писал нелегальную брошюру «Отношение социал-демократов к русской действительности». Познакомившись со статьей, которую ему дал Мицкевич, Давыдов внес в свою брошюру некоторые добавления. В готовом виде он прочел ее юрьевским студентам.

В апреле 1900 года Владимир Ильич упомянул Давыдова в письме к матери. Незадолго до этого вышла новая брошюра Иосифа Давыдова на философскую тему. Владимир Ильич ею заинтересовался, но в псковской библиотеке ее не оказалось, и он попросил младшую сестру прислать брошюру, «если у нее есть». Брошюру Давыдова он получил и тогда же прочел. Владимир Ильич испещрил ее пометками и критическими замечаниями, так как со многими положениями автора был не согласен. Об этом Владимир Ильич сказал самому Давыдову, когда случайно встретил его в поезде.

В Юрьеве то и дело в разговорах студентов всплывало имя Давыдова. По переводам, сделанным им самим или его товарищами по марксистскому кружку,— эти переводы продолжали ходить по рукам,— студенты, не знавшие немецкого языка, знакомились с сочинениями Маркса и Энгельса.

Иосиф Давыдов — первый студент из Юрьева, который видел и слышал Ленина, говорил с ним.

Как дальше сложилась его жизнь? Несколько лет провел в ссылке, потом в Петербурге принимал активное участие в первой русской революции. После ее поражения надолго отошел от борьбы. Октябрь снова разбудил в Давыдове революционера. Он вступает в большевистскую партию, отдает свои силы и знания делу народного образования, работает в Ленинградском университете, пишет книги, в которых разъясняет марксистскую науку, переводит труды иностранных авторов. Три книги в переводе Давыдова были в Библиотеке В. И. Ленина в Кремле. Умер он в 1942 году.

НЕСКЛАДНЫЙ ДЕНЬ

Обедал Дмитрий в «народной кухне» — столовой. Кормили здесь сытно и дешево — в Москве такой же обед из двух блюд обошелся бы вдвое дороже.

На выскобленных столах стояли хлебницы с сепиком — серым хлебом, глубокие миски с жирным мучным соусом. За хлеб и соус не надо было платить, и многие студенты в дни полного безденежья ничего не заказывали, довольствуясь этим.

Студенты медицинского факультета обычно садились за длинный стол в глубине обеденного зала. Пальто, шинели, накидки оставляли на вешалке около входной двери, но некоторые студенты почему-то клали их на спинку своего стула или на ближайший подоконник. Дмитрий, любивший во всем порядок, снимал шинель у входа в зал.

— Напрасно, коллега,— как-то предупредил его незнакомый студент.— Вам могут подсунуть в карман прокламацию или запрещенную брошюру, и неприятностей не оберетесь. Тут есть типы, которые этим занимаются по указке полиции.

С тех пор Дмитрий брал шинель с собой.

За столом всегда было шумно, спорили о новых книгах, о лекциях того или иного профессора и о многом другом. Дмитрий предпочитал молчать — либо его не интересовала тема, либо он не хотел при всех высказывать свое мнение — не остережешься, и доложат «куда следует».

Но сегодня не выдержал и встрял в разговор, удивив знакомых резкостью тона: его считали человеком мягким, спокойным — и вдруг такая запальчивость.

Сытенький студент с розовыми щечками, одетый в новую тужурку, громко восхищался юрьевской знаменитостью, доктором Эдуардом Карловичем Кенигсепом — у него каменный дом, свой выезд и, говорят, кругленькая сумма в банке, и все это от практики!

— За визит к больному меньше десяти рублей доктор Кенигсеп не берет. К тому, кто не может столько платить, Эдуард Карлович не поедет, как его ни уговаривай!

— Знаете, это довольно гнусно! — громко сказал Дмитрий.

За столом притихли.

— Почему же гнусно? — удивился сытенький студент.— Врач должен внушать уважение, а самый верный способ к тому — назначать высокий гонорар!

— Это не врач, а лабазник! — резко бросил Дмитрий.

— Но согласитесь, коллега, пациенты уважают дорогого врача больше дешевого.

— Сейчас речь идет не о пациентах, а о врачах! — бледнея, сказал Дмитрий.— Если врача позвали к больному, он не вправе справляться о его кредитоспособности, богат он или беден!

— А по мне, лучше взять по десятке с десяти пациентов, чем со ста по рублю! — заявил сытенький студент и обвел всех за столом самодовольным взглядом.— И невеста моя, девица Жигмонт, того же мнения.

— С чем вас и поздравляю! — с этими словами Дмитрий встал, надел шинель и направился к двери.

На улице накрапывал дождь, с реки тянуло холодом. Дмитрий никак не мог успокоиться. И зачем он полез в спор с этим глупцом? Какой от этого толк?

В плохом настроении вошел он в лабораторию ушных, горловых и носовых болезней. Лабораторией ведал приятный человек — Генрих Иванович, единственный на медицинском факультете приват-доцент из эстонцев. Он приветливо кивнул Дмитрию, продолжая наблюдать за тем, как студент-остзеец, оттопырив нижнюю губу, небрежно делал «операцию» на фантоме — модели человеческого тела или его части в натуральную величину.

— К сожалению, вы все делаете не так! — мягко заметил ему Генрих Иванович и хотел показать.

Студент гаркнул на всю лабораторию:

— Не указывайте мне! Давно ли вас пороли на мызном дворе?!

Приват-доцент отошел к своему столу и стал листать какую-то книгу, пальцы у него заметно дрожали.

Дмитрий встал, быстро подошел к студенту и, глядя в оловянные глаза, сказал срывающимся от ярости голосом:

— Вон отсюда... или я вас вышвырну!

Вздернув подбородок, остзеец пошел к двери. На пороге он обернулся и смерил Дмитрия наглым взглядом.

— Благодарите своего бога, что запрещены дуэли, не то я заколол бы вас, как свинью!

Дмитрий вернулся на свое место и углубился в учебник. Странное дело — он сразу успокоился.

Когда Дмитрий надевал шинель, чтобы идти домой — он всегда уходил из лаборатории последним,— Генрих Иванович спросил:

— Господин Ульянов, нам, кажется, по дороге?

Они вышли вместе.

— Вас удивил этот баронский отпрыск? — спросил Генрих Иванович после длительного молчания. И продолжал: — Остзейцы привыкли считать Латвию и Эстонию своей вотчиной, делать здесь все, что им вздумается. Нас, эстонцев, они за людей не считают. Один бог знает, сколько унижений и страданий мы от них претерпели. Мой отец — он был конторщиком в баронской мызе — всего насмотрелся. Вот обычная история. Барон купил тяжелую карету, запряг в нее крестьян, но им было не под силу сдвинуть ее с места. Тогда барон до крови отстегал их кнутом. Но и этого ему было мало. За «нерадивость» он учинил крестьянам такую порку, что одному — Яаку Пеэту повредил позвоночник. Дело дошло до суда, и что же? За увечье барон уплатил четырнадцать рублей... Я мог бы поведать вам много подобных историй.

Генрих Иванович рассказывал тихим, ровным голосом, тем страшнее казалась очередная эта «обычная история». Дмитрий упрекнул себя: «Что я знаю о народе, среди которого живу, о крае, в который меня занесла судьба? Мало, очень мало...»

Простившись с Генрихом Ивановичем, Дмитрий отправился домой. Заниматься сегодня он уже не сможет — рассказы Генриха Ивановича душу перевернули. Постучался к Николаю. За стаканом чая рассказал о стычке с сытеньким студентом в столовой.

— Кровососом будет! — сказал Николай.— К счастью, не все такие.

Дмитрий и сам знал, что не все такие. Вот его дед, Александр Дмитриевич. Блестяще окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, мог бы навсегда остаться в столице, иметь большие деньги, а стремился в провинцию — служил уездным врачом в Смоленской губернии; много лет работал на Урале в заводском госпитале; выйдя в отставку, поселился в деревне Кокýшкино, построил там больницу и бесплатно лечил крестьян... Мама очень хотела,

чтобы кто-нибудь из ее сыновей пошел по стопам Александра Дмитриевича, и была рада, когда заметила в младшем интерес к медицине.

Увидев на столе Николая свежий номер журнала «Мир Божий», Дмитрий спросил:

— Вересаева читаете?

— Да, «Записки врача»! Много здесь горькой правды... А вот это непосредственно относится к предмету вашего спора в столовой! — Полистав журнал и найдя нужное место, Николай прочел вслух: — «Медицина есть наука о лечении людей. Так оно выходило по книгам... Но в жизни оказывалось, что медицина есть наука о лечении одних лишь богатых и свободных людей. По отношению ко всем остальным она являлась лишь теоретическою наукою о том, как *можно было бы* вылечить их, если бы они были богаты и свободны...» А, каково? Не в бровь, а в глаз!

— Верно, ох как верно! — задумчиво произнес Дмитрий.— Какая нелепость: прекрасные лечебницы пустуют, а больной чахоткой рабочий угасает в своей темной, смрадной конуре. Полки в городских аптеках ломятся от банок с лекарствами, а бедняк, как при Иване Калите, лечится заговорами и «святой водицей», спрыснутой с уголька! Земские врачи делают все что могут для облегчения участи страждущих, но это капля в море.

Дмитрий вскочил и начал ходить из угла в угол.

— Да, только революция способна превратить медицину в науку о лечении всех людей!

— Намнут Вересаеву шею за его «Записки»,— заметил Николай, вертя в руках номер журнала. И добавил не без гордости: — А ведь он из дерптских студентов!

Дмитрий кивнул головой — он это знает.

Славно сидели они в этот вечер с Николаем, да хозяйка все испортила. Вкатилась с умильной улыбкой и, увидев Дмитрия, сказала жеманно:

— О, у вас гость? Я помешала вашей приятной беседе? Как печка, все еще дымит? Нужен трубочист?

Николай на ломаном немецком языке объяснил, что печь не дымит, трубочиста не надо. Он стоял, давая хозяйке понять, чтоб убиралась. Но госпожа Борнвассер стала ходить по комнате, переставлять стулья и говорить, что с мебелью надо обращаться бережно, это хорошая

мебель, ее купил покойный муж, он имел булочную на Рыцарской улице, его знал весь Дерпт, господа профессора покупали булочки к утреннему кофе только у него...

Когда хозяйка ушла, Николай сказал с досадой:

— Повадилась ходить!

— И ко мне тоже.

— Ведьма! — выругался Николай.— Чует мое сердце, шарит она в комнате, когда меня нет.— И добавил предостерегающе: — Дмитрий Ильич, не держите у себя чего-нибудь такого...

Получил сегодня твое письмо, дорогая мамочка, и повестку на 15 р. Только напрасно ты так поняла меня из того письма, будто мне эти деньги необходимы; я учебники покупаю исподволь ⟨...⟩

На прожитие здесь в месяц достаточно собственно и 30 рублей, пришлось только разориться на обзаведение, собираюсь купить еще керосинку, кастрюля уже имеется — кипячу молоко, покупал раза два сосиски. Молоко стоит тут 8—10 копеек штоф, который содержит 5 стаканов. Я покупаю ежедневно на ферме полштофа. Питаюсь вообще хорошо. Обед из 2-х блюд, хороший, в этой столовой обедает ежедневно человек 300 студентов, и все довольны.

У меня сейчас двое больных, одному из них сегодня делали операцию ⟨...⟩ *Потом здесь существует так называемая поликлиника: местные обыватели, желающие пригласить врача на дом (бесплатно), записываются, и к ним командируются студенты 5 курса. Студент обязан навещать больного и лечить его. Одна беда здесь — большинство больных или совсем не говорят по-русски, или очень скверно. Хорошо, если есть переводчик, а то приходится обходиться без расспроса больного* ⟨...⟩

Русские студенты поневоле оторваны как-то от общества и живут особняком ⟨...⟩ *Оторванность от внешней жизни все-таки как-то непривычна, хорошо, что нашел двух-трех знакомых, заходим друг к другу, хотя больше по делу, редко беседуем. Один женатый, к нему заходишь иногда поболтать и посидеть в «семейном кругу»* ⟨...⟩ *Уезжают* [на каникулы] *только в начале декабря — никто не хочет поддержать компанию, остаться здесь.*

УЛИЧНЫЙ ДОКТОР

Дмитрий шел по кривой улочке, застроенной деревянными домами, когда услышал рядом:

— Tere, tänavatohter![1]

Уличный доктор — так в городе называли студентов-медиков пятого курса, которых университетская поликлиника направляла к больным. Вызовы поступали больше из заречной части города, где жила эстонская беднота.

Дмитрий обернулся — возле хлебной лавки с пузатым кренделем над входом стояла молодая женщина, держа на руках грудного младенца, и улыбалась, как доброму знакомому.

Женщину он сразу узнал.

Это было, когда он только начал «беготню по больным». Как нарочно, первым же его больным оказался трехмесячный ребенок. Таких «поросят» он и видел-то мало. Мать, как тут обычно, по-русски не говорила, пришлось звать в переводчики соседа, но и тот понимал немногим больше. Вот и лечи! Хорошо еще случай попался легкий — ветряная оспа.

Дмитрий подошел, снял фуражку, весело поклонился. Заглянул под угол одеяла — краснощекое существо таращило глазенки и пускало пузыри. Мать скороговоркой сыпала по-эстонски; Дмитрий понял одно — ребенок совсем здоров, ест и спит хорошо, спасибо уличному доктору!

Слышать такое приятно — ведь студенты в роли доктора не пользуются у населения особым уважением. Первое время и он ловил на себе недоверчивые, а порой и иронические взгляды. Но когда вылечил двух-трех больных, его акции поднялись. Теперь заречные жители нередко просят прислать русского студента Ульянова. Сколько за это время он повидал сырых подвалов, холодных мансард, тесных каморок!

Как-то его позвали на мызу, что была сразу за городом, не к барону, естественно, а к работнику.

В глаза бросились добротные каменные коровники, побеленные известью, крытые красной черепицей. Дом

[1] Здравствуйте, уличный доктор! *(эст.)*

барона-помещика, с колоннами, замысловатым гербом на фронтоне, походил на дворец.

А для мызных работников жильем служил длинный, ушедший по окна в землю барак, поделенный на каморки-клетушки.

Осмотрев больного, Дмитрий велел давать ему свежего молока.

— Мы его месяцами не видим, обрату рады! — сказала жена работника.

На мызе сорок дойных коров, а для работника, которого точит туберкулез, кружки свежего молока нет! И в заречье такая же бедность. Одному больному он прописал по десять золотников сливочного масла в день, а тот сказал: «Я, доктор, коровьего масла и в праздники не вижу!» А ведь Лифляндия — край масла, об этом сказано в любом учебнике географии.

В конце улицы стоял знакомый дом — Дмитрий был здесь только вчера. Больной — молодой плотник с мебельной фабрики — жаловался на острые боли в животе: как ножом режет! Что у него, Дмитрий сразу установить не мог. Не брюшной ли тиф? В заречье эта болезнь нередкая, народ живет скученно, канализации нет, многие берут воду из реки, а чего только в нее не стекает?!

Дмитрий спустился в полуподвал. По лицу хозяйки, встретившей его на пороге, понял: больному хуже. Ночью не спал, жалуется, что голова сильно болит, рвало часто, ну, всего наружу выворачивало.

Сняв шинель, Дмитрий вымыл над ведром руки, насухо вытер их чистым полотенцем, которое подала хозяйка, и прошел в комнату, где лежал больной.

Поставив около кровати табуретку для уличного доктора, хозяйка отошла к двери и оттуда наблюдала, как он выслушивает и осматривает больного. Правду люди говорят — этот русский студент лучше иного врача, вон как ловко и на совесть все делает. Лицо у него строгое, а обращение мягкое, вежливое.

Плотник — звали его Роберт Луми — служил в царской армии, где выучился говорить по-русски, так что мог описать самочувствие: рези в животе и слабость... Дмитрий нажал на живот: больно? Больно! Нащупал селезенку — она сильно увеличена. Сердце у больного билось неровно, тона глухие...

Спрятал стетоскоп в карман. Брюшной тиф, теперь уже без сомнений. Болезнь страшная, дает высокую смертность. Десять лет тому назад от брюшного тифа умерла сестра Ольга — она училась в Петербурге на Высших женских курсах. Владимир Ильич был в то время в столице, он сам отвез заболевшую сестру в Александровскую больницу. Там она и умерла...

Больного нужно срочно госпитализировать, а городские больницы переполнены, не примут, к тому же там его, Дмитрия, к больному не подпустят. Роберта бы в университетскую клинику, он его выходил бы, но и здесь все забито. Дома же больного оставлять нельзя — всех заразит.

Кто бы мог устроить плотника в университетскую клинику? Дмитрий мысленно перебрал всех знакомых профессоров. Одни захотят помочь, да не смогут, другие смогли бы, да не захотят утруждать себя. А если обратиться к Григорию Витальевичу Хлопину?

Хлопин — гигиенист, пожалуй, один из крупнейших в России. Дмитрий слушал его лекции — профессор горячо ратовал за упорную борьбу с загрязнением рек, колодцев, без этого не одолеть такие болезни, как холера и брюшной тиф! Не может Хлопин остаться безучастным к еще одному случаю брюшного тифа в заречье, третьему на этой неделе.

И не только поэтому Дмитрий надеялся на Хлопина. В студенческие годы Григорий Витальевич входил в группу Благоева, первую марксистскую организацию в России, сидел за это в тюрьме. Позже Хлопин целиком ушел в науку и преуспел в ней. Но ведь не отрекся же он от своей молодости?!

— Вечером снова зайду,— сказал Дмитрий хозяйке.— Жильца вашего надо в больницу, тиф у него. Детей своих к нему не пускайте и сами будьте осторожны.

Профессора Хлопина Дмитрий в университете уже не застал и отправился к нему на квартиру.

Григорий Витальевич встретил Дмитрия любезно, проводил в гостиную. Круглый стол, фикус в кадке, рояль в углу, качалка — от всего этого повеяло семейным теплом, которого Дмитрию так не хватало в Юрьеве. Вспомнилась

гостиная в симбирском доме, семья в сборе, каждый занят своим делом...

За столом мальчик лет десяти делал уроки, а другой мальчик, лет трех, играл на полу[1].

Хлопин — высокий, сухощавый, с бородкой — походил больше на мастерового, чем на ученого. Слушал он Дмитрия внимательно, то и дело хмуря брови и проводя рукой по густым волосам.

— Больной работает на мебельной фабрике? — переспросил Хлопин и, получив подтверждение, сказал: — Гм, сдается мне, ваш плотник заразился на фабрике. Там колодцы никуда не годятся. Санитарный врач города обещал заставить владельца фабрики вырыть колодцы в другом месте, подальше от источника заражения, но, как видно, врача «задобрили». Ходил я ругаться в магистрат, подал от себя жалобу на хозяина фабрики, но жалобе не дали ходу. Удивляться нечему, в магистрате сидят остзейцы, и хозяин остзеец, а ворон ворону глаз не выклюет... Вашего плотника я устрою в университетскую клинику.

Дмитрий хотел встать и откланяться, но Хлопин удержал его за руку. Спросил, какую специальность он выбрал? Услышав, что Дмитрий собирается быть санитарным врачом и немного уже работал по этой части в Подольске, воодушевился, стал говорить, какое это важное дело — очистка городов и рек. Вздохнув, заметил:

— При теперешних порядках санитарной медицине по-настоящему не развернуться! Но ведь времена и порядки меняются. Будем, Дмитрий Ильич, уповать на это!

Дмитрий улыбнулся: вот и заговорил в Хлопине былой революционер!

Когда прощались, Хлопин, опустив голову, тихо сказал:

— Знавал я вашего старшего брата Александра. В одно время учились на естественном отделении Петербургского университета. Встречались и на тайных сходках... Какой

---

[1] Старший — будущий академик Академии наук СССР Виталий Григорьевич Хлопин, Герой Социалистического Труда, выдающийся советский радиохимик. Младший — Николай Григорьевич Хлопин (родился в Юрьеве), крупный советский гистолог, генерал-майор медицинской службы.

блестящий ум утратила Россия! Дмитрий Ильич, прошу вас, заходите без стеснения, если надо что спрятать, моя квартира к вашим услугам!

— А вам, Григорий Витальевич, это не повредит?

— К счастью, профессоров университета в Юрьеве еще почитают, полиция сто раз подумает, раньше чем явиться к профессору с обыском. Как видите, риск для меня невелик.

Хлопин сдержал слово, устроил Роберта Луми в университетскую клинику. Каждое утро Дмитрий навещал больного. Он был совсем плох; терял сознание, бредил.

Не полагаясь на свои познания, Дмитрий уговорил профессора-терапевта посмотреть Луми. Профессор одобрил лечение, которое прописал Дмитрий, велел продолжать в том же духе. Вскоре больной пошел на поправку, начал есть, порывался встать. Как-то, задержав на своей груди руку Дмитрия со стетоскопом, сказал тихо:

— Спасибо... не дали помереть.

— Это вы молодец, не поддались костлявой! — весело ответил Дмитрий.

— Не знаю, как вас отблагодарить. Разве сундучок сделать? Перед тем, как слечь, я одному студенту ладный сундучок сработал.

— А зачем мне сундучок? Что я буду в него класть? — засмеялся Дмитрий.— Мне чемодана и корзины за глаза довольно.

— Шкаф сделаю.

— И шкафа мне не надо. В комнате и без того мебели излишек, повернуться негде.

Кровати стояли тесно, одна к другой, а Дмитрий заметил: Роберту хочется поговорить с ним так, чтобы соседи не слышали, и досадует, что ему это не удается.

Наконец, Дмитрий увидел Роберта на ногах. В сером, застиранном халате до колен, бледный, немощный, он шел по коридору, держась ближе к стене. Заметив Дмитрия, радостно закивал головой.

Дмитрий подошел, сказал улыбаясь:

— Ну вот, скоро и выпишем!

— Спасибо, доктор! А сундучок я вам сделаю!

Дмитрий рассмеялся:

— Да не нужен мне сундучок, на ноги встали, лучшей благодарности и не надо.

Роберт с какой-то тревогой озирался на сновавших по коридору санитарок, медицинских сестер и врачей. Дмитрий понял: Роберт не решается говорить, кругом много чужих ушей.

— Как выпишут,— сказал Роберт,— приду к вам в гости... мебель какую починить.

— Заходите, по вечерам я всегда дома. Мельничная, сорок семь, на самой верхотуре!

Роберт выписался из клиники в понедельник, а в среду пришел к Дмитрию. Бледный, ноги не держат, и будто стал выше ростом. Ему бы еще полежать, набраться сил, а он собирается завтра выходить на работу. Валяться, говорит, себе в убыток, хозяин фабрики за дни болезни ни копейки не уплатит.

— Сырой воды на фабрике не пейте! — предупредил Дмитрий.

— Да разве убережешься? Иной раз до того устанешь, что только глотком холодной воды и спасаешься.

Роберт окинул взглядом мебель в комнате. Всю ее в печь пора! Диван жучок поел, этажерка вот-вот завалится, а у стульев того и гляди ножки подломятся.

— Хозяйка ваша весь хлам скупает. Эту мебель и чинить не стоит! Ладно, не за тем я пришел к вам. Не дадите что-нибудь почитать?

Дмитрий не удивился — этой просьбы он и ждал от Роберта.

— Эстонских книг у меня ведь нет...

— Если книжка хорошая, то я и по-русски прочту!

— Рассказы Максима Горького, желаете? — Дмитрий протянул Роберту книжку в зеленой мягкой обложке.— Очень рекомендую!

Роберт полистал книжку и сунул себе за пазуху. Помолчав, сказал чуть обиженно:

— А чего другого нет? Был у меня знакомый: студент, имя и фамилия у него нерусские, а сам русский[1], так он мне брошюры давал. Жаль, уехал... Не для одного себя прошу, на фабрике и другие интересуются...

Не ответив, Дмитрий налил чай, нарезал сепик, пригласил Роберта к столу. Тот сидел хмурый, говорил мало. Когда прощались, Дмитрий сказал ему:

---

[1] Имеется в виду Виргилий Шанцер.

— На днях загляну к вам.

Роберт просветлел.

— Лекарство захватите... от всех болезней!

После ухода Роберта Дмитрий спустился к Николаю, передал ему разговор с плотником. Как Николай думает, можно плотнику довериться?

— Ты ж его из могилы вытащил! — заметил Николай.

Дорогая мамочка!

⟨...⟩ Живу по-прежнему, занятия идут своим чередом. Наконец тут кончились туманы и дожди, и наступила зима, хотя пока без снега, легкий морозец, тихо — приятно пройтись.

Город наш благоустроенный — тротуары, дорожки в парке тщательно разметаются и посыпаются песком, а парк от меня в двух шагах...

Я приучился-таки вставать рано, так что теперь до лекции занимаюсь часа $1^{1}/_{2}$ дома: лекции начинаются обыкновенно поздно. Оригинально тут считается время — по двум часам: городским и университетским. Первые показывают петербургское время, вторые — местное, на четверть сзади. Одни профессора читают по местному, другие по петербургскому времени. Но все так запаздывают, что если прийти в аудиторию ровно в 9, когда по расписанию должна начинаться лекция, то никого, кроме сонного сторожа, не встретишь. Некоторые, например, вместо девяти начинают в одиннадцать и вместо одиннадцати кончают в половине двенадцатого, приходится напомнить, что пора кончать лекцию... В Москве и то так не запаздывают ⟨...⟩

За газеты спасибо Мане — получаю правильно.

Не было дня, чтобы Дмитрий не думал о брате. Прежде они часто писали друг другу, но теперь, когда Владимир Ильич за границей, а он в Юрьеве под надзором полиции, с перепиской лучше повременить.

Владимир Ильич пишет матери в Москву, от нее Дмитрий и узнает о его жизни. Где только брат не побывал в эти месяцы — в Женеве, Нюрнберге, Праге, Мюнхене. Эти поездки, конечно же, связаны с подготовкой к изданию газеты «Искра». Когда выйдет первый номер?

В письмах к матери Владимир Ильич глухо намекает

на разные трудности. Видимо, дело движется не так быстро, как хотелось бы, и он нервничает, сетует на потерю времени.

Хорошо, что Дмитрию удалось выручить библиотеку брата, затерявшуюся при пересылке из Пскова в Подольск. Это обрадует Владимира Ильича.

Дорогая мамочка!

...Как Володин адрес, мне нужно послать ему деньги, которые я взыскал-таки наконец с железной дороги за просрочку груза, все-таки 6 рублей, да потом и принципиально нечего им потакать. Тянули долго, почти пять месяцев, пришлось несколько раз напоминать. А Маня говорила — не возвратят: теперь можно хоть починить, что они там поломали!

ЧЕТЫРЕ ЯЩИКА, ЗАШИТЫХ В РОГОЖУ

Рассказ

— Митёк, от Володи письмо!

В комнату, где, зарывшись в книги, сидит Дмитрий, голос доносится из сада через открытое окно — май стоит теплый, солнечный.

Услышав голос матери, Дмитрий подходит к окну. В саду, в плетеном кресле, стоящем в тени, сидит Мария Александровна, в руках у нее письмо.

— Иду, мамочка! — кричит Дмитрий и быстро спускается в сад. Подходя к матери, нетерпеливо спрашивает: — Когда ждать Володю?

— Пишет, что его отъезд из Пскова несколько откладывается, но очень немного, надеется быть у нас в воскресенье, двадцать первого мая, или во вторник, двадцать третьего вечером.

Дмитрий уловил в голосе матери нотку разочарования — она считает дни до приезда Володи, ведь не видала его с февраля, когда он на пути из сибирской ссылки в Псков остановился на несколько дней в Москве. А до того была трехлетняя разлука.

Мария Александровна выпрямилась в кресле и, желая скрыть досаду, продолжала бодро:

— Чувствует он себя хорошо, много гуляет, погода в Пскове стоит великолепная, после двух-трех дней дождя все позеленело, воздух прекрасный. Пишет, что его так и тянет ins Grün[1]. Взглянула на сад, где буйно цвели яблони, нежно зеленел орешник, и добавила со счастливой улыбкой: — Володюшке у нас понравится. Мы в Подольске устроились на редкость удачно. Правда, Митёк?

— Позволь, мамочка? — Дмитрий осторожно взял из рук Марии Александровны письмо брата. В одном из предыдущих писем Владимир Ильич обещал приехать пораньше, спрашивал, как ему быть с вещами, оставить их в Москве или везти в Подольск — он вынужден взять с собой все вещи, книги. А теперь почему-то снова отложил свой отъезд из Пскова.

— Возможно, его задержали сборы в дорогу,— сказал Дмитрий, возвращая матери письмо.— Ведь одних книг у него несколько ящиков, не бросать же их в Пскове!

— Конечно, не ехать же из-за вещей в Псков еще раз! — согласилась Мария Александровна и, вздохнув, добавила: — Скорее бы его увидеть.

Но ни в воскресенье, ни во вторник Владимир Ильич в Подольск не приехал. И что самое странное — не подавал о себе вестей. На него это

---

[1] На лоно природы, за город *(нем.)*.

так не похоже, он всегда внимателен к матери, если у него меняются планы, обязательно предупредит. Брат молчит. Значит, случилось что-то серьезное.

Мария Александровна не подавала вида, что сильно встревожена — она умеет владеть собой. Но Дмитрий видел: мама места себе не находит, то постоит на крыльце, то вернется в комнаты, откроет пианино, начнет играть и сразу оборвет.

Так в тревоге за Володю минула неделя. Только в конце мая пришло письмо — с петербургским штампом и жирной печатью: «Управление Петербургского градоначальника». В коротком письме Владимир Ильич извещал мать о своем аресте в Петербурге, просил не беспоконться, выражал надежду на скорое свидание.

— Как это ужасно! — упавшим голосом сказала Мария Александровна, крепко сжимая лежавшие на коленях руки.— За что его? И почему он оказался в Петербурге? Ничего не понимаю...

Через несколько дней, это было 1 июня 1900 года, к даче неожиданно подкатила извозчичья пролетка, и с нее соскочил Владимир Ильич. Ему навстречу уже бежала, словно молодая, Мария Александровна.

— Наконец-то! Володюшка...

Все сразу прояснилось: Владимир Ильич по делам заехал в Петербург, а здесь его арестовали за самовольный въезд в столицу. Подержав десять дней в арестном помещении при градоначальстве, освободили с приказом немедленно выехать в Подольск. Всю дорогу за ним присматривал полицейский чиновник.

Рассказав о своих злоключениях, Владимир Ильич озабоченно спросил у брата:

— А вещи из Пскова пришли?

— Нет еще.

— Как же так? Я ведь послал их большой скоростью, четыре ящика, зашитых в рогожу. Там вся библиотека и кой-какие нужные мне выписки...

— Отыщутся ящики, ведь не иголка! — Сегодня Дмитрию не хотелось думать ни о чем плохом.

— Где они могли застрять? — вслух размышлял Владимир Ильич.— В Пскове, в Москве?

— Да найду я твой багаж, мало того, взыщу с железной дороги деньги за просрочку! — стал уверять брата Дмитрий.

Владимир Ильич покачал головой — с багажом не все просто. Дмитрий догадался, чего он опасается: псковская полиция, узнав об его аресте в Петербурге, наложила на ящики свою лапу. Что ей стоит взломать ящики и изъять часть книг и выписки?

Через семь дней Владимир Ильич вместе с матерью и сестрой Анной

выехали в Уфу, навестить отбывавшую там срок ссылки Надежду Константиновну. Мать и сестра вскоре вернулись в Подольск, а Владимир Ильич задержался в Уфе. Пропавшие ящики и там не давали ему покоя. Второго июля 1900 года он написал матери: «Если вещей еще нет,— очень прошу Митю принять самые энергичные меры до собственной поездки включительно».

Хорошо бы к возвращению брата из Уфы разыскать эти ящики. Тогда он сможет взять нужные ему книги за границу. Дмитрий начал наводить справки на станции Подольск, писать в транспортную контору, ведавшую пересылкой багажа. Никакого результата.

Дмитрий не знал, что как только ящики на пути в Подольск прибыли в Москву, были по распоряжению начальника охранной полиции полковника Зубатова вскрыты, книги переписаны — полиция надеялась, что среди них окажутся нелегальные, а это дало бы ей повод отобрать у Владимира Ильича заграничный паспорт и даже завести на него судебное дело. Однако таких книг в ящиках обнаружено не было.

Владимир Ильич вернулся из Уфы в Подольск 10 июля. Ящиков не было. Он уехал за границу, так и не получив своих книг.

Дмитрий продолжал теребить железнодорожное начальство, требуя, чтобы ящики были доставлены в Подольск. И добился этого. Ящики оказались взломанными.

Верный обещанию, которое дал брату,— не только найти груз, но и взыскать деньги за просрочку, Дмитрий вчинил железной дороге иск. Домашние его отговаривали — бог с ними, с деньгами, выручили книги, и ладно.

— Нет уж,— возражал Дмитрий.— Деньги я с железной дороги все равно взыщу. Они у меня не отвертятся!

Он уехал в Юрьев и оттуда продолжал «трясти» железнодорожное начальство. И добился своего! Владимир Ильич похвалил брата за настойчивость — 14 декабря 1900 года он писал младшей сестре: «Митя отлично сделал, что взыскал-таки с железной дороги деньги. Конечно, оставлять не следовало».

ПРОФЕССОР КУРЧИНСКИЙ

Василий Палладиевич Курчинский, профессор физиологии, декан медицинского факультета, осанистый мужчина лет сорока пяти, с круглой бородкой и в золотых очках, встретил ротмистра Покрошинского весьма сухо.

Со студенческих лет он питал неприязнь к жандармам. Самому иметь с ними дело ему не приходилось, бог миловал, но кой-кому из друзей и однокашников жандармы сломали жизнь.

С чем явился к нему этот дородный, с пышными бакенбардами ротмистр? Вон как по-хозяйски развалился в кресле, вытянув ноги в блестящих сапогах со шпорами.

— Курить дозволяется? — спросил Покрошинский и, не ожидая разрешения, вынул изящный серебряный портсигар.

Курчинский сам курил и другим не возбранял курить в своем кабинете, но развязность непрошеного гостя возмутила его.

— Воздержитесь, если нетрудно.

Ротмистр захлопнул портсигар и сунул его обратно в карман форменных брюк.

— Чем могу служить? — холодно спросил Курчинский и, взглянув на большие, напольные часы, добавил: — Извините, спешу, через четверть часа у меня лекция.

— Нынешний год не в пример предыдущему — университет, слава богу, живет спокойно,— с любезной улыбкой начал ротмистр.— Вижу в этом немалую заслугу его превосходительства господина ректора и вашу, почтенный Василий Палладиевич...

— Если это чья-то заслуга, то в первую очередь вашего учреждения,— недовольно перебил Курчинский.

Покрошинский горделиво выпятил грудь — да, во время прошлогодних смут в университете он не дал маху. Сам государь император соизволил собственноручно начертать на рапорте министра внутренних дел о действиях юрьевского жандармского начальника: «Молодец!»

— Служу царю и отечеству по мере сил своих и разумения! — громко сказал Покрошинский, будто не заметив в словах Курчинского иронию.

— Какое дело привело вас ко мне? — давая понять, что торопится, спросил Василий Палладиевич.

Ротмистр подобрал ноги и, распушив пальцами бакенбарды, начал:

— Почтенный Василий Палладиевич, я к вам относительно университетской поликлиники, состоящей под вашим неусыпным покровительством. Весьма полезное заведение! Исцеление нищих и убогих по завету господа нашего Иисуса Христа — дело благое...

Курчинский испытующе посмотрел на ротмистра — почему вдруг жандармы заинтересовались университетской поликлиникой, там, кажется, и не пахнет политикой. Спросил с усмешкой:

— Что же, полиция отныне будет надзирать и за постановкой лечебного дела в медицинском учреждении?

Покрошинский хохотнул, словно профессор сказал что-то очень забавное.

— Нет-нет, почтенный Василий Палладиевич, мы исцеляем души, а исцеление плоти целиком оставляем вам. Так сказать, кесарю кесарево! А вот некоторые ваши студенты проявляют недозволенный интерес к душам своих пациентов. Просил бы впредь воздержаться от направления поименованных в этом списке лиц в заречную часть города,— с этими словами ротмистр положил на стол листок с фамилиями.

Не взглянув на бумагу, Курчинский сказал сердито:

— Не имею права лишать студентов старшего курса практических занятий. А вызовы поступают преимущественно от заречных жителей. Состоятельные люди пользуются услугами врачей. Но, собственно, чем вызвано ваше требование?

— Есть подозрение, что эти студенты,— ротмистр ткнул пальцем в список,— ведут зловредную пропаганду среди беднейших классов населения.

Курчинский кинул взгляд на листок.

— Дмитрий Ульянов? Но это способнейший студент, поликлиника получает о нем самые лучшие отзывы. Недавно прекрасно справился с тяжелейшим случаем брюшного тифа. Лишать такого студента практики? Увольте, господин Покрошинский, этого я сделать не могу!

— Установлено, что Дмитрий Ульянов посещает зареч-

ных жителей не только по вызовам, но, так сказать, и по собственному почину.

— Но мы обязываем студентов интересоваться последствиями лечения! — напомнил профессор.

— Дмитрий Ульянов в свое время привлекался к дознанию по государственному преступлению!

— Ну, быль молодцу не в укор,— с улыбкой заметил Курчинский. Разговор принимал слишком резкий характер, и профессор счел за лучшее несколько смягчить его.

— Грехи молодости, у кого их не было? К молодости следует проявлять снисходительность. Но,— ротмистр поднял палец,— при условии перемены образа мыслей! За Ульяновым сие не замечено.

— Господин Покрошинский, в ваши обстоятельства я входить не могу. Простите, мне пора в аудиторию, студенты ждут...

Ротмистр поднялся и с наигранной доброжелательностью сказал:

— Мною единственно двигало желание уберечь вас, почтенный Василий Палладиевич, от неприятностей. Что касается студента Ульянова, то, полагаю, в его же интересах прекратить свои прогулки в заречную часть города. Ведь этак недолго и до Сибири догуляться...

Звеня шпорами, ротмистр направился к двери.

Оставшись один, Курчинский придвинул к себе список, оставленный Покрошинским. Ульянов... Первый раз он услышал эту фамилию тринадцать лет тому назад. Александр Ульянов, казненный за посягательство на жизнь царя, учился на естественном отделении Петербургского университета, том самом, которое он, Курчинский, окончил еще до того, как на оный поступил несчастный Александр Ульянов. Дмитрий — младший брат того Ульянова, уже за одно это ротмистр готов съесть его живьем. Подыгрывать жандармам он, профессор физиологии, не станет!

Вероятно, следует дать понять Дмитрию Ульянову, чтоб был осторожнее. А собственно, почему? Что ему Ульянов? Один из многих студентов факультета, он и видел-то его считанные разы. Если Покрошинский дознается, что Ульянова о грозящей ему опасности предупредил декан, то неприятностей не оберешься, жандармы найдут способ свести счеты и с профессором. Да, разумнее ничего не

говорить Ульянову. Но, с другой стороны, если с Ульяновым что-нибудь случится, то вина ляжет и на него, Курчинского. Нет, нельзя допустить, чтобы Покрошинский из одной злобы погубил прекрасного студента.

Василий Палладиевич позвонил в колокольчик. Сказал появившемуся в дверях старику-делопроизводителю:

— Через час пригласите ко мне студента Дмитрия Ульянова!

Ровно через час Дмитрий был у декана. Курчинский указал на кресло, стоявшее перед письменным столом,— помнится, когда он принимал Ульянова первый раз, то обошелся с ним холодно, тем более сегодня надо быть с ним любезнее.

Глядя на стройного, красивого студента с умным, серьезным лицом, спокойно, с достоинством ожидающего, что скажет ему декан, Курчинский похвалил себя за желание уберечь его от беды. Но начал с другого:

— Господин Ульянов, я извещен канцелярией факультета о том, что истекает срок предоставленной вам отсрочки по отбыванию воинской повинности...

— Истекает, господин профессор. Я намерен ходатайствовать о дополнительной отсрочке, до окончания курса в университете.

— Куда вам надлежит явиться?

— В Самарское уездное по воинской повинности присутствие.

— Рекомендую не терять времени и поспешить с подачей прошения о новой отсрочке. Факультет ваше прошение поддержит, занимаетесь вы прилежно.

— Благодарю вас, господин профессор. Я могу идти?

Дмитрий уже было направился к дверям, когда Курчинский, словно между прочим, сказал:

— При посещении заречной части города не вступайте с тамошним населением в отношения, не входящие в круг обязанностей практикующего студента... во избежание неприятностей.

Дмитрий поклонился и вышел из кабинета.

Слова декана не застали Дмитрия врасплох. Когда старичок-делопроизводитель передавал ему приглашение Курчинского, то заодно шепнул, что у декана был жандармский ротмистр и это после его ухода Василий Палладиевич послал за Ульяновым.

КАПКАН

Ротмистр так и сверлил глазами сидящего напротив, по другую сторону письменного стола, Франка. Лучший филер в городской полиции, натаскан на студентов, как борзая на зайцев.

А ведь в недалеком прошлом сам студент. Вылетел с третьего курса за кражу бумажника у своего профессора. К студентам Франк испытывает прямо-таки волчью злобу, будто мстит им за собственные неудачи.

— Наружное наблюдение за студентом Ульяновым продолжаете? — спросил Покрошинский после того, как долгим и тяжелым молчанием вогнал Франка в страх.

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Ротмистр, глядя в упор на филера, размышлял: хватит ли у него ума и сноровки обтяпать это дельце, и чтоб все было шито-крыто? На «недозволенные приемы» высокое начальство смотрит сквозь пальцы, если дело выгорит, а не выгорит — сурово взыскивает за них: как, мол, посмел?!

Чистоплюйство все это, в борьбе с крамолой все средства хороши. Он не жалует начальника Московского охранного отделения Зубатова, но признает: тот ни перед чем не остановится; донос, оговор, провокация — у него все годится! Вот Зубатов и сделал карьеру. Давно ли был рядовым агентом полиции, а сейчас — начальник охранки в старой столице. Мастак Сергей Васильевич, всех обскакал. А все потому, что не гнушался «недозволенных методов», грязи не боялся.

Капкан, который он, Покрошинский, ставит на Ульянова, тоже чистым делом не назовешь. Но иначе как к Ульянову подберешься? Умен, осторожен. Ротмистр готов дать голову на отсечение, что Ульянов ведет в заречье противоправительственную пропаганду, а как докажешь? И агентов к заречным подсылал, и деньги им сулил — не выдают! Остается капкан поставить.

— Точно ли, что студент Дмитрий Ульянов собирается на каникулы в Москву?

— Точно, ваше высокоблагородие! Сосед его, Егор Сорока, доложил, что поначалу Ульянов не хотел ехать, буду, говорит, все каникулы заниматься в Юрьеве, чтобы анатомию раньше сдать. А потом передумал: все студенты

уезжают, никто не хочет составить ему компанию, да и мать навестить надо...

Ротмистр ожидал, что Ульянов станет проситься на вакации в Москву, и уже решил отказать ему, а потом передумал: пусть едет, пусть едет, неизвестно, куда приедет...

— Хозяйка-то надежна?

Франк сразу понял, о ком спрашивает ротмистр.

— Госпожа Борнвассер? Умом не богата, но услужлива. Как ей велено, роется в вещах жильца, да пока безрезультатно. Тут как-то прибежала ко мне, дрожит: бомба! Спрашиваю: сама видела? Нет, отвечает, рукой в чемодане нащупала. На поверку оказалось: испорченный будильник.

— Дело совершенно секретное, не разболтает по скудости ума? — озабоченно спросил Покрошинский.

— Прикажу молчать, слова из нее клещами не вытянешь! — заверил ротмистра Франк.

Сделав знак, чтоб Франк наклонил к нему голову, Покрошинский объяснил, что́ требуется от Борнвассер.

— Сможет?

Франк заколебался: тут ловкость нужна и смелость.

— Одна не сможет. Ей на подмогу надо Егора дать. Он заодно и присмотрит за старухой, а то ведь она со страха и обмануть может. Скажет — сделала, а не сделает...

— Верно! Надо Егора к ней приставить! Старухе скажи, что в случае удачи получит красненькую, а Егору посули наградные.

Строго посмотрев на Франка, ротмистр достал из ящика стола плоский пакет и отдал ему. Тот хотел развернуть пакет, но ротмистр прикрикнул:

— Не твоя забота, что там! — И добавил: — Втолкуй старухе и Егору, чтобы подсунули в последний день, когда Ульянов чемодан уложит, никак не прежде!

— Втолкую, ваше высокоблагородие!

— И чтоб ни одна душа!

Франк развел руками: это, мол, само собой.

Пусть старуха и Егор свое дело сделают, остальное ротмистр берет на себя: снесется с жандармерией железной дороги, с полковником Зубатовым...

— Позвольте спросить о ваших дальнейших намере-

ниях относительно Ульянова, ваше высокоблагородие?

— А тебе знать их ни к чему!

Прошение о поездке на каникулы в Москву Дмитрий подал еще в ноябре, сейчас середина декабря, а ответа нет, скоро и ехать будет поздно. Из-за чего задержка?

А в это время жандармы Юрьева, Петербурга и Москвы сносились друг с другом на предмет того, пускать Ульянова на зимние вакации в Москву или нет.

Его прошение было переслано из Юрьева в Петербург, в департамент полиции. Пятого декабря 1900 года московский обер-полицмейстер получил оттуда следующую бумагу:

«Проживающий в городе Юрьеве, Мельничная улица, дом 47, студент медицинского факультета местного университета Дмитрий Ильин Ульянов, коему на общих основаниях воспрещено жительство в столицах, обратился с ходатайством о дозволении ему приехать на две недели в Москву к своей матери. Не встречая препятствий к разрешению названному лицу приезда в Москву на просимый срок, департамент полиции имеет честь сообщить об изложенном на усмотрение Вашего превосходительства, покорнейше прося о последнем объявить Ульянову».

Девятого декабря обер-полицмейстер Москвы наложил на этой бумаге резолюцию: «Препятствий не встречаю» — и переслал ее Зубатову. Прошло еще пять дней, и начальник Московского охранного отделения направляет в Юрьев отношение следующего содержания:

«Охранное отделение имеет честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие объявить проживающему в г. Юрьеве, Мельничная улица, дом 47, студенту местного университета Дмитрию Ильину Ульянову, что ему разрешен приезд в Москву на две недели...»

Лишь во второй половине декабря, когда Дмитрий уже было потерял всякую надежду увидеться с матерью, он получил сообщение, что может ехать в Москву. Обрадовался очень, только теперь понял, как соскучился по дому.

Прямого поезда из Юрьева в Москву нет, он доедет на ревельском до станции Валка, а там пересядет на поезд Рига — Москва.

Дмитрий не любил поспешных сборов. Надо уложить

вещи аккуратно, чтобы маме не пришлось потом переглаживать белье и рубашки.

Выложил из комода и шкафчиков белье и все другое, отобрал книги, которые возьмет с собой, и начал укладываться. Книги на самое дно чемодана, поверх книг — конспекты лекций, на них белье, а поверх всего рубашки, носовые платки. Дмитрий гордился своим умением укладываться. Мама всегда ставила его в пример: «Митёк так все уложит, что в дороге ни одна вещь не помнется!»

Николай тоже уезжает на каникулы, а Егор остается — будет зубрить свою юриспруденцию. И что с Егором стряслось? То избегает его, то лезет со своими услугами: «Дмитрий Ильич, я вам дровец наколю!», «Дмитрий Ильич, я в лавку, вам что купить?». И какую манеру взял — услышит, что он уходит, выскочит на лестничную площадку: «Вы в университет? Одну минуту, вместе пойдем!» И в столовую норовит идти вместе. Дмитрия это стесняет, а как откажешь? Обидится еще...

Как-то Дмитрий отправился в картинную галерею Лепарта, слышал, что в ней собраны прекрасные полотна. Егор увязался с ним. В живописи он, как обнаружилось, ничего не смыслил, а брался судить. Все удовольствие Дмитрию испортил, ни одной картины не дал рассмотреть как следует.

Вот вещи и уложены. Вечером, перед поездом, не надо будет спешить, лихорадочно заглядывать в ящики и шкафчики, не забыл ли чего? Возьмет извозчика и, не торопясь, доедет до вокзала.

В городе у Дмитрия были еще дела: внести плату за практические занятия в лабораториях и клиниках, сдать в университетскую библиотеку книги, заглянуть в столовую.

Вернулся часа через два и принялся за уборку комнаты — оставить ее надо чистой, такое у него правило. Протер мокрой тряпкой крашеный пол, сухой тряпкой — мебель, выгреб из голландки золу. Только кончил прибираться, как постучал Николай. Принес книгу, которую брал у Дмитрия,— «Рефлексы головного мозга» профессора Сеченова. Дмитрий о ней забыл, а ведь собирался отвезти ее Мане, чтобы тоже прочла.

Вот досада — теперь придется разорять чемодан. Так

все хорошо уложил... Отстегнул ремни, открыл крышку. Хотел было подсунуть книгу под белье, но передумал: только помнешь, лучше все вынуть и уложить снова.

Дмитрий стал осторожно доставать из чемодана и класть на кровать полотенца, белье, рубашки. Обратил внимание, что стопка белья вроде бы потяжелела.

Ясно почему потяжелела — в белье лежит какой-то пакет. Откуда он взялся? Развернул, а в нем брошюры и прокламации — сплошь нелегальные! Вот так так! Позвал Николая, стоявшего у окна.

— Поглядите, какой я презент получил!

Николай подошел, перебрал брошюры и прокламации.

— За них вам, Дмитрий Ильич, годика три дали бы!

Кто мог подложить? И когда успели — отлучался он всего-то часа на два?

Живо представил себе, как все могло бы произойти... В вагоне его обыскивать не стали бы, дождались бы, когда он выйдет на станции Валка для пересадки. Здесь подошел бы полицейский и пригласил пройти в служебное помещение.

Там полицейские устроили бы себе потеху: «Откройте чемодан! Из запрещенного ничего не везете? Нет? Поглядим!» Распотрошили бы чемодан и нашли пакет. «А это что? Ах, знать не знаете? Первый раз видите? Возможно, и все другое в чемодане не ваше? Ах, ваше, только пакет неизвестного происхождения! Придется составить протокол!» И прощай университет, а может статься, и свобода.

В дверь постучались. Вошла госпожа Борнвассер, с умильной улыбкой протянула Дмитрию маленький кулек:

— Поджарила вам немного миндаля. Мой покойный муж всегда брал с собой в дорогу жареный миндаль...

Заметив открытый чемодан и выложенные на кровать вещи, осеклась и, пробормотав что-то, ушла. Николай схватил пакет, сунул его себе под тужурку.

— Вы, Дмитрий Ильич, укладывайтесь, а я сбегаю в заречье, там это спрячут... К вашему поезду поспею!

К отходу поезда пришел и Егор Сорока. Он был бледен, суетлив и говорил больше обычного. Наставлял Дмитрия беречь вещи — на железной дороге такое теперь воровство! Когда ударил станционный колокол, Егор полез целоваться, но Дмитрий отвел лицо.

КАНИКУЛЫ

В Москве стояли холода, морозы доходили до тридцати градусов. Мария Александровна удерживала сына дома:

— Простудишься, Митёк!

Но ему хотелось на улицу — так долго не был в Москве. Надев поверх студенческой фуражки башлык, Дмитрий отправился бродить по городу. Несмотря на сильные морозы, Москва жила шумно, бурно. После маленького, тихого Юрьева она казалась особенно большой и оживленной.

Набегавшись по Москве, он возвращался на Бахметьевскую, в тепло и уют. Квартира была прежняя, обжитая, в ней стояли вещи, памятные Дмитрию еще по Симбирску и Самаре.

Мать, сестра Маня, Марк Тимофеевич — муж Ани (сама она была за границей) трогательно пеклись о нем. Маня доставала билеты в театры и на концерты, водила в Третьяковскую галерею и на выставки, Марк Тимофеевич «угощал» его Сандуновскими банями. А мать не знала, чем накормить отощавшего на скудных студенческих харчах сына.

То ли потому, что Мария Александровна постоянно упоминала имя Володи, то ли потому, что Дмитрий и сам все время думал о нем, но его не покидало чувство, что брат где-то рядом — вот откроется дверь, и он войдет.

В первый же вечер Мария Александровна принесла из своей комнаты деревянную шкатулку и достала из нее письма Владимира Ильича.

— Митёк, Володюшка тебя в каждом письме вспоминает!

Это естественно, ведь родные братья, но Дмитрий почувствовал волнение и гордость. С тех пор, как он себя помнит, брат был для него идеалом и высшим авторитетом.

В своих письмах Владимир Ильич часто справлялся: «Как Митины дела?» О своей жизни в Мюнхене сообщал скупо: вполне поправился от инфлюэнцы, получил от Маняши книги, занимается «мало-мало языками», посещает библиотеку... О погоде и то писал больше. Так, в послед-

нем письме — помечено оно 26 декабря (по новому стилю) — Владимир Ильич писал, что в Мюнхене уже рождество, всюду елки.

«Но только неприятная зима — без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит. Хорошо, что не холодно, и я вполне обхожусь без зимнего пальто, но неприятно как-то без снега. Надоедает слякоть и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем непохожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью».

Дмитрий уловил в словах брата тоску по России — эта тоска была ему понятна. Хотя Юрьев и не заграница, а все же чужая сторона, в декабре и там слякоть...

Мария Александровна рано уходила к себе, а они с Маней и Марком Тимофеевичем перечитывали письма Владимира Ильича и подолгу говорили о нем — в Юрьеве Дмитрию не с кем было поговорить о брате, и теперь он был рад этой возможности. Они сходились на том, что Владимиру Ильичу пришлось потратить много времени и энергии, чтобы наладить за границей выход «Искры». Не так-то легко было столковаться с Плехановым. Но первый номер вышел и вот-вот появится в Москве.

— «Искру» и в Юрьеве с нетерпением ждут,— сказал Дмитрий.— Кой-кто из студентов рассчитывает получить ее прямо из Германии...

Как он понял из разговоров, Маня и Марк Тимофеевич стоят близко к нелегальной работе Московского комитета РСДРП, находятся в курсе партийных дел. По их словам, всюду растет поддержка «Искре». В Петербурге, Москве, Воронеже, Нижнем Новгороде, Харькове сложились группы ее сторонников, а в Самаре образовалась Восточная группа содействия «Искре». Все лучшее, что есть в партии, собирается вокруг газеты.

От Дмитрия не укрылось, что Маня чем-то встревожена. Как-то он застал ее за необычным делом: стояла на коленях перед голландкой и кидала в огонь бумаги.

— Чищусь! — объяснила она.— В последнее время Зубатов начал ухаживать за мной...

Семья Ульяновых. Симбирск. ***1879 г.***

Илья Николаевич Ульянов.
Нижний Новгород. ***1863 г.***

Мария Александровна Ульянова.
Нижний Новгород. ***1863 г.***

Александр Ильич Ульянов в студенческие годы.
Петербург. *1887 г.*

Анна Ильинична Ульянова. *1883—1887 гг.*

Ольга Ильинична Ульянова.
Симбирск. ***1887 г.***

Володя Ульянов в год окончания гимназии.
Симбирск. ***1887 г.***

Дмитрий и Мария Ульяновы.
Симбирск. *1880 г.*

Дмитрий Ульянов.
Самара. *1891 г.*

Дмитрий и Мария Ульяновы и Марк Тимофеевич Елизаров.
1896 г.

Дмитрий Ульяновъ.

Th. John

JURJEW
(DORPAT.)

Дмитрий Ильич Ульянов — студент Юрьевского университета.
1900 г.

Главное здание Юрьевского университета.

Комната студента в квартире-музее Дмитрия Ильича Ульянова в Тарту.

Принимая съ глубокою признательностію даруемыя мнѣ наукой права врача и постигая всю важность обязанностей возлагаемыхъ на меня симъ званіемъ, я даю обѣщаніе въ теченіе всей своей жизни ничѣмъ не помрачать чести сословія, въ которое нынѣ вступаю. Обѣщаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумѣнію, прибѣгающимъ къ моему пособію страждующимъ; свято хранить ввѣряемыя мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія. Обѣщаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всѣми своими силами ея процвѣтанію, сообщая ученому свѣту все, что открою. Обѣщаю не заниматься приготовленіемъ и продажею тайныхъ средствъ. Обѣщаю быть справедливымъ къ своимъ сотоварищамъ — врачамъ, и не оскорблять ихъ личности; однакоже, если бы того потребовала польза больнаго, говорить правду прямо и безъ лицепріятія. Въ важныхъ случаяхъ обѣщаю прибѣгать къ совѣтамъ врачей, болѣе меня свѣдущихъ и опытныхъ; когда же самъ буду призванъ на совѣщаніе, буду по совѣсти отдавать справедливость ихъ заслугамъ и стараніямъ.

Лекарь Дмитрій Ильичъ Ульяновъ

Текст клятвы врача, подписаиный Дмитрием Ильичом Ульяновым после окончаиия Юрьевского уииверситета.
1901 г.

В дни празднования 350-летия Тартуского Государственного университета в г. Тарту была открыта квартира-музей Дмитрия Ильича Ульянова.

РОССІЙСКАЯ
Федеративная
Совѣтская Республика.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.
17.XI.1920
№

Телеграфным
учреждениям
РСФСР
Укр. С.С.Р.
и Крыма

Прошу разрешать подателю,
моему брату Дмитрию
Ильичу Ульянову, посылать
мне телеграммы как открытые,
так и шифрованные.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

Телеграмма Владимира Ильича Ленина 17 ноября 1920 г.
телеграфным учреждениям РСФСР, УССР и Крыма.

Дмитрий Ильич Ульянов выступает в Крыму.
1920 г.

Мария Ильиничиа, Дмитрий Ильич и Надежда Константииовна
в кремлевской квартире Дмитрия Ильича.
Москва. *1936 г.*

Дмитрий Ильич. Горки. ***20-е годы.***

— Ждешь ареста? — забеспокоился Дмитрий.

— Если меня заберут, а это может случиться, с кем останется мама? Аня далеко, ты будешь в Юрьеве...

— О маме Марк Тимофеевич позаботится!

— Так ведь и за ним слежка.

При матери Маня не выдавала своей тревоги, держалась ровно, весело. Дмитрий удивлялся выдержке сестры. Ожидает ареста, а живет как всегда — следит за книжными новинками, ходит на концерты, играет с мамой в четыре руки на фортепиано, не пропускает ни одного нового спектакля у «художников» — в Московском Художественном театре.

— Знаешь, Митя,— сообщила она радостно.— Чехов написал новую пьесу «Три сестры». Она будет напечатана в февральской книжке «Русской мысли». А у «художников» пьесу уже репетируют. Жаль, ты не можешь посмотреть. Говорят, замечательная пьеса.

— Если, Маня, тебе удастся увидеть спектакль у «художников», напиши, как понравилось.

Новый год встречали дома. Подняли бокалы за Володю, за Аню. Дмитрий предложил тост за подольского друга Вячеслава Александровича Левицкого. А про себя подумал: послал ли Левицкий статью для «Искры», а если послал, дошла ли она до редакции?

— За Надю! — сказала Мария Александровна.— Она все еще в этой скучной Уфе, ждет не дождется, когда сможет выехать к Володе...

Последние дни летели особенно быстро. За день до отъезда Дмитрия Маня вернулась домой оживленная, сияющая. Крикнула из своей комнаты:

— Митя, иди скорее!

Маня держала в руках листы тонкой рисовой бумаги.

— Смотри!

Это была «Искра». Дмитрий не мог оторвать глаз от газеты. Шрифт был мелкий, убористый, но читался легко.

Они с Маней без особого труда определили статьи Владимира Ильича. Их было три: «Насущные задачи нашего движения», «Китайская война» и «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов».

Читали статьи вслух. Дмитрию казалось, что он слышит голос брата. В одной статье узнал мысли, которыми делился с ним Владимир Ильич.

В первом номере «Искры» имелась статья «Пробуждение кирпичников», без подписи, но Дмитрий и Маня знали, что ее автор — Левицкий из Подольска. Маня заделала газету в переплет книги, которую Дмитрий брал с собой. Это самое дорогое, что он увезет из Москвы в Юрьев.

В Москве Дмитрия застали вести из Киева. Газеты «Московские ведомости», «Московский листок» ругали киевских студентов за устройство «беспорядков».

Что все-таки произошло в Киеве?

Студенты тамошнего университета собрали большую сходку и смело осудили полицейский режим. «Зачинщиков», как водится, отправили в карцер, но они не подчинились. Тогда их исключили из университета и выслали из города. Студенты собрали новую сходку и потребовали вернуть исключенных, а также отменить наказание карцером. Сходку разогнали с помощью солдат и казаков. В «назидание строптивой молодежи» правительство решило применить к киевлянам «Временные правила», по которым студентов можно было отдавать в солдаты. Газеты сообщали, что для суда над студентами создано «особое совещание».

— Неужели отдадут в солдаты? — ужасалась Маня.

— Что стоит властям учинить такую мерзость! — сказал Дмитрий.

— Они круглые идиоты, если думают таким образом застращать студентов! — продолжала горячиться сестра. — Теперь нас уже ничем не запугать.

Когда уезжал из Москвы, на душе было неспокойно. Как решится дело киевлян? Если их «забреют», то и в других университетах начнут расправляться с неугодными властям студентами. Что его ждет в Юрьеве? Теперь, после событий в Киеве, жандармы тем более не оставят его в покое. Удастся ли кончить университет, кто знает...

СНОВА В ЮРЬЕВЕ

7 января 1901 года.

Дорогая мамочка!

Сегодня утром приехал в Юрьев. Доехал в общем недурно... Как только попал в Юрьев, так сейчас же опять

увидел узкие улицы, чистенькие, мирные, чрезвычайно тихие. Сразу бросилась в глаза тишь, безжизненность какая-то, голоса человеческого не слышишь... не то что в Москве.

Сгрустнул по Москве и проклял Юрьев, хотя и сознаю, что это несправедливо, но что поделаешь, таков уж вкус.

Пошел перед обедом посмотреть комнаты. Ничего подходящего не видал, хотя за два часа шатания обошел чуть не половину города и два раза упирался в поле (чтоб ему пусто было, этому Юрьеву!). Да в сравнении с другими комнатами моя прямо Аркадия[1]*: целый лес деревьев перед окном, осыпанный густым, блестящим снегом. Пошел к хозяйке объясняться, и так заговорил по-немецки, что даже сам удивился, хотя она и посмеивалась украдкой — должно быть, врал все-таки ⟨...⟩ Почти наверняка останусь в этой комнате ⟨...⟩*

Заниматься начну уже с завтрашнего дня,— не доспал и ни на что не способен.

Дмитрий остался жить в старой комнате. Конечно, госпожа Борнвассер — существо довольно пакостное, но где уверенность, что новая хозяйка будет лучше? Он хотя бы знает, чего от нее можно ждать. Плату за комнату она не прибавила, назначила те же двадцать рублей в семестр, без дров и услуг.

На его решение остаться в старой комнате повлияло и то, что Егор Сорока съехал, а его комнату в мансарде занял Николай — это хорошо, что он будет рядом!

Николай вернулся из Харькова какой-то шалый, ни секунды не молчит, ходит по комнате и все говорит, говорит.

— У нас там происходят, скажу я вам, прелюбопытные вещи. «Южный край» справляла свой юбилей; газета подлая, погромная, и студенты решили по-своему отметить это событие. Когда в помещении редакции на Сумской улице шел парадный обед, перед зданием собралась большая толпа молодежи. И началось «чествование». Студенты рвали «Южный край» в клочья и пускали их по ветру. Потом наняли извозчиков, привязали к хвостам лошадей номера газеты и пустили по Сумской, за лошадьми — собак, об-

---

[1] Счастливая страна *(греч.)*.

вернутых в «Южный край». Весь юбилейный обед господам испортили...

Студенты быстро съезжались, и в коридорах университета; в столовой становилось все шумнее и многолюднее. Каждый рассказывал, что происходит в их городе. Но события в Киеве волновали всех. До Дмитрия доносились возгласы:

— Что вздумали — студентов в солдаты?!

— Это властям так не пройдет!

— Студенчество ответит!

— В Москве уже началось.

— И в Казани!

— В Петербурге студенты готовят забастовку.

— Среди рабочих тоже замечается брожение.

— В Одессе, я вам скажу, такая стачка была!

— В Самаре тоже...

— Даже в нашем захолустье!

Такие разговоры велись и в аудиториях, и в парке.

В университете возобновлялись занятия. Но не все профессора еще раскачались. Дмитрию это было на руку, больше времени оставалось на подготовку к экзаменам. Еще осенью он твердо решил побыстрее «сплавить» некоторые предметы, чтобы сосредоточиться на остальных.

Дорогая мамочка!

...Сегодня для меня веселый день (хотя писем, к сожалению, нет ни от кого),— ночь не выспался: лег в час, встал в шесть часов — утром до одиннадцати успел просмотреть две книжки, потом отправился на экзамен, билет достался нетрудный и операция на «фантоме» тоже пустяковая ⟨...⟩ Теперь, значит, стало одним предметом меньше. В недалеком будущем, может быть, буду сдавать гистологию[1]*. Расхрабрился!..*

Теперь опять погрузился по уши в медицину: — то одно, то другое, то третье. Начались занятия в клиниках ⟨...⟩ Я мало теперь с кем вижусь, только на лекциях да в клиниках; сижу больше один и думаю: эх, поскорее бы май, поскорее бы конец.

Ну, кончаю, чтобы отнести письмо к поезду; пойду погуляю побольше — погода прекрасная.

---

[1] Наука о тканях многоклеточных животных и человека.

НАЧАЛОСЬ

В хирургической клинике Дмитрий застал своих однокурсников в сильном волнении. Они о чем-то возбужденно говорили, бросая косые взгляды на инспектора студентов, который ходил по коридору с таким видом, будто ничего не замечает.

Но инспектор все видел, все мотал на ус. Тогда, в феврале 1899 года, тоже все началось с возбужденных разговоров, а получилась забастовка! Нужно срочно вызвать педелей, предупредить господина ректора, дать знать полицмейстеру: от смутьянов всего можно ждать. В коридоре инспектор разглядел несколько студентов, известных ему своей благонамеренностью,— они сообщат, если замышляется что-то серьезное...

Заметив Дмитрия, студенты кинулись к нему.

— Слышали?

— Какое зверство!

— Насилие!

Дмитрия отвели в дальний конец коридора и показали «Лифляндские губернские ведомости». Министерство народного просвещения объявляло о сдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета за «учинение скопом беспорядков».

До сих пор была еще надежда, что дело кончится обычным наказанием. Почти две сотни студентов отданы в руки жестоких и невежественных унтеров на муштру и глумление! Неужто правительству это сойдет? Нет, надо ожидать общего протеста российского студенчества!

Дмитрий обвел горящими от возмущения глазами столпившихся вокруг него студентов и встретил предостерегающий взгляд Николая. Он прав, нельзя давать волю чувствам. Все, что он сейчас скажет, дойдет до жандармов, и они вменят ему «подстрекательство».

Громче всех в коридоре шумел, петушился сытенький студент с розовыми щечками, тот самый, который в столовой нахваливал врача, дравшего с пациентов десятирублевые гонорары.

— Это безобразие! На каждом шагу рогатки, запреты! Ничего нельзя, чуть что, так в карцер или в солдаты!

С чего это он так разошелся? Вряд ли его глубоко затронула киевская драма.

Дмитрий вернул «Лифляндские губернские ведомости» и направился в анатомичку. Студент с розовыми щечками догнал его и торопливо стал изъясняться:

— Покорнейше извините, что обременяю вас сугубо личным делом. Мне двадцать шесть лет, невесте моей, девице Жигмонт, двадцать два. Как видите, мы взрослые люди, кажется, вольны делать то, что считаем нужным. Родителей я не имею, субсидирует меня дядя, у невесты тоже нет никакого состояния, мать-чиновница, живут они на маленькую пенсию...

— Спасибо за доверие, но право...— Дмитрий сделал попытку уклониться от разговора с неприятным ему студентом. Но тот не отставал, забегал вперед, загораживая дорогу. Волей-неволей приходилось слушать.

— Я прошу вас вникнуть в мои обстоятельства и дать совет... Будучи на зимних вакациях в Смоленске, мы с девицей Жигмонт решили сочетаться законным браком. Но как вам это известно, студент не вправе вступать в брак без разрешения господина ректора университета. Отправляю ему телеграмму с оплаченным ответом: желаю сочетаться, благословите! Назначаем день свадьбы, приглашаем гостей, тратимся на вино, закуски и все прочее. А ответа на телеграмму нет! Свадьба, естественно, расстраивается, невеста в обмороке. И лишь перед самым отъездом из Смоленска мне доставляют вот это письмо господина ректора. Прочтите, окажите любезность...

Дмитрий прочел.

«Вследствие прошения о разрешении Вам вступить в брак,— писал ректор,— сообщаю, что Вам следует указать подробный адрес невесты, занятие ее, письменное разрешение на вступление в брак со стороны родителей невесты, так и ваших родителей, причем подписи должны быть удостоверены в нотариальной конторе. Кроме того, необходима особая подписка, также нотариально заверенная, со стороны кого-либо из Ваших родителей или какого-либо другого лица о материальном обеспечении Вас на время обучения в университете, в каковой подписке должна быть названа известная ежегодная сумма или сумма, которая будет выдана на все время обучения Вашего в университете...»

— Нет-нет! — воскликнул сытенький студент.— Это еще не все! В тот же день невеста моя, девица Жигмонт,

получила предписание из канцелярии Юрьевского университета. Потребовали, чтобы она испросила у смоленского губернатора свидетельство, что ни в чем предосудительном замечена не была и подозрений в политической неблагонадежности на себя не навлекала. Но это же прямое оскорбление! Скромная девица обязана доказать, что она не бунтовщица, не каторжанка...

Дмитрий покачал головой — и впрямь безобразие. Спросил уже сочувственно:

— Чем же ваше дело кончилось, господин... не имею чести знать вашего имени...

— Евфимий Лузин! Чем дело кончилось? А ничем. Кто же мне даст материальное обеспечение? Невеста бомбардирует меня отчаянными письмами, перед ее матерью-чиновницей я выхожу полным подлецом и мошенником. Скажите, что мне делать?

Дмитрий пожал плечами — что тут посоветуешь? Сказать, что он жертва царящего в стране бесправия, так не поймет. Он только потому и возмущается, что ему наступили на любимую мозоль. А позволят жениться, и вновь станет благонамеренным.

В анатомичке Дмитрия вскоре разыскал Николай. Рядом никого не было, и все же он сбавил голос до шепота:

— Дмитрий Ильич, «Союзный совет» к вам с просьбой: напишите прокламацию по случаю киевской истории. Ночью размножим, а завтра утром пустим по рукам.

Дмитрий согласился. Текст прокламации складывался в голове как бы сам собой:

«Двадцатый век, а в России студентов, как встарь, сажают в карцер, отдают в солдаты. Кругом запреты — даже жениться без дозволения начальства студент не может. Но это лишь капля в море тех бесчинств, которые творит в стране царизм. Необходим единодушный протест против своеволия властей и насилия!»

РОТМИСТР БУШУЕТ

Ротмистр Покрошинский был не в духе. Все действовало ему на нервы, даже звон собственных шпор — отстегнул их и забросил за шкаф.

Новый год начался с неприятностей, и что ни день, то их больше. Едва студенты возвратились с зимних вакаций, как пошло... И все из-за Киева. Всеобщее помрачение умов, повальное недовольство и возбуждение. Одно в утешение — не только Юрьевский университет трясет, трясет все университеты в империи, все до единого! В Юрьеве, слава богу, хоть до забастовки дело не дошло. А в Петербурге студенты не только бастуют, на днях собрались у Казанского собора — и марш на Невский проспект с красным флагом. Казаков пришлось вызывать.

В дверь постучались. Вошел полицмейстер Забелин — теперь он каждое утро являлся к ротмистру с докладом. От тревог Забелин высох, в лице ни кровинки, нос будто обморожен, белый, как вата.

— Ну как там? — хмуро спросил ротмистр.

— В главном здании университета обнаружены прокламации.

— Удивил, и третьего дня были обнаружены.

Забелин приблизился к ротмистру и положил перед ним две листовки.

— Извольте взглянуть, ваше высокоблагородие. Эта прокламация подобрана третьего дня, а вот эта — сегодня рано утром.

Ротмистру достаточно было бросить взгляд на листовки, чтобы понять, в чем дело. Новая была оттиснута на более совершенном множительном аппарате.

— Канальи! Новым обзавелись!

— Есть подозрение: аппарат привез кто-то из студентов после вакаций.

— Кто-то?! — рассердился ротмистр.— Ты доложи, кто привез и где гектограф хранится!

— Секретной агентуре отдан приказ, ваше высокоблагородие! Все филеры в разгоне...

Ротмистр вытер лицо платком. Час от часу не легче! А тут еще Зубатов гадость подстроил. Донес в Петербург, что Дмитрий Ульянов, находясь две недели в Москве, постоянно встречался с местными марксистами, а по сему желательно предписать юрьевской полиции усилить надзор за оным Ульяновым. Выходит, здесь надзирают за ним слабо...

— Что твоя агентура доносит? — строго спросил ротмистр.

— Студент Ульянов всякий день бывает в заречной части города, но лишь по вызовам. Подозрительных встреч на этой неделе не имел...

— Гнать всех филеров в шею! — вскипел ротмистр.— «Подозрительных встреч не имел»! А вот попечителю Рижского учебного округа поступила петиция от «Общества студентов-патриотов», юношей благонравных, преданных престолу.

Ротмистр перебросил через стол длинный лист бумаги. Забелин прочел:

«Шайка злонамеренных студентов, составляющих так называемый «Союзный совет», явно провоцирует устройство беспорядков в конце января или в начале февраля, печатает свои возмутительные прокламации 〈...〉 Инспекция почему-то не обращает внимания. Ввиду этого 〈...〉 просим положить предел беззаконной деятельности этой противогосударственной партии студентов. Пока эти деятели будут в числе студентов университета, до тех пор все мероприятия не будут иметь положительного результата. Лишь безвозвратное удаление их из университета способно успокоить студенчество и возвратить его на путь обычной мирной жизни».

Далее перечислялись члены «Союзного совета», и среди них — Дмитрий Ульянов, студент V курса медицинского факультета.

Забелин вернул ротмистру петицию и сказал с сожалением:

— Улик против Дмитрия Ульянова маловато, нет оснований для изъятия...

— Нет, так добудь! Для того у тебя и филеры,— наставительно заметил ротмистр.— Жаль, эта дура, госпожа Борнвассер, и твой студент все дело испоганили. Не то Ульянов давно бы в Сибири был... или катил туда!

Забелин промолчал. Когда он узнал, что «капкан» не сработал, то в душе порадовался. Все это дело с начала до конца вел сам ротмистр, его, Забелина, к нему не подпускал — не хотел делить удачи. И обмишурился! Так тебе и надо, не жадничай.

— Улики нужны,— долбил свое ротмистр.— Прикажи Егору... чтоб в лепешку разбился...

— Уклоняется Егор Сорока, даже с квартиры съехал.

— Я ему уклонюсь. Такую ему жизнь устрою, что

пекло раем покажется! Скажи Франку, чтоб приструнил его.

В тот же вечер Франк подстерег Егора в парке на горе. Егор боязливо огляделся — не видит ли кто? И без того начались толки, что он снюхался с полицией.

— Что глаз не кажете? — спросил Франк.

— Некогда... к экзамену готовлюсь,— ответил Егор, отступая в боковую аллейку.

— Как наш крестник?

— Не знаю... не видел! — Егор остановился и, весь подавшись вперед, продолжал с дрожью в голосе: — Ведь условились... условились: могу уйти от вас в любой день! Считайте, что ушел... хватит с меня, хватит...

— Окажите последнюю услугу, и больше беспокоить вас не стану. Как часто Ульянов без вызова ходит в заречье?

— Не знаю... я у него давно не был.

— Узнайте и сообщите!

— Не буду узнавать, не буду!

— И второе,— продолжал Франк, словно не слыша Егора.— Осветите, что задумал «Союзный совет» и бывает ли на его собраниях Дмитрий Ульянов.

Егор повернулся и зашагал прочь. Франк догнал его и пошел рядом.

— Дадите эти сведения, на том ваша служба кончится. Расписки ваши в получении денег уничтожу.

— Врете! Вы и в прошлый раз обещали уничтожить.

— Уничтожу, даю слово!

— Не верю вам! Ушел я от вас, ушел!

— Поступайте, как знаете. Но тогда ваши расписки в получении от нас ежемесячно известной суммы мы передадим Ульянову и Дмитриевскому, они уж найдут им применение.

Егор побледнел — нет, только не это! Пробормотал:

— Хорошо... но в последний раз!

— Вот и ладно!

Егор повернулся и побежал по аллейке, голова у него болталась из стороны в сторону.

ГЕНРИХ ИВАНОВИЧ

В лаборатории ушных, горловых и носовых болезней к Дмитрию подсел Егор Сорока. Завел разговор о киевской истории. Все это прискорбно. Конечно, порядок есть порядок, киевских студентов он не одобряет, но и такие жестокости, как отдача в солдаты, тоже ни к чему!

— Чего власти добились? Ответного озлобления! — продолжал Сорока.— Слышно, что и в Московском университете была сходка?

Дмитрию не хотелось продолжать разговор. Ответил сухо:

— Я уехал из Москвы раньше, при мне ничего такого не было.

— И у нас в университете беспокойно,— заметил Егор.

Дмитрий молчал. Егор вздохнул и отошел. Генрих Иванович позвал Дмитрия в заднюю комнату, где у него было что-то вроде кабинета, и сказал:

— Господин Ульянов, будьте осторожны с этим студентом. Он не внушает мне доверия. Он мне не нравится. Приходя в лабораторию, первым делом спрашивает: был господин Ульянов, когда ушел господин Ульянов, когда придет господин Ульянов? Это что, пустое любопытство?

— Не знаю,— ответил Дмитрий. А что еще он мог сказать приват-доценту?

Через несколько дней Генрих Иванович снова пригласил Дмитрия в заднюю комнату. Достал из шкафа толстую тетрадь и подал ему. Дмитрий узнал свою тетрадь. Вчера, покидая лабораторию, он, как всегда, оставил ее в ящике стола. Зачем она понадобилась Генриху Ивановичу? Не в его правилах брать тетради студентов, не предупредив об этом, он до щепетильности деликатен.

— Мой совет вам: не оставляйте тетрадь в лаборатории,— наставительно сказал Генрих Иванович.

Дмитрий улыбнулся: до чего все-таки наивен милейший Генрих Иванович, всерьез полагает, что в тетради есть конспиративные записи. Но что побудило его унести тетрадь к себе?

— Утром,— начал рассказывать Генрих Иванович,— в лабораторию приходили инспектор студентов и господин

Франк, который служит в полиции — он секретный агент, но в городе это знает каждый. А до их прихода был господин Сорока и, как всегда, интересовался вами, спрашивал, когда будете. Я незаметно унес вашу тетрадь и запер в этот шкаф. Ключ только у меня.

Позвенев связкой ключей, Генрих Иванович самодовольно улыбнулся. Ему, видно, нравилась роль конспиратора.

— Спасибо, Генрих Иванович,— сказал Дмитрий,— но в тетради только записи лекций и лабораторных занятий. Вряд ли инспектора студентов и господина из полиции они заинтересовали бы. Там для них ничего нет.

Генрих Иванович покачал головой и строго заметил:

— Господин Ульянов, никогда не надо, чтобы ваша тетрадь была в полиции!

Не такой уж наивный Генрих Иванович! Действительно, мало ли что в полиции могут сделать с тетрадью — в ней появятся такие записи, что головы не снести.

— Ваша тетрадь теперь будет лежать в моем шкафу! — заявил приват-доцент.

— А господа не спросили, почему моей тетради нет на месте? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Конечно, спросили. Но я им ответил: господин Ульянов не имеет обыкновения оставлять свою тетрадь в лаборатории, он берет ее с собой. Кажется, они были огорчены...

Значит, жандармы не оставили его в покое. Этого и следовало ожидать — с каждым днем брожение в университете усиливалось, и полиция ищет «зачинщиков».

Мама, как это видно из ее письма, очень обеспокоена волнениями в университетах. Опасается, как бы Дмитрия снова не исключили или, того хуже, не посадили в тюрьму. Надо ее успокоить, хватит ей тревог за Маню и Марка Тимофеевича, за Володю и Аню. Пусть мама думает, что в Юрьеве по-прежнему тишь и благодать. Отправлю ей открытку с видами города. Достаточно посмотреть на него, чтобы отбросить все тревоги — в таком чистеньком, нарядном и мирном городе ничего плохого с Дмитрием случиться не может.

Пишу тебе, дорогая мамочка, только несколько слов. Ждал вчера и сегодня письма от Мани, но нет пока ⟨...⟩

Тут у меня все обстоит по-прежнему: бегаю к больным, готовлюсь к экзамену. Желаю получше провести масленицу всем вам; если увидите в Художественном театре «Трех сестер», напишите, как понравилось.

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Мать младенца, которого Дмитрий недавно вылечил, звали Хелена. У нее было еще двое детей. И когда кто-нибудь из детей заболевал, Хелена «заказывала» в университетской поликлинике только уличного доктора Ульянова: его, мол, они не боятся, охотно дают себя осматривать и выслушивать.

Соседей не смущало, что русский студент раз в месяц, а то и чаще появляется в полуподвальной квартирке. И в университетской поликлинике не видели ничего предосудительного в том, что студент Ульянов предпочитает пользовать маленьких пациентов — ему ведь предстоит экзамен по детским болезням!

Но не все визиты Дмитрия были связаны с болезнями детей. Нередко он заглядывал сюда, чтобы встретиться с Робертом. Муж Хелены Ян, здоровенный, молчаливый человек, и Роберт были друзьями чуть ли не с пеленок, оба родились и выросли в заречье, работали на одной мебельной фабрике.

Дмитрия теперь связывали с Робертом многие дела, Хелена и Ян знали далеко не о всех. Он давал Роберту листовки, брошюры, а теперь и номера «Искры», учил его вести пропаганду — у Дмитрия был немалый опыт: еще будучи студентом Московского университета, руководил кружком рабочих завода Гужона.

У Хелены и Яана он часто заставал, кроме Роберта, студента-эстонца Оскара с историко-филологического факультета, круглолицего юношу в очках. Роберт свел Дмитрия с ним еще месяц назад, сказав, что он — свой человек.

Сначала дружба Оскара с Яаном, Хеленой и Робертом немного удивила Дмитрия — они, так сказать, люди «разного круга». Яан и Роберт — плотники, образование у них — приходская школа, а у Хелены и того меньше — два

класса деревенской школы, Яан взял ее из бобыльской семьи, где дети начинают работать, как только могут держать хворостину — пасти гусей на мызе. Оскар же — студент, из семьи городского учителя, человек с научными интересами — который год ходит по хуторам и записывает народные песни, сказки, поговорки, пословицы.

Кажется, что у них общего? А вот дружат же! И Генрих Иванович, ученый, приват-доцент, завтрашний профессор, водит, как это заметил Дмитрий, дружбу с истопником-эстонцем, может часами разговаривать с ним.

Дмитрию это нравилось. Он пришел к заключению, что у эстонцев все проще, у них такого понятия, как «человек не нашего круга», вроде бы и нет.

Когда он поделился своим выводом с Генрихом Ивановичем, тот сказал, что это так и не так. И в городе, и в деревне появился слой людей, которые чуждаются своего брата эстонца, не желают водить с ним компанию. Народ называет их можжевеловыми немцами за то, что они тянутся за остзейцами, устраивают свой дом и весь обиход на немецкий лад.

— Почему можжевеловые? — удивился Дмитрий.

— По-русски лучше сказать: липовые немцы,— пояснил Генрих Иванович.

И в этот раз, придя в полуподвальную квартиру Хелены и Яана, Дмитрий застал здесь Оскара, увлеченного разговором с хозяевами. Раздав старшим детям конфеты и справившись о здоровье младенца, Дмитрий сел по приглашению Хелены за стол, на котором дымился кофейник. Хозяйка налила Дмитрию большую кружку кофе и придвинула тарелку с ломтями серого хлеба.

Как понял Дмитрий, до его прихода за столом шел разговор о народной песне. Все знали в ней толк. Хелена помнила много песен, и свадебных, и поминальных, и к разным праздникам. Оскар собирал песни и сказки, в которых народ честил и высмеивал своих врагов — баронов. Спросив у Дмитрия: «Интересуетесь?», он вынул тетрадку и прочел песню «Мыза в деревне», тут же переводя ее на русский язык:

Почто бедны наши нивы,
Избы все соломой крыты?

Потому бедны те нивы
И соломой крыты избы,
Что в деревне нашей мыза
На лугах траву сжнрает.
Ест быков, коней съедает.
Ест корову н теленка,
И свинью и поросенка,
Ест овцу и ест ягненка.

— Какая ясная постановка социальной проблемы,— заметил Дмитрий.— Мы бедны потому, что все пожирает помещик!

— А вот в этой песне народ грозится вырвать баронов с корнем,— сказал Оскар.— Слушайте...

Разбойннчье лихое племя
Нас грабит, мучает все время
Уже почти семьсот годов.
С ним рассчитаться нам пора:
Стальным прутом, да подлиннее,
Так дать разбойнику по шее,
Чтоб он не мог нн сесть, ни встать —
По справедлнвости воздать!

Дмитрий подумал: эта песня так и просится в прокламацию. Заметил вслух:

— Меньше десятка строк, а в них вся история народа.

— Таких песен у нашего народа много,— с гордостью объяснил Роберт.— В каждой волости свои...

Хелене, бобыльской дочке, с малых лет работавшей на баронов и богатых крестьян, больше по душе были песни о трудной доле бедняка. Подперев голову рукой, она начала скороговоркой — Оскар переводил:

Пусть кому-нибудь другому
Кто-нибудь другой расскажет,
Сам же знаю, как в заботах
Бедняку-рабу жнвется.
Знаю я его заботы,
Все заботы и все муки:
Встаем рано, снротинки,
Встаем рано, день молчим мы...

Хозяйка спела еще несколько грустных песен, расстроилась и увела старших детей за ситцевую занавеску, покормить и уложить спать.

Дмитрий опять упрекнул себя: четыре месяца живу среди эстонцев, а как мало знаю о судьбе народа...

Когда мужчины остались одни, Роберт стал рассказывать про фабрику — знал, что Дмитрия это интересует, он всегда при встрече спрашивает, что на фабрике нового? На этой неделе хозяин рассчитал еще полсотни рабочих, а в Тарту (Роберт называл Юрьев старым эстонским именем) найти другое место трудно. Мебельщики собирались податься в Ригу или Таллин (Ревель)[1], но стало известно, что и там нет работы.

Конторщики в чайной проболтались: хозяин собирается снизить расценки, чтобы больше рубля плотники в день не зарабатывали. Яан кивал головой: да, все так, как говорит Роберт!

— И вы терпите? — спросил с укором Оскар.

— И не такое стерпишь,— ответил Роберт.— Каждый руками и ногами за место держится. Заикнись только, что недоволен, мигом вылетишь! А на твое место десять охотников найдется. Кабы у нас было как в Петербурге, где рабочие один за другого стоят, тогда хозяин не очень вольничал бы.

Когда Дмитрий приехал в Юрьев и огляделся, то даже удивился низкой сознательности местных рабочих. Ни стачек, ни открытых протестов. Азов классовой борьбы не знают!

Нужна настойчивая агитация, но вот беда — нет брошюр и прокламаций на эстонском языке. Если бы студенты-эстонцы взялись переводить с русского, вот тот же Оскар...

Роберт будто прочел мысли Дмитрия. Выложил на стол эстонскую листовку.

— Из Таллина привезли. А своих нет...

— Оскар,— повернулся к студенту Дмитрий.— Народные песни вы переводите лихо...

Оскар сразу понял, к чему клонит русский студент. Заерзал на табуретке — такую прокламацию держать у себя опасно, не то что переводить, дознается полиция — вылетишь из университета.

— Я подумаю.

— Надумаете, скажите! — улыбнулся Дмитрий. Если

[1] Эстонцы и тогда называли Ревель Таллином, а Юрьев — Тарту.

Оскар решится, он даст ему «Искру», пусть для начала переведет оттуда «Письма с фабрик и заводов», а потом и статьи...

ЭКЗАМЕН ПО АНАТОМИИ

Голова больше ничего не вмещает, от одних латинских названий ошалеть можно. Дмитрий решил на часок оторваться от анатомии — погуляет в парке и снова сядет за учебник.

Весь день шел снег, а к вечеру подморозило. Надвинув на глаза фуражку — башлык надевал лишь в сильные морозы,— он вышел из дома и направился в сторону парка.

На Мельничной улице и в парке горели редкие фонари, снег вокруг отливал желтым, а там, куда свет не достигал, темнел густой синевой. Высоченные липы и вязы словно осели под тяжестью снега.

В парке ни души, тихо. В темноте смутно белели здания клиник, едва угадывался зубчатый контур развалин средневекового собора. Внизу, под горой, тысячами окон светился город.

— А-а, добрый знакомый! Как я мечтал об этой встрече! — неожиданно услышал Дмитрий; говорили по-немецки.

Из боковой аллеи появились трое студентов и встали под фонарем. На них были круглые светло-зеленые шапочки с белым и голубым околышем. Шинели расстегнуты, и под ними видны узкие ленточки тех же цветов. Корпоранты! Носить «цвета» университетскими правилами было запрещено, но по вечерам студенты-остзейцы надевали корпорантские шапочки, чтобы показать: вот мы какие, плюем на все запреты!

В глубине боковой аллеи, из которой вышли корпоранты, Дмитрий заметил еще одну фигуру. Хотя там было темновато, но Дмитрий узнал: филер Франк, тот самый, что всю осень ходил за ним следом. Значит, эта встреча в парке не случайна, его ждали.

Дмитрий хотел идти дальше, но корпоранты загородили ему дорогу, от них разило пивом.

— Дайте пройти, господа! — спокойно обратился к ним Дмитрий.

Корпоранты не посторонились. Ему стали ясны их намерения. Трое на одного? С тремя ему не справиться, к тому же у нападающей стороны в резерве филер. Бока они ему намнут, это уж определенно, но и сами без синяков не останутся.

Подойдя к нему вплотную, корпоранты разом, с вызовом дыхнули ему в лицо пивным перегаром. Заводила — тот самый, которого Дмитрий выставил из лаборатории,— спросил ухмыляясь:

— На чем будем драться: на саблях, пистолетах? Ах, забыл, русские студенты не признают дуэлей! Что ж, тогда на кулаках? Ганс, начинай!

Самый молодой из корпорантов небрежным взмахом руки сбил с Дмитрия фуражку.

— Потрудитесь поднять! — строго сказал Дмитрий.

Корпоранты расхохотались. Молокосос ткнул его в грудь, а другой, постарше, зайдя сзади,— в спину. Дмитрий пробежал несколько шагов и ударился о дерево. Сверху на него посыпался снег. Отряхиваясь, Дмитрий примерялся, с кого начать, если корпоранты затеют драку.

Между тем заводила подошел ближе и, покосившись в сторону филера, который по-прежнему не выходил на свет, крикнул:

— Сейчас получишь за все: чтоб не заступался за эстонца и чтобы не мутил в университете воду...

Он сделал выпад, но Дмитрий опередил его и ударил кулаком прямо в зубы. И тут все трое навалились на него.

— Трое на одного? Это свинство! — раздался высокий, сильный голос, который хорошо знали студенты.

Корпоранты бросились кто куда. Дмитрий стряхнул с себя снег и остолбенел. Профессор Раубер! Высокий, худой, с черно-седыми кудрями до плеч, он гневно посылал корпорантам вдогонку немецкие ругательства.

Подобрав втоптанную в снег фуражку, Дмитрий поблагодарил профессора. Тот, скрестив на груди руки, продолжал выкрикивать что-то сердитое. О Раубере в городе ходило много разных историй. В одних он выглядел раком-отшельником, в других — свихнувшимся на своей анатомии чудаком. Местные немцы Раубера не жаловали — он женат на простой эстонке, не делает поблажек студентам из «хороших немецких семей», хотя сам немец, позволяет

себе глумиться над самыми заветными чувствами корпорантов. Когда местный университет перешел на русский язык обучения и профессора-немцы отбыли в «фатерланд», Раубер остался. Между тем в Германии его встретили бы с почетом, он был профессор с мировым именем. Дмитрий знал о Раубере еще кое-что: в науке профессор придерживался передовых взглядов, зло высмеивал модные в Германии теории о превосходстве немецкой расы над всеми другими.

Было неприятно, что Раубер видит его в таком виде: без фуражки, в снегу, без двух пуговиц на шинели. А ведь на днях он должен идти к профессору сдавать анатомию. Одна надежда, что Раубер его не узнает.

Но когда Дмитрий явился на экзамен, Раубер его узнал. Метнув на Дмитрия диковато-удивленный взгляд, спросил насмешливо:

— Вы в состоянии сдавать анатомию?

— Да, профессор,— ответил Дмитрий и с поклоном добавил: — Благодаря вашему заступничеству, профессор!

Раубер хмыкнул, взмахнул черно-седыми кудрями и широким жестом указал на обитый свинцовым листом стол. Служитель Рейнвальд, пожилой эстонец, уже приготовил на столе все нужное для препарации трупа.

Профессор произнес длинную латинскую фразу, испытующе взглянул на студента и встал по другую сторону стола. Дмитрий взял скальпель и точным движением вскрыл мышцу руки. Рейнвальд следил за ним с хитроватой улыбкой — служитель сам был прекрасный прозектор, великолепно знал анатомию и сразу определял, чего студент стоит. По тому, как уверенно и спокойно Дмитрий работал скальпелем, Рейнвальд заключил, что этот студент знает анатомию.

Дмитрий не отрывал взгляда от вскрытой мышцы, но чувствовал на себе горящий взор профессора. Если Раубер молчит и не порывается вырвать из его рук скальпель, значит, все идет хорошо. Иначе профессор вел бы себя по-другому. Когда Дмитрий закончил и поднял на Раубера глаза, то увидел на его лице мягкую улыбку.

— Первоклассно, коллега! — произнес он.— У вас крепкая рука. Впрочем, я имел случай убедиться в этом еще в парке!

Дорогая мамочка!

Извини, что так долго не отвечал на твое письмо: как-то все не успевал, хотя несколько раз собирался.

У меня теперь двое клинических больных и четверо в городе ⟨...⟩ Беготни много, совсем некогда дома заниматься ⟨...⟩ На днях внесу деньги в университет (65 рублей) ⟨...⟩ Я подал на имя ректора прошение об отсрочке мне воинской повинности до весны 1902 года, дабы осенью меня не потянули, когда у меня будут экзамены.

Я подумываю, не взять ли мне на лето какой-нибудь медицинской работы, если представится что-нибудь подходящее — в Московской губернии или где-нибудь в другом месте...

Целую тебя, дорогая мамочка, и желаю быть вполне здоровой...

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Рассказ

22 февраля 1901 года.

⟨...⟩ Твои песошонки подъедаю понемногу — Маня ведь, кроме них, привезла мне кучу конфет и яблок таких, каких в Юрьеве не достанешь,— ко мне специально есть конфеты приходили знакомые, ели и хвалили ⟨...⟩

Из этого письма можно заключить, что Мария Ильинична Ульянова в феврале 1901 года навестила брата в Юрьеве. Но почему об этом нет ни слова в полицейских документах, и в московских архивах, и в эстонских?

Полиция прозевала поездку Марии Ильиничны в Юрьев? Ничего удивительного в этом нет, такое случалось нередко.

Возникает много вопросов. Как долго Мария Ильинична пробыла в Юрьеве? Где она там жила? Привозила ли брату нелегальную литературу?

Думается, Мария Ильинична провела в Юрьеве всего несколько дней. Более длительное ее отсутствие в Москве не удалось бы скрыть от Зубатова.

Вряд ли Мария Ильинична остановилась в Юрьеве у брата. Госпожа Борнвассер уж не преминула бы донести об этом в юрьевскую полицию. Дмитрий мог поселить сестру в частном пансионе — домашней гостинице на всем готовом. Таких пансионов в Юрьеве было много, их содержали обедневшие немки, паспорта у постояльцев они не спрашивали.

Привезла ли Мария Ильинична нелегальную литературу? Вряд ли она упустила такую возможность, зная интерес брата к нелегальным изданиям.

В письме Дмитрия Ильича идет речь о песошонках, яблоках и конфетах. В открытой переписке, чтобы сбить с толку полицию, революционеры часто прибегали к иносказаниям. Если предположить, что Дмитрий тоже прибегнул к ним, то можно читать и так: «Маня привезла мне много нелегальной литературы, которую в Юрьеве не достанешь, я давал ее читать знакомым, и они хвалили». Не было ли среди нелегальных изданий второго номера «Искры» — он вышел как раз в феврале 1901 года? В нем была напечатана статья Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов».

И еще одно предположение. Надо думать, что Мария Ильинична пересказала брату письма, которые Ленин посылал из-за границы в Москву.

Почти в каждом письме он вспоминал Митю:

«Что нового, что пишет Митя из Юрьева — он, поди, еще сильнее работает теперь перед экзаменами?»

«Что пишет Митя? Когда он кончает экзамены?»

«Получил на днях письмо и открытку от Маняши с карточкой Мити... Большое спасибо за все. Очень рад был Митиной карточке — она, по-моему, удачная».

Это та фотография, которая была сделана в Юрьеве минувшей осенью.

Ездила ли Мария Ильинична в Юрьев — об этом теперь остается лишь гадать. А ведь я имел возможность спросить у самой Марии Ильиничны, когда в конце 1933 года был у нее в Москве. Но тогда я еще не подозревал, что стану писать настоящую повесть.

Что привело меня к Марии Ильиничне? Я только-только закончил книжку о Ленине для детей пионерского возраста. В ленинградском издательстве рукопись одобрили, но пожелали иметь отзыв кого-нибудь из его близких.

Смущала необычная форма биографии — вместе с пионерами автор путешествует по ленинским местам и, не мудрствуя, рассказывает о жизни Владимира Ильича.

Пришлось ехать в Москву. Надежда Константиновна была больна, Дмитрий Ильич куда-то уезжал, и я отправился к Марии Ильиничне — она тогда заведовала Бюро жалоб Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции.

Мария Ильинична приняла меня в своем служебном кабинете. Невысокая, немного сутулая и совсем седая, она была одета в синий сатиновый халат. Сидя близко — нас разделял только письменный стол,— я во все глаза смотрел на Марию Ильиничну. Как и все при первой встрече, я искал в ее лице сходство с Владимиром Ильичем.

Тихим, ровным голосом она спросила, какое у меня к ней дело? Я объяснил и протянул ей папку с рукописью. Спрятав папку в портфель, Мария Ильинична сказала:

— Хорошо, я прочту и Надежде Константиновне дам прочесть, она лучше меня знает, что нужно детям.

— Я не могу долго в Москве оставаться...

Почему не могу, я не сказал, но Мария Ильинична и так поняла: без продовольственных карточек жить в Москве было трудно...

— Сегодня у нас понедельник. Заходите в среду.

До среды я мучился: а вдруг Марии Ильиничне не понравится, обнаружит в рукописи ошибки?

В таком настроении прожил я два дня. В среду долго ждал своей очереди в приемной Бюро жалоб. Наконец меня позвали в кабинет. Мария Ильинична встретила меня с прежней внимательностью, достала из портфеля мою папку, раскрыла ее и молча стала листать.

Я ждал.

— Прочла, и Надежда Константиновна успела проглядеть. Она написала вам записочку и вложила в папку.

Голос был строгий. Вдруг Мария Ильинична улыбнулась, и лицо стало добрым, даже ласковым.

— Это вы здорово придумали — экскурсию. Получился наглядный рассказ.

Я объяснил, что минувшим летом действительно ездил с ребятами на пароходе, превращенном в плавучий пионерский лагерь. Пароход делал длительные остановки в крупных городах, чтобы мы могли их осмотреть. В Ульяновске, Казани и Самаре мы ходили в дома, где жил, учился Ленин. Книжка и родилась из газетных корреспонденций об этом путешествии по Волге.

— Вы журналист? — спросила Мария Ильинична и, снова улыбнувшись, добавила: — Мы с вами коллеги.

Я знал о многолетней работе М. И. Ульяновой в газете «Правда», но причислять себя к ее коллегам — об этом я даже мечтать не смел.

Еще полистав рукопись, Мария Ильинична мягко, будто извиняясь, сказала:

— Кое-что вам придется переделать.

— Скажите — что, я переделаю.

— Вот вы пишете, что Илья Николаевич долго болел и умер. Было не так. Ему в этот день нездоровилось, но до обеда он работал у себя в кабинете. В пятом часу дня его не стало. Мне было тогда лет семь, но я хорошо это помню.

Переложив еще несколько страниц, спросила:

— Откуда вы взяли, что наш сад в Ульяновске маленький?

— Я сам видел.

Мария Ильинична покачала головой:

— Не верь глазам своим! Это теперь сад маленький, тогда был обширный, густой. Сколько было в нем ягодных кустов, фруктовых деревьев!.. Вы пишете, что братья ходили купаться на Волгу. Волга была от нас далековато, ближе — Свияга. Если идти через сад, то совсем близко. Чаще купались в Свияге. Дмитрий Ильич часто вспоминает, как они купались...

Мария Ильинична пытливо посмотрела на меня:

— Что, придираюсь? Об Ильиче все должно быть точно. Один автор написал, что я была товарищем детских игр Владимира Ильича. Но ведь он на восемь лет старше меня, какие могли быть у нас общие игры. Выдумывают всякое... А книжечка ваша полезна. В записке Надежды Константиновны найдете несколько советов, обязательно ими воспользуйтесь.

Ушел я от Марии Ильиничны окрыленный, все мои страхи теперь казались смешными.

Вот тогда бы мне и спросить ее, ездила ли она к Дмитрию Ильичу в Юрьев!

Мария Ильинична умерла через три с половиной года после того, как я был у нее. Умерла она в своем кабинете, в том самом, где говорила со мной. Она вернулась после заседания Московской партийной конференции, чтобы еще поработать, но почувствовала сильную головную боль, потеряла сознание и вскоре скончалась — от кровоизлияния в мозг.

Через двадцать лет после смерти Марии Ильиничны мне довелось быть в Кабинете и квартире В. И. Ленина в Кремле. Экскурсовод показала нам скромные комнаты Владимира Ильича и Надежды Константиновны, а перед запертой дверью сказала:

— Там комната Марии Ильиничны, но сегодня она закрыта для осмотра!

Я попросил открыть дверь, разрешить мне взглянуть на комнату Марии Ильиничны хотя бы с порога. Дверь отперли и даже позволили войти. В комнате стоял секретер, книжный шкаф. Ширма с рисунком на египетский сюжет загораживала кровать, на стене — портреты матери и старшей сестры, под ними маленький письменный стол. Я подумал: может быть, за этим столиком Мария Ильинична и читала мою рукопись...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Дмитрий любил приходить в полукруглый зал университетской библиотеки и, забравшись на антресоли, подолгу сидеть здесь с книгой. Через высокие стрельчатые окна льется мягкий свет зимнего дня, со стен глядят портреты ученых, на белых стеллажах, которые опоясывают зал, загадочно мерцает золотое тиснение на корешках старых книг.

Тихо, уютно, немного романтично — библиотека помещается в заново отстроенной алтарной части средневекового собора, тогда как другая его часть по-прежнему в руинах.

Сегодня у Дмитрия занятия не ладились, и все из-за Егора. С чего это он залез на антресоли, ведь всегда читал внизу. Сидит за соседним столом и выжидательно посматривает в его сторону. Что ему надо? В последнее время он так и липнет.

Когда Дмитрий спустился покурить, Егор встал и пошел за ним. В курительной комнате Егор огляделся, хотя они были одни, и спросил:

— Вы, конечно, слыхали, что делается в Москве?

Дмитрий съежился: «Неужели Егор знает, что в Юрьев приезжала Маня? Сказал «конечно», не намекает ли этим на то, что я слышал о московских событиях от нее?» Спросил настороженно:

— Что-нибудь новое?

— Так вы не слышали? — удивился Егор и продолжал: — В Московском университете были крупные беспорядки. Началось с обычной студенческой сходки, а кончилось уличным шествием и сражением с полицией. Многих студентов задержали и под конвоем отвели в Бутырскую тюрьму. Теперь и у нас каша заварится, верно?

Дмитрий пожал плечами, мол, откуда мне знать. Не станет же он откровенничать с Егором. Доносит Егор или нет, никто точно не знает. Мало ли о чем студенты болтают. Иной раз сама полиция или недоброжелатели нарочно пустят слух, что такой-то шпион. Но ежели человек метит в прокуроры, то доверия не заслуживает, если даже и не якшается сейчас с жандармами.

Не дождавшись ответа, Егор сказал:

— Что-то и у нас в университете затевается. Вы что на сей счет думаете?

— Я о медицине думаю, как бы скорее сдать экзамены! — ответил Дмитрий и пошел обратно на антресоли.

Егор погасил окурок о каблук и тоже поднялся в полукруглый зал. В сторону Дмитрия больше не смотрел. Подперев обеими руками голову, Егор уткнулся в книгу, но Дмитрий видел: занятия у Егора не клеятся. И ему сегодня медицина в голову не лезет. Значит, не только Егор виноват, что он не может сосредоточиться. Мысли все время о другом — решится ли, наконец, «Союзный совет» созвать общеуниверситетскую сходку? Откладывать ее больше нельзя — все университеты России уже присоединились к протесту в связи с отдачей киевских студентов в солдаты.

Они с Николаем будут завтра на собрании «Союзного совета» настаивать на созыве сходки. Николай не хочет, чтобы Дмитрий выступил, боится за него, не исключено ведь, что все сказанное там станет известно жандармам. «Мне что,— объяснил Николай,— ну, еще раз вышибут из университета, а вам Сибирь грозит!»

Дмитрий ответил тогда: «Там видно будет!» Но теперь решил так: если в «Союзном совете» верх будут брать сторонники сходки, то промолчит, ну а если чаша весов станет склоняться на сторону ее противников, обязательно выступит.

Перехватил взгляд Егора: вероятно, ждет, когда он начнет собираться, чтобы уходить. Опять увяжется и будет приставать с вопросами: заварится в университете каша или не заварится? Дмитрий решил пересидеть Егора.

Потомившись еще часок, Егор встал, собрал книги. Уходя, спросил:

— Вечерком загляну к вам, не возражаете?

— Не раньше восьми, до восьми буду здесь заниматься.

Егор пришел ровно в восемь. Но Дмитрий позвал Николая, и разговор, на который Егор рассчитывал, не получился. Николай весь вечер подтрунивал над гостем:

— Что, Егор, станешь прокурором, упечешь нас в тюрьму или снисхождение сделаешь как своим однокашникам?

И все в таком роде. Егор дулся, так и ушел надутый. Заперев за ним дверь, Николай сказал:

— Не лежит к нему душа. Почему, сам не знаю... Про Егора худое болтают. И деньги у него завелись — в кондитерскую иной раз заглядывает, в кофейную, а давно ли пятака на суп не было, довольствовался хлебом и соусом.

— Егор говорит: наследство после тетки получил.

— Не верю я в это наследство, уж больно оно кстати!

— Чтобы порвать с Егором, надо наверняка знать, что он доносит. Нельзя зря оскорблять человека. А вот лишнего при нем говорить не следует,— сказал Дмитрий.

— Егор все равно учует, нюх у него как у собаки...— заметил на это Николай.

«СОЮЗНЫЙ СОВЕТ»

Комнату снимали в складчину: Василий Десницкий и два его земляка — из Нижнего Новгорода. Дмитрий как-то заходил к Василию, брал у него томик Максима Горького. Тогда комната показалась ему просторной, а сейчас выглядела как вагон третьего класса, битком набитый пассажирами.

Студенты — их было десятка два — сидели кто на чем, многие даже на полу, поджав под себя или, наоборот, вытянув ноги. В комнате было сильно накурено и под потолком плавало сизое облачко. Керосиновая лампа, стоявшая на комоде, часто мигала и чихала от недостатка воздуха. Открыть форточку Василий не позволял — в комнате такой галдеж, что соседи сбегутся. На уговоры Василия «кричать потише и не всем сразу» никто внимания не обращал.

Унять собрание Василию не удавалось, настолько разгорелись страсти. Ни одному оратору не давали досказать свою речь, перебивали возгласами, смехом, топотом ног. Василий стучал кулаком по столу: что у нас — собрание или новгородское вече?!

Дмитрий видел: «Союзный совет» раскололся — одни за открытый протест против отдачи киевских студентов в солдаты, другие — против, достаточно, мол, подать

петицию в защиту товарищей. Каждая сторона кричала свое.

— Молчать гнусно!

— Позор тем, кто умеет лишь терпеть!

— Сходку, сходку!

— Господа, лезть на рожон глупо.

На середину комнаты выскочил бледный юноша и, потребовав тишины, взволнованно прочел стихи Брюсова:

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,
Мы — гребень встающей волны!

С минуту было тихо, а потом снова начался несусветный галдеж. Сперва Дмитрия удивляла и даже коробила царившая на собрании бестолковщина — о чем можно договориться в таком бедламе? Но не заметил, как сам втянулся в этот беспорядочный, шумный и путаный спор.

Когда студент с холеной бородкой стал убеждать собрание, что общеуниверситетская сходка нарушит учебный процесс, что нельзя вносить дух улицы в храм науки, Дмитрий громко сказал:

— В жизни народа бывают моменты, когда одна наука — наука борьбы — обязательна для всех!

Его поддержали:

— Браво!

— Наука борьбы — превыше всех наук!

Из темного угла кто-то пробасил:

— Не согласен!

Вскочил лохматый студент в косоворотке:

— Господа, протестуют все университеты, неужели мы...

Его перебил студент с холеной бородкой:

— В конце концов отдача в солдаты не такая уж жестокость!

Вот как! На это надо ответить! Дмитрий протолкался к столу.

— Отдача студентов в солдаты — не жестокость. Это даже благодеяние. Во всяком случае, в этом нас заверяют «друзья студентов». Так, «Московские ведомости» писали на днях, что отдача в солдаты вызвана попечением властей

о юношестве. Нас просто хотят отечески наставить на путь истинный!

Поднялся шум, кто-то пронзительно свистнул. Глядя в упор на студента с холеной бородкой, Дмитрий закончил:

— Если мы не хотим быть безгласными рабами, то должны ответить на вызов властей!

Дмитрий вернулся в свой угол. К нему потянулось несколько рук. Кто-то крикнул:

— «Вперед, без страха и сомненья!»

Василий снова забарабанил кулаком по столу. Добившись тишины, он достал из кармана тетрадь и начал читать — Дмитрий сразу узнал рассказ Максима Горького, который ходил по рукам наравне с тайными прокламациями.

— «Хороший живой человек всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищет, а вы живете тихо, смирно, неподвижно — так, как приказали вам... Беспокойства не любите вы, беспокойство пугает вас!»

Стало очень тихо, и в этой как бы совестливой тишине Василий продолжал читать:

— «...Уже зреют силы для толчка, они нарастают, они едва могут сдержать себя и то там, то тут вспыхивают пламенем нетерпения. Они придут, тогда старое здание задрожит, рухнет на головы вам и раздавит вас, хотя вы только за то достойны казни, что ничего не сделали. Но невинных нет в жизни!»

Василий бережно сложил тетрадь вдвое и спрятал в карман. Кто-то громко вздохнул и сказал:

— Да, невинных нет. Все в ответе!

У дверей на табуретке стояло ведро с водой. О нем забыли, хотя в комнате было душно. Теперь же студенты один за другим подходили к ведру, черпали железной кружкой воду и жадно пили.

СХОДКА

Сходка была назначена на полдень. Николай зашел за Дмитрием, чтобы идти вместе. По лицу Дмитрия он догадался: что-то стряслось.

— Дмитрий Ильич, что с вами? — встревожился Николай.

Продолжая ходить по комнате, Дмитрий кивнул на лежавшее на столе вскрытое письмо.

— От мамы... пишет, что Маню и Марка Тимофеевича арестовали.

— Арестовали? Когда?

— В ночь на первое марта. Полиция произвела у нас дома обыск и увела обоих. Теперь сидят в одиночках.

— Вы хоть знаете, за что их?

— Догадываюсь. Полиция ищет вдохновителей последних студенческих волнений.— Помолчав, Дмитрий добавил: — Мама осталась одна... старшая сестра за границей, возвращаться ей нельзя, тоже сядет, и я не могу сейчас покинуть Юрьев, да и не позволят мне жить в Москве.

Дмитрий снял с вешалки шинель — пора!

Не дав Дмитрию одеться, Николай стал уговаривать его остаться дома.

— Раз такое дело, появляться вам на сходке не следует.

Дмитрий потянул к себе шинель.

— Сойдутся сотни студентов, за всеми шпики не углядят.

— Вас-то они и среди тысячи разглядят!

Надевая пальто, Дмитрий нетерпеливо сказал:

— Идемте, идемте!

Николай положил ему на грудь руки и произнес с мольбой в голосе:

— Дмитрий Ильич, Христом богом прошу, не ходите!

Дмитрий рассмеялся — это прозвучало так неожиданно: Христом богом... Николай смутился, но уговаривать не перестал:

— Если вас заберут, как же мать...

Не ответив, Дмитрий направился к двери.

— Давайте хоть фуражками поменяемся,— предложил Николай.

— Это лишнее... Впрочем, могу надеть черные очки, они у меня в чемодане. Надевал их, когда тайком ездил из Подольска в Москву...

Порывшись в чемодане, Дмитрий достал очки и надел.

— Ну как?

— Так лучше...

Когда они поднялись на Домскую гору́, то увидели: со всех сторон к зданию патологического института университета, где была назначена сходка, направлялись группы студентов. В дверях института образовалась пробка, Дмитрий и Николай еле протиснулись внутрь.

В зале, прикинул Дмитрий, никак не меньше шестисот человек. У многих в руках голубые листочки — воззвание «Союзного совета». Сквозь толпу протолкался Василий Десницкий, бледный, с горящими глазами. Легко вскочил на стол и, подняв руку, крикнул:

— Товарищи!

Дмитрий даже вздрогнул — давно не слышал это заветное слово, произнесенное в полный голос. По залу прокатился радостный гул.

— Товарищи! — повторил Василий еще громче и продолжал: — Правительство бросило вызов всему российскому студенчеству. Недалеко отсюда, в Пскове, держиморды-унтеры выколачивают из киевских студентов свободомыслие, дух вольности и протеста...

Дмитрий изредка поглядывал по сторонам. У главных дверей увидел Франка, который старательно кого-то высматривал. Николай тоже заметил филера. Взяв Дмитрия под руку, отвел его за колонну.

— Это он вас...

Около колонны стояли студенты-эстонцы, среди них был Оскар. Николай подозвал его и спросил:

— Есть ли тут другой выход?

Оскар, увидев на Дмитрии черные очки, сразу же все понял.

— Пойдемте!

Он повел их в конец зала, где была маленькая, неприметная дверь. За ней начинался темноватый коридор, в глубине которого светлело окно. Взглянув в него, Оскар сказал:

— В парке педели... Пожалуйте сюда!

Он повел Дмитрия и Николая по узкой лестнице на второй этаж, и они оказались возле дверей знакомой лаборатории. Для Дмитрия это было неожиданностью — он всегда ходил сюда другим путем.

Дав понять Оскару и Николаю, что войдет один, Дмитрий открыл дверь. Кроме Генриха Ивановича, в лаборатории никого не было.

— Господин Ульянов? А я полагал, что вы там, внизу. Впрочем, какое мне дело. Пришли заниматься? Пожалуйста, как видите, свободных мест сколько угодно.

— Благодарю вас, Генрих Иванович, но не позволите ли мне сегодня, в виде исключения, заниматься в задней комнате. По некоторым соображениям мне там будет удобнее...

Приват-доцент заговорщически подмигнул:

— За шкафом есть тихий уголок, ни одна душа вам там не помешает. Занимайтесь хоть до вечера. Если мне понадобится отлучиться, я запру вас на ключ. Хорошо?

— Большое спасибо, Генрих Иванович, второй раз вы меня выручаете.

Приват-доцент махнул рукой — что, мол, за счеты?!

Снизу в лабораторию доносился нарастающий гул сотен голосов — сходка продолжалась.

ОПОЗДАЛИ

Выследили его на общеуниверситетской сходке или нет — это не суть важно. Если жандармы всерьез решили его «изъять», то уж найдут предлог помимо сходки.

Дмитрий решил на всякий случай привести в порядок свои университетские дела.

Когда он осенью приехал в Юрьев, ему предстояло пройти два семестра — девятый и десятый. Один из них он уже одолел, осталась простая формальность: взять у профессора Чижа на кафедре психологии подпись. Психологию Дмитрий сдал еще в Московском университете, но в «лекционной книжке», выданной ему в Юрьевском, это не отмечено. Профессор Чиж заверит, что экзамен сдан, тогда ему зачтут весь девятый семестр.

Дмитрий много слышал о Владимире Федоровиче Чиже. Когда-то студенты стремились на его лекции, но в последние годы интерес к ним иссяк. Старожилы объясняли это по-разному, одни говорили, что у Чижа появились какие-то странности, во время лекций он вдруг терял нить мысли или ни с того ни с сего начинал ругать студентов, они, мол, его... гипнотизируют. Другие объясняли упадок

популярности профессора тем, что с годами он становится все большим мракобесом, врагом студенчества.

Когда два года тому назад правление университета судило студентов за сходку и другие нарушения правил, профессор Чиж ратовал за самые суровые меры. Он открыто и с жаром приветствовал «Временные правила 1899 года», которые угрожали студентам за «учинение скопом беспорядков» отдачей в солдаты. И после сходки в патологическом институте профессор Чиж тоже требовал самого строгого наказания для всех ее участников.

Дмитрий сознавал, что выбрал не лучший момент для обращения к профессору, но ведь дело пустячное, одна формальность. Он учтиво изложил свою просьбу и протянул «лекционную книжку». Но Чиж швырнул ее обратно, затопал ногами, закричал:

— Смутьяны! Гнать всех из университета, гнать!

Дмитрий пошел к декану, профессору Курчинскому. У Василия Палладиевича сидел посетитель, и Дмитрий остался ждать в канцелярии. Старичок-делопроизводитель поманил его к себе. Дмитрий пересел поближе.

— Полицмейстер Забелин вами интересуется. Уже два запроса присылал: когда студенту Дмитрию Ульянову надлежит явиться в Самарское уездное присутствие для исполнения воинской повинности?

Вот оно что! Полиции, значит, известно, что предоставленная ему три года назад отсрочка кончается, известно и то, что месяц тому назад он направил в Самару прошение о новой отсрочке, до окончания университета, но ответа еще нет. Что стоит жандармам воспользоваться этим и выслать его в Самару?

Старичок похлопал Дмитрия по плечу и досказал с улыбкой:

— Мы с ответом полицмейстеру Забелину тянули-тянули, а тут и бумага из Самары пришла. Опоздал Забелин, опоздал! Пожалуйте, вот вам отсрочка до весны следующего года, доучивайтесь спокойно.— И делопроизводитель протянул Дмитрию спасительную бумагу.

Когда Курчинский освободился, Дмитрий прошел к нему. Василий Палладиевич в расстегнутом сюртуке стоял у окна и задумчиво барабанил пальцами по стеклу. Дмитрий подумал: а что, если и декан, подобно Чижу, станет срывать на нем злость за сходку, ведь и у него из-за этого были

крупные неприятности, две трети участников сходки — студенты-медики.

Однако ,Василий Палладиевич скорее был расстроен, чем раздражен. Узнав, что профессор Чиж отказался поставить свою подпись в «лекционной книжке», недоуменно пожал плечами.

— Но ведь вы имеете зачет по психологии?

— Да, господин профессор, я получил его в Московском университете. Это указано в свидетельстве, поступившем из Москвы в ответ на ваш запрос, еще осенью.

— Помню, помню. Ну, значит, вам вовсе и не нужна его подпись, я распоряжусь, чтобы канцелярия зачла вам девятый семестр.

— Благодарю, господин профессор.

Курчинский прошелся по кабинету. Предложив Дмитрию кресло, сел в другое, стоявшее напротив.

— Господин Ульянов, поторопитесь с экзаменами и за десятый семестр. Что там у вас еще осталось?

— Медицинская поликлиника...

— Ну, здесь вы, кажется, преуспели больше, чем следует!

Дмитрий сделал вид, что не понял намека профессора, и продолжал перечислять:

— Детские болезни, судебно-медицинская казуистика...

— И это все? При вашем прилежании и отменных способностях они много времени у вас не отнимут.

Курчинский встал. Дмитрий тоже поднялся. Протянув студенту руку, Василий Палладиевич настойчиво сказал:

— Послушайте моего совета, рассчитайтесь быстрее с десятым семестром. Все может быть... В Самару-то пришлось давать телеграмму, иначе ответ на ваше прошение об отсрочке призыва мог бы и запоздать.

«ИСКРА» В ГОРОДЕ

Общеуниверситетская сходка наделала в городе много шума. Всюду: в лавках, парикмахерских, на рынке, на почте — только и говорили, что о ней. К тому, что было, обыватели прибавляли то, чего не было, и не прошло трех дней, как мирная сходка студентов стала представляться настоящим бунтом. Ротмистр грозился языки повыдергать у тех, кто болтает о бунте.

Пришла беда, отворяй ворота! Мало одной сходки, начались беспорядки посерьезнее. Полицмейстер Забелин доложил, что студенты во время лекции освистали профессора Чижа.

— Все? — спросил ротмистр, не веря, что на этом все беды кончились.

— Никак нет, ваше высокоблагородие! Франк донес, что в городе замечена нелегальная газета «Искра», не только среди студентов, но и среди мастеровых.

— Изъята? — с надеждой спросил Покрошинский.

— Пока не удалось,— сокрушенно ответил Забелин.

Ротмистр оттянул пальцем тесный воротник мундира — ему стало душно. Департамент полиции специальным отношением предписал всеми мерами пресекать распространение газеты «Искра», издаваемой за границей преступным сообщничеством, именующим себя «Российская социал-демократическая рабочая партия». А в Юрьеве пресечь не смогли.

— Чья работа?

— Не установлено.

— Без Ульянова тут не обошлось! — уверенно заявил ротмистр и добавил с досадой: — Эх, опять дали ему вывернуться. Начни мы это дело с воинской повинностью чуть раньше, и маршировать бы ему сейчас с полной выкладкой!

Забелин промолчал. Это его промах. Зря он направил запрос в канцелярию медицинского факультета, надо бы прямо в Самару и частным порядком намекнуть, что Ульянов отсрочки не заслуживает.

— К устройству сходки Ульянов причастен? — осведомился Покрошинский.

— По сему сюжету ничего определенного установить не удалось. Егор Сорока заметил Ульянова в парке, в

черных очках, но в самом помещении его не видел. Франк уверяет, что проследил Ульянова в самом помещении, но из-за большого стечения публики потерял его.

— Опять упустили! — рассердился ротмистр.

— Ульянов от нас не уйдет,— стал выгораживать себя Забелин.— За ним установлен строгий надзор. Позвольте огласить данные наружного наблюдения. Третьего дня в седьмом часу вечера к Ульянову на Мельничную улицу приходил студент историко-филологического факультета Василий Десницкий. Пробыл час десять минут. Вчера в третьем часу пополудни Ульянов посетил книжный магазин на Рыцарской улице, пробыл недолго, спрашивал сочинения писателя Короленко. Вечером того же дня Ульянов более часа провел в помещении любителей шахматной игры...

— Так это он филеров за нос водит! — вскипел ротмистр.— Книжный магазин, общество любителей шахматной игры — это все для отвода глаз. В заречье надо его накрыть, да с газетой «Искра» в кармане,— было бы дело!

Забелин насупился — вот и накрыл бы, мастер чужими руками жар загребать! Забелин зря царский хлеб не ест. Есть одна ниточка к Ульянову, но ротмистру лучше про нее не говорить, на ходу перехватит и все испоганит: нетерпеливый, жадный до наград. А здесь надо тихо, не спеша.

Филер донес, что видел у Каменного моста студента Ульянова вместе с плотником мебельной фабрики Робертом Луми. Они стояли за штабелем дров и разговаривали. Передал ли Ульянов что-нибудь плотнику, этого филер в темноте определить не мог. Роберт Луми замечен в пропаганде среди рабочих — дает им прокламации. Не от Ульянова ли получает? Чуть повременим да нагрянем к Луми с обыском. Через него, может статься, на Ульянова выйдем.

— В печенках он у меня сидит, Ульянов! — пристукнув кулаком по столу, сказал ротмистр.

Забелин сочувственно покивал головой — Ульянов и ему много крови попортил.

ТРУДНЫЕ ДНИ

Аудитории и коридоры университета опустели — в ответ на сходку и срыв лекций ректор прекратил занятия.

Четырнадцать студентов уволены, но по всему видно, будут новые исключения. Инспектор студентов и педели усердствуют, ищут «зачинщиков волнений».

От делопроизводителя медицинского факультета Дмитрий узнал, что профессор Курчинский весьма озабочен — большую группу студентов-медиков будет судить правление университета. Ректор и близкие к нему профессора, и конечно Чиж, требуют исключить всех виновных в беспорядках «без права обратного поступления». Василий Палладиевич силится спасти кого только можно.

— Вас, господин Ульянов, он уберег от суда.

Суд над участниками волнений назначили на 19 апреля 1901 года, а десятью днями раньше ректор объявил, что по распоряжению министра народного просвещения в университете возобновляются занятия и все студенты обязаны посещать лекции.

«Союзный совет» созвал новую сходку, которая призвала студентов в знак протеста против суда не посещать лекций. Чтение лекций началось в полупустых аудиториях, но с каждым днем все больше студентов приступало к занятиям. Каждый находил для этого оправдание: и без того много учебного времени потеряно; министр уже приостановил действие «Временных правил», к тому же власти обещали вернуть киевлян в университет. Раздавались голоса, что не стоит сердить правление университета накануне суда...

В столовой к Дмитрию подсел студент с розовыми щечками — Евфимий Лузин. Он стал объяснять, почему ходит на лекции. Ему обещали в награду за хорошее поведение разрешить жениться на девице Жигмонт.

— Невеста,— продолжал Евфимий,— поставила мне предельный срок, чтобы сразу после пасхи под венец, или она отдаст руку и сердце другому, за нее уже сватается акцизный чиновник. Как я должен был поступить?

Дмитрий резко ответил:

— Ну, если девица Жигмонт дороже вам чести и совести...

Евфимий отскочил, не дослушав.

Правление университета заседало при закрытых дверях. Было объявлено лишь решение. Сорок пять студентов, признанных виновными более других, исключены из университета без права обратного поступления. Василию Десницкому и многим другим правление вынесло выговор с предупреждением об увольнении из университета.

Всех исключенных в спешном порядке выслали из города. На вокзале их провожали сотни студентов.

ГОСПОЖА БОРНВАССЕР

Только позже госпожа Борнвассер сообразила, какую скверную историю хотел сыграть с ней Франк, а ведь она считала его благородным человеком. Не найди господин Ульянов в своем чемодане этих секретных бумаг, она попала бы в беду. Деревянная башка! Кто, спрашивается, возместил бы ей убыток за то время, пока комната стояла бы пустой? А она могла ведь пустовать и месяц, и два, и три.

Ах, Франк, Франк, из-за него она чуть не лишилась такого хорошего жильца. Ульянов аккуратно платит за комнату, содержит ее в чистоте и порядке, не жалеет дров, и от былой сырости в комнате не осталось и следа. На свой счет починил кое-что из мебели, вставил новое стекло вместо треснутого.

А какой он галантный! Как красиво раскланивается с ней при встречах на лестнице или во дворе — снимает фуражку и медленно отводит ее в сторону. Манерам господина Ульянова мог бы позавидовать любой из баронов. Что же удивительного: он из такой семьи! Отец его был действительный статский советник — боже мой, это все равно что генерал! Она видела его фотографию — очень представительный господин, с крестом на шее.

Что полиция имеет против такого прекрасного молодого человека, как господин Ульянов? Франк говорил ей, что он поднадзорный, но она не совсем поняла, что это значит. Но и то правда, полиция далеко не всегда поступает справедливо. Этой зимой пристав участка оштрафовал ее за то, что перед воротами дома не убран снег. Но кто

убирает снег, если он еще идет? Она так и сказала господину приставу, но он и слушать не хотел. Нет, в полиции тоже есть несправедливые люди!

Ей было неприятно делать то, что велел Франк,— рыться в чужих вещах, заглядывать во все углы и шкафчики, разгребать золу в печке. Но разве могла она ослушаться полиции? Полиция всегда может ей пакость подстроить. Видит бог, она выполняла приказ полиции с тяжелым сердцем.

Госпожа Борнвассер уже было успокоилась за свои деньги, и вдруг в университете начались эти ужасные беспорядки. Два года назад в университете тоже были волнения. Кто мог подумать, что ее тогдашний жилец будет исключен и выслан из Дерпта в двадцать четыре часа?! За ним так и пропал долг за комнату — целых десять рублей! И вдобавок она понесла убыток из-за того, что комната пустовала два месяца.

Не дай бог, если господина Ульянова тоже исключат из университета и вышлют из Дерпта. В кирхе она встретила свою старую подругу — она замужем за почтмейстером и потому очень важничает. Подруга сказала ей: «Клара, не будь доверчивой дурой, узнай, не собираются ли твоих студентов исключать из университета!» Она не спала ночь, а утром побежала в канцелярию медицинского факультета. Там спросила старого человека в вицмундире, не грозит ли Ульянову исключение и высылка из города? Тот осведомился: «А для чего вам это надо знать?» Она честно рассказала о причине своего беспокойства. Старик накричал на нее и велел немедленно покинуть канцелярию.

Тогда она на своих больных ногах поднялась к господину Ульянову и его самого спросила: «Вас не вышлют из Дерпта?» Господин Ульянов очень умный человек, он сразу понял, почему она волнуется. Ответил: «Госпожа Борнвассер, свои деньги вы получите в любом случае».

Господин Ульянов в тот же день уплатил ей за комнату до конца семестра. Теперь, если его вышлют, она сможет сдать комнату другому жильцу и, таким образом, получить за нее двойной доход. Конечно, жалко господина Ульянова, но зачем он устраивал в университете беспорядки? Если начальство говорит: «Этого делать нельзя!», значит, нельзя! А сделал, пеняй на себя.

Оно и к лучшему, если господина Ульянова вышлют из Дерпта: иметь жильцом человека, которым недовольна полиция — только наживать себе неприятности. Муж всегда говорил ей: «Клара, главное в жизни — спать спокойно в своей постели!»

Поразмыслив, госпожа Борнвассер пришла к заключению, что ей выгодно, чтобы правление университета исключило господина Ульянова, а полиция выслала его из города. Она очень огорчилась, когда узнала, что его и не судили даже и он остается в университете.

И когда пришел господин Франк и сказал ей, чтобы она продолжала следить за господином Ульяновым, она охотно согласилась.

РОБЕРТ

Дмитрий встал раньше обычного, его ожидала интересная работа — Григорий Витальевич Хлопин дал ему вчера тетрадь с записями химического исследования воды, взятой в разных местах реки Эмбах, и попросил высказать свое мнение о пригодности ее для питья. В Подольске Дмитрий помогал санитарному врачу Левицкому в подобных исследованиях, и было любопытно сравнить методы анализа, применяемые Хлопиным, с теми, которые практиковали они с Левицким.

Только он открыл тетрадь, как в дверь постучали, тихо, но настойчиво. Кто это так рано? Николай? Хозяйка? Или?.. Что ж, он давно готов к визиту жандармов. Спросил, не выдавая волнения:

— Кто там?

— Я, Оскар!

Его-то Дмитрий ожидал меньше всего — Оскар ни разу у него не был, и, помнится, своего адреса Дмитрий ему не давал. Он повернул ключ и распахнул дверь.

— Проходите, рад вас видеть! Снимайте пальто.

Войдя в комнату, Оскар стал извиняться за столь раннее вторжение. Дмитрий сразу заметил, что Оскар не в себе, бледен, а всегда гладко причесанные волосы торчат в разные стороны. Оглянувшись на дверь, он сказал тихо:

— Роберта арестовали... сегодня ночью!

— Садитесь и рассказывайте! А я сейчас разведу эту машину, и мы будем пить чай.

Спокойствие Дмитрия передалось Оскару. Он снял пальто, причесал волосы и огляделся, не зная, куда сесть.

— Садитесь сразу за стол, чтоб не пересаживаться. Так что же произошло?

С обычной своей основательностью Оскар изложил события минувшей ночи. Часа два назад, было еще темно, к нему прибежала Хелена. Хозяйка не хотела ее пускать, но он, услышав знакомый голос, сказал хозяйке, чтоб впустила.

Хелена сообщила, что ночью у них был обыск, жандармы рылись в вещах, даже в пеленки свой нос сунули, но ничего не нашли. После ухода жандармов Хелена послала своего Яана, мужа, к Роберту, предупредить, что и к нему могут прийти. Но Роберта он уже не застал. Перепуганная хозяйка рассказала, что ночью приходила полиция, долго что-то искала у Роберта, нашла прокламацию на эстонском языке и велела ему идти с ними.

— Это, должно быть, та самая листовка,— с тревогой в голосе напомнил Оскар.

С неделю назад Дмитрий выписал из номера «Искры» известия с фабрик и заводов России о стачках и дал Оскару перевести. Роберт отнес перевод знакомым студентам, и они размножили его на гектографе в виде листовки. Одну листовку Роберт оставил себе, ее и нашли жандармы при обыске.

— Роберту она не повредит? — с тревогой спросил Оскар.

Дмитрию понравилось, что студент сначала подумал о Роберте, а не о себе.

— Там ничего нет,— успокоил он Оскара и налил ему чаю покрепче.— А как вы узнали, где я живу?

— Хелена сказала, она однажды прибегала за вами, когда ребенку стало плохо.

Дмитрий кивнул — он этот случай помнит.

— Хелена послала меня, чтобы я вас предупредил... ведь и у вас может быть обыск.

Дмитрий улыбнулся: молодец Хелена, не потеряла голову, обо всех подумала — и о Роберте, и об «уличном докторе».

— Долго Роберта будут держать? — спросил Оскар.

— Допросят и отпустят,— не очень уверенно ответил Дмитрий. Кто знает, что жандармам взбредет в голову? Иной раз они из пустяка раздуют большое дело. Но сейчас им не до плотника, они студентами заняты.

Роберта выпустили через несколько дней, и он рассказал Дмитрию, что жандармы старались вытянуть из него на допросах. Сначала спрашивали о прокламации — кто ему дал, что он собирался с ней делать? Роберт ответил, что прокламацию нашел у ворот фабрики, собирался сжечь, да забыл о ней.

Потом Роберта отвели к самому Покрошинскому. Ротмистр о прокламации не спрашивал, его интересовало другое: знаком ли он со студентом Ульяновым.

— Как же не знаком,— ответил Роберт,— он меня от брюшного тифа лечил, можно сказать, от смерти спас.

— А дома у тебя Ульянов бывал?

— А как же! Из больницы я вышел еще хворый, так он навещал меня, лекарства приносил.

— Про политику говорил?

— Не говорил.

— Книжки давал?

— Одну книжку дал — рассказы Максима Горького, да я мало что понял.

— Прокламации предлагал?

— Не предлагал.

— Ульянов давал тебе поручения? Ну, отнести что-нибудь, принести...

— Этого не было.

— Вспомни!

— Вспоминать нечего.

— Если соврал, насидишься в тюрьме! — пригрозил ротмистр.— А теперь пошел вон!

Роберт обрадовался, думал, что может идти домой. Но его отвели обратно в камеру. Через день ротмистр опять вызвал его на допрос. Снова о студенте Ульянове спрашивал. Роберт от своих первых показаний не отступал, хотя Покрошинский и орал на него, и кулаком грозил. Потом об «Искре» спросил: видел ли ее?

— Даже не слыхал о такой!

— Ты дураком не прикидывайся! Об «Искре» в прокламации сказано, в той, которую у тебя нашли!

— А я ее и не читал.

На том допросы закончились. Когда Роберта выпускали, жандарм сказал ему:

— В другой раз так легко не отделаешься...

Дмитрий опасался, что первый арест тяжело скажется на Роберте, он утратит душевное равновесие, уйдет в себя. Такие случаи Дмитрию приходилось наблюдать. Ничего этого с Робертом не произошло, он по-прежнему был веселый, бодрый, сразу заговорил о том, что нужны новые прокламации на эстонском языке, хорошо бы перевести из «Искры» и статьи...

РАННИЕ ВАКАЦИИ

Дмитрия позвали на чай. На краю стола домовито сопел до блеска начищенный самовар. Чай в тонкие стаканы разливала сама хозяйка, еще молодая женщина. Мальчики ели простоквашу с толокном. Григорий Витальевич Хлопин, одетый в просторную венгерку, умно и живо говорил о важности строго научной оценки питьевой воды — это был его конек.

— Кажется, ясно и просто: вода для питья тогда отвечает санитарным требованиям, если в ней нет вредных соединений и болезнетворных зародышей. Однако установить их присутствие в воде удается крайне редко. Даже во время эпидемий брюшного тифа и холеры мы далеко не всегда можем найти в воде возбудителей болезней!

Дмитрий слушал с живым интересом, по собственному опыту он знал, что санитарная оценка питьевой воды — одна из самых сложных проблем санитарной экспертизы.

— Вспомните, Дмитрий Ильич, случаи повторных заболеваний на мебельной фабрике. Даже простой наружный осмотр источника водоснабжения — колодца с насосом — убеждал, что вода в нем не может быть незараженной, поскольку в колодец стекали всякие нечистоты. А возбудителей брюшного тифа в пробах воды мы не обнаружили!

— Вы правы, Григорий Витальевич,— сказал Дмитрий.— Одного химического исследования питьевой воды

недостаточно. Нужны и другие методы исследования — микробиологические.

— Вот именно! — воскликнул Хлопин и продолжал: — Но санитарные врачи, даже те немногие, которые есть сейчас на Руси, с этими методами не знакомы. Вот уже несколько лет как я бью во все колокола, настаиваю и требую, чтобы в университетах, сверх курса общей гигиены, ввели специальный курс методики санитарных исследований. Но увы, мой голос не услышан.

— Ты очень нетерпелив,— заметила жена.

— Сударыня,— строго обратился к ней Хлопин,— когда речь идет о здоровье миллионов людей, простительно быть нетерпеливым. Дмитрий Ильич, надеюсь, вы со мной согласны?

Дмитрий улыбнулся хозяйке, как бы извиняясь за то, что берет сторону Григория Витальевича.

— Совершенно согласен!

Хозяин победоносно взглянул на жену, встал и широким жестом пригласил гостя в кабинет. Дмитрий поднялся, поблагодарил хозяйку за чай и последовал за профессором.

— Садитесь, Дмитрий Ильич! Берите папиросу, я сам набивал... табак отличный.

Дмитрий взял из большой коробки папиросу, закурил и ждал, что скажет Хлопин, ведь не зря он увел его в кабинет, хочет сообщить что-то важное и по секрету.

— Вы, Дмитрий Ильич, конечно, догадываетесь, что только заступничество Курчинского... ну, и некоторых других профессоров спасло вас от крупной неприятности?

Дмитрий кивнул.

— К сожалению,— продолжал Хлопин,— враждебные силы не угомонились. Василий Палладиевич сказал мне, что в городе арестован плотник, якобы связанный с вами...

— Его выпустили.

— Очень хорошо! — обрадовался Хлопин.— Местные жандармы жаждут вашей крови, Дмитрий Ильич. Уезжайте-ка месяца на три из Юрьева, ведь десятый семестр вы закончили?

— Я не получил еще зачета по медицинской поликлинике.

— Василий Палладиевич навел справку. Зачет вам выставлен, вы ходили по вызовам больше, чем любой другой студент вашего курса. Так что поезжайте. Пусть здесь немного вас забудут. Знаете: с глаз долой, из сердца вон! — Хлопин засмеялся.

— Но до начала вакаций еще далеко...

— Василий Палладиевич согласен дать вам отпуск по семейным обстоятельствам. Ведь матушка нуждается в вашей помощи, она осталась одна.— Хлопин дал понять, что ему известно многое.

— Да, одна, сестра и зять все еще в тюрьме.

— Вот и поезжайте, обрадуйте матушку. Побудьте с ней до августа, полистайте на досуге учебники к лекарским экзаменам, займитесь исследованиями питьевой воды — результаты присылайте мне...

Что ж, подумал Дмитрий, разумный совет. Не сегодня, так завтра местная полиция здесь до него доберется... Мама любит выезжать на дачу рано, чтобы посадить цветы. Одной на дачу ей не выбраться, и она будет томиться в Москве.

— Я поступлю, как вы советуете, Григорий Витальевич.— Дмитрий встал и поклонился.— Очень вам благодарен за душевное отношение.

Хлопин открыл шкаф, достал заложенный за книги плоский пакет и, протягивая его Дмитрию, сказал со смущенной улыбкой:

— Вот брошюры, которые вы мне доверили. Не обессудьте, прочел — любовь молодости!

Дмитрий возвращался домой берегом Эмбаха. Река набухала от талых вод и бежала под Каменный мост, словно желая укрыться под его пролетами. Дмитрий поймал себя на мысли: «Вот и я так же...»

ЛЕТО В ПОДОЛЬСКЕ

Подольск изнывал от жары. Пыль, сушь. Каждое утро Мария Александровна обходила свой сад. На цветы тяжело было смотреть — тонкие, жалкие, хотя Митёк и поливает их каждый вечер. Выгоревшая на солнце трава шуршала под ногами. Капуста и огурцы в огороде пожелтели. Не видать в этом году овощей.

— Дождя бы,— вздыхала Мария Александровна.— Дождь сейчас был бы как манна небесная!

И в Москве жара. Каково-то Маняше в тюрьме — Дмитрий это по себе знает. Когда летом 1898 года сидел в Таганской тюрьме, то непрерывно пил воду, довел себя до того, что лицо стало отекать.

Мария Александровна ездила в Москву каждую неделю, Дмитрий тоже хотел навестить сестру. Подал властям прошение, чтобы разрешили свидание. Отказали — сам, мол, недавно привлекался по политическому делу... Безобразие это, и Володя так считает. Узнав, что Мите отказали в свидании с сестрой, он посоветовал жаловаться в Петербург, потому что это, в самом деле, нечто из ряда вон выходящее. Володя полагает, что Маняшу в скорости должны освободить. Хорошо бы!

Подольск

Дорогая Маня!

Весьма жаль, что мое письмо затерялось,— на меня и так редко находит вдохновение писать, я очень ленив на этот счет, теперь особенно, так как все больше зубрю медицину: буки аз, буки аз... Веселое занятие, не правда ли, особенно в такую жару и духоту, когда и так едва существовать можно; прямо небывалая температура, в воде только и жить. Это лето вообще скучноватым, видимо, будет, да и ехать придется рано.

Мария Александровна уже начала понемногу собирать Митю в Юрьев. Сидя в саду в своем удобном кресле, чинит его белье. Володя в последнем письме спрашивает, когда Митя уезжает и надолго ли, когда он покончит со всеми экзаменами и какие у него планы на дальнейшее, стремится ли, как прежде, стать санитарным врачом? Митёк хочет уже в середине августа быть в Юрьеве — в конце месяца начнутся лекарские экзамены, продлятся они до поздней осени, а возможно, прихватят и часть декабря.

Только бы злые силы опять не помешали ему! Всего Дмитрий не говорит, не желает пугать ее, но по отдельным намекам она заключила, что и в Юрьеве полиция не дает

ему покоя. Даже страшно подумать, что сыну в последний момент помешают окончить университет. И без того Митино студенчество тянется восемь лет, вся душа изныла за него... Дай-то бог, чтобы все обошлось, и Митёк получил, наконец, диплом врача. Сбудется ее давнишняя мечта, хоть один из ее сыновей станет врачом.

С дипломом Митёк надеется получить место санитарного врача где-нибудь в провинции — эта работа ему по душе. В прошлом году он практиковался у Левицкого и нынче берет из реки и колодцев пробы питьевой воды, делает анализы и отправляет свои записи в Юрьев профессору Хлопину. Дадут ли Мите место санитарного врача? Требуется согласие полицейских властей, а у них семь пятниц на неделе. Мария Александровна тяжело вздыхает.

В Подольске Дмитрий устроился в уездной земской управе по письменной части. Работа скучная, жалованье небольшое, но куда денешься, хорошо, что такое место нашлось, в его положении выбирать не приходится.

Служит он под началом секретаря управы Андрея Нилыча Елагина. Судьба снова свела их. Когда Дмитрий учился в Московском университете, то входил в марксистский кружок Елагина, часто бывал у него дома, а также в деревне, где Андрей Нилыч проводил с женой каждое лето. Это были люди радушные, открытые. Андрей Нилыч и Левицкий — только с ними Дмитрий может в Подольске отвести душу, поделиться сокровенными мыслями.

На адрес Левицкого приходила «Искра» — Дмитрий не сомневался, что это устроил Владимир Ильич. Вячеслав Александрович давал газету знакомым. Через них «Искра» попадала и к рабочим-строителям — в Подольске возводили завод швейных машин американской фирмы «Зингер и К°», и народу наехало много.

Как-то Левицкий пришел к Дмитрию с радостным известием:

— Вот и ваш Юрьев прославился!

В очередном номере «Искры» был обзор студенческого движения, газета писала, что из Москвы и Петербурга «беспорядки» перекинулись в остальные университетские центры. Был назван и Юрьев. Значит, до Владимира Ильича дошли вести о весенних выступлениях студентов Юрьевского университета.

— Тут и ваша доля есть! — заметил Левицкий.

Дмитрий только загадочно улыбнулся.

В Подольске Дмитрий много думал о брате. Куда бы ни пошел: в лес, на реку, на станцию — вспоминались совместные прогулки с Владимиром Ильичем.

Дмитрий рад, что ему удалось из Подольска наладить связь с братом. Как-то отобрал номера газет с интересными статьями и послал Владимиру Ильичу в Мюнхен, авось они ему пригодятся. И попал в точку. Владимир Ильич писал Марии Александровне: «Митю очень бы просил и вперед присылать всякие попадающие ему в руки интересные номера русских газет: здесь библиотеки нет, и кроме «Русских Ведомостей» почти ничего не видишь...»

С огромной охотой Дмитрий выполнял просьбы Владимира Ильича. Надежда Константиновна — она уже в Мюнхене — сообщила, что Владимир Ильич просит прислать ему три экземпляра его книги «Развитие капитализма в России». Дмитрий разыскал в магазинах книги и отправил брату. В другой раз Владимир Ильич попросил оказать ему услугу — продать ружье, с которым он охотился в Шушенском. Дмитрий это сделал, отослав брату вырученные за ружье 76 рублей.

Каникулы подходили к концу. Дмитрий все чаще обращался мыслями к Юрьеву. Что-то его ждет там? Дадут ли ему сдать лекарские экзамены?

В середине августа 1901 года он выехал в Юрьев.

РИГОРОЗИСТ [1]

Госпожа Борнвассер встретила Дмитрия с бурной радостью. Прижав пухлые руки к груди, она, взвизгивая от переполнявших ее чувств, говорила, как счастлива снова видеть господина Ульянова. Его ждет старая комната, она заново оклеена светленькими в цветочек обоями, служанка все в комнате вымыла, выскребла, положила перед кроватью пушистый коврик.

Дмитрий сделал вид, что тоже рад видеть госпожу

[1] От латинского слова «Rigorosum», что означает строгий (устный) экзамен. Р и г о р о з и с т — сдающий экзамен на степень лекаря.

Борнвассер, преподнес ей коробку московской пастилы, чем растрогал ее до слез. Сделав книксен, она повела жильца наверх, в его комнату. Как может убедиться господин Ульянов, все вещи, которые он оставил весной, в целости и сохранности, и лампа, и кувшин для умывания, и кочерга. Господину Ульянову не придется теперь на это тратиться.

Но переклейку обоев она поставит в счет — это такой пустяк, три рубля! И за коврик она накинет рубль в месяц. Господин Ульянов не станет ведь возражать? Вот и хорошо! Ах, такого жильца, как он, можно себе только пожелать!

Госпожа Борнвассер излучала радушие и сердечность, словно вчера у нее и не было разговора с господином Франком. Они пили кофе в ее уютной гостиной и мило беседовали. Напомнив Франку, как нехорошо он поступил с ней, чуть не лишив ее денег за комнату, она погрозила ему пальцем, на что гость только громко рассмеялся. И все было забыто.

Когда господин Франк спросил, скоро ли возвращается студент Ульянов, хозяйка сразу поняла, чего от нее хотят. Хихикнув, намекнула, что надеется на прибавку, ведь жизнь так быстро дорожает. Гость похлопал ее по руке — за прибавкой дело не станет.

Но сейчас, показывая жильцу заново оклеенную комнату, госпожа Борнвассер искренне верила тому, что рада его приезду. Пожелав ему хорошо отдохнуть после дороги, она наконец ушла.

Дмитрий видел госпожу Борнвассер насквозь, особа она лживая и жадная, и все же был признателен ей за чистоту и порядок в своей комнате.

Он распахнул окно, и комната медленно стала наполняться свежим, еще не успевшим прогреться воздухом. Утро было прохладное, не то что в Подольске, где даже ночью было жарко.

На башне Ратуши пробило семь, и снова стало тихо. Нигде не было такой тишины, как в Юрьеве, это какая-то особая, насыщенная покоем тишина.

Дмитрий разложил по ящикам комода белье, поставил на этажерку привезенные из Подольска книги, предварительно сунув в одну из них сложенный в несколько раз номер «Искры».

В тот же день Дмитрий побывал в канцелярии медицинского факультета. Старик-делопроизводитель, увидев его, закивал головой.

— Загодя приехали? Это хорошо, а то иной ригорозист является на лекарские экзамены прямо с вокзала. Не выспится, в учебник не заглянет и отвечает так, что уши вянут. Лекарский экзамен — это ведь делу венец! Предстал перед медицинской испытательной комиссией ригорозистом, а вышел — полным врачом!

На вопрос Дмитрия, на какое число назначен первый экзамен и какой предмет на него выносится, делопроизводитель сообщил: первый экзамен будет двадцать пятого августа, выносится общая патология, принимает профессор Афанасьев в присутствии всей комиссии.

— Вы уж постарайтесь! Вячеслав Алексеевич Афанасьев не жалует верхоглядов. От него поблажек не жди!

Старичок, как видно, за лето намолчался и теперь рад был поговорить. Он начал пространно объяснять, что собою представляет медицинская испытательная комиссия и весь порядок экзаменов на степень лекаря.

Комиссия состоит из председателя и пяти членов, назначается она не кем-нибудь, а его превосходительством господином министром народного просвещения!

Билеты с обозначенными на них вопросами вкладываются в урну, студенты вынимают билеты по очереди, каковая устанавливается жребием. Члены комиссии располагают правом предлагать и другие вопросы в пределах экзаменационных требований по предмету испытаний. Ответы комиссия оценивает как неудовлетворительные, удовлетворительные и весьма удовлетворительные.

Слушая старичка, Дмитрий невольно ежился — одно дело сдавать экзамен своему профессору, другое дело — комиссии, назначенной самим министром! Спросил себя: что, страшно? Нет, но беспокойно...

В столовой народу было мало, а знакомых почти никого. За длинным столом, где обычно садились студенты медицинского факультета, Дмитрий увидел Евфимия. Наклонившись над тарелкой щей, он быстро ел — розовые щечки то надувались, то опадали. Дмитрий хотел уклониться от встречи с Евфимием, но тот уже заметил его, стал приглашать сесть рядом. Отказаться было неудобно, он сел, но не рядом, а напротив.

— Поздравьте,— сияя, обратился Евфимий к Дмитрию.— В июле месяце сочетался законным браком с девицей Жигмонт. С соизволения господина ректора, снизошел он к моей покорной просьбе. Супруга осталась в Смоленске, при матери. Сдам лекарские экзамены и вернусь туда вить домашнее гнездо...

Дмитрий ограничился легким кивком, это можно было принять за поздравление, Евфимий так и понял и рассыпался в благодарностях. Дмитрий заказал себе обед. Ел молча, почти не слушая, что рассказывает Евфимий. Какое ничтожество — давно ли шумел на сходке, возмущаясь бесправием студентов, своеволием ректора, и вот ректор уже не изверг, а благодетель, чуть ли не отец родной. Гнусно и противно.

Расплатившись, Дмитрий ушел, думая об одном: только бы Евфимий не увязался за ним.

В дверях столовой Дмитрий неожиданно столкнулся с Егором Сорокой. Такое невезение. Одного Евфимия хватило бы, чтоб надолго испортить настроение, а тут еще Егор...

Егору лето не пошло на пользу, он похудел, прибавилось сутулости. Дмитрию показалось, что Егор не удивился встрече, будто ожидал ее. Кто мог ему сказать, что он приехал? Никого, кроме хозяйки и Евфимия, ведь он еще не видел?!

— Обедали? — спросил Егор, поздоровавшись.

— Да, только из-за стола!

— Жаль, с удовольствием разделил бы с вами трапезу.

Дмитрий посторонился, чтобы дать Егору пройти в столовую, но тот не спешил. Завел разговор.

— На старой квартире проживаете? Если позволите, зайду вечером за вами, прогуляемся к реке, лодку возьмем...

— Не сегодня, устал после дороги, хочу лечь пораньше.

— Что нового в белокаменной?

— Я ведь лето в Подольске провел, в Москве был от поезда до поезда,— ответил Дмитрий и приподнял фуражку, чтобы откланяться.

Но Егор не торопился прощаться.

— Могу проводить вас, принимать пищу мне не к спеху.

— Спасибо, но мне надо еще кой-куда зайти...

Опять Егор набивается в приятели, мог бы, кажется, догадаться, что в его обществе не нуждаются.

Летом, в Подольске, вспоминая Егора, Дмитрий спрашивал себя: что он имеет против него, почему невзлюбил? Из-за слухов, которые ходили о нем? Но ведь они не подтвердились, не исключено, что на Егора возвели напраслину. Дмитрий говорил о нем с Елагиным. Андрей Нилыч внимательно выслушал и пожал плечами: фактов недостаточно, чтобы обвинить Егора в провокаторстве, что же касается слухов, то пустить их могла и сама полиция.

— А если сомневаешься в нем, держись от него подальше! — посоветовал Андрей Нилыч.

«Держись подальше» — легко сказать. Юрьев не Москва, где знакомого можно год не встретить. И не скажешь ведь Егору: не хочу с вами знаться, ваше общество мне неприятно, прошу с разговорами ко мне не приставать! Буду с ним сух и понемногу отважу...

Дмитрий заглянул в университетскую библиотеку, набрал книг по общей патологии и, вернувшись к себе, сразу сел заниматься — до экзаменов десять дней, каждый час дорог.

Дорогая мамочка! Получила ли ты мое письмо от 21 августа, которым я отвечал на твое последнее письмо? Жду ответа. Сегодня сдавал первый экзамен (общая патология) и благополучно сплавил его, теперь до 10-го сентября, вероятно, не будет экзаменов. Завтра или послезавтра напишу больше, а теперь пока всего лучшего.

НА ДАЧЕ В ЛЕСНОМ

Рассказ

Тогда, в тридцатых годах, Лесное на окраиие Ленинграда было дачным местом. Среди старых сосен и берез стояли деревянные дома со ставнями иа окнах, с вераидами, балконами, мезонинами. К дачам вели натоптанные дорожки, обсаженные жимолостью и розами. По утрам Лесное оглашалось петушииым пением, мычанием коров, лаем сидевших на цепи собак и даже поросячьим визгом.

Дачи в Лесном на лето разбирались профессорами, знаменитыми артистами и писателями. На одиой из дач жил с семьей Виталий Григорьевич Хлопин, крупный ученый, профессор Ленинградского государствеиного университета. Ему было лет пятьдесят, но в живости он не уступал своим студентам, которые с утра до вечера толпились на даче, а иередко, задержавшись, спали вповалку на балкоие.

Я бывал на даче, хотя к науке Виталия Григорьевича — радиохимии — никакого касательства не имел, даже смутно не представлял себе, что это за наука. И когда Виталий Григорьевич и студенты весело перебрасывались учеными фразами, я ничего ие поиимал.

Чай пили на веранде из разномастных чашек; почему-то считалось за большую честь пить чай из голубой чашки с позолоченной ручкой. Эта честь выпадала тому, кто перед чаепитием расскажет самую интересную историю, все равно из какой области. Мне везло — я не раз пил чай из голубой чашки за рассказы о поездках по комаидировкам газеты на Диепрогэс, на Свирьстрой, в Пушкинские Горы, о встречах в Москве с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой.

— А с Дмитрием Ильичом, младшим братом Ленина, вам довелось встречаться? — спросил меня однажды Виталий Григорьевич.

Нет, Дмитрия Ильича я не видел. Как-то так получалось, что, когда я приезжал в столицу с заданием редакции, он находился вне Москвы. Но Надежда Константиновна, у которой я много раз был на Чистых прудах, и Мария Ильинична в разговоре со миой нередко упомииали Дмитрия Ильича, ссылаясь на его воспомииания о Ленине.

— А вот я имел честь знать Дмитрия Ильича Ульянова,— сказал Виталий Григорьевич.— Я встречал его в Дерпте, когда он был студентом тамошнего университета.

Не подумав, я спросил:

— Вы вместе учились?

Виталий Григорьевич рассмеялся.

— До университета я тогда еще не дорос, ходил в начальные классы гимназии.

Студенты стали просить Виталия Григорьевича рассказать о знакомстве с Дмитрием Ильичом, посулив ему голубую чашку. Виталий Григорьевич согласился.

— Мой отец,— начал он,— был тогда профессором кафедры гигиены Дерптского университета. К нам домой ходило много студентов. Я мало кого помню. Но вот Дмитрия Ульянова запомнил. Вы спросите: почему? Скажу чуть позже.

Дмитрий Ильич проходил в кабинет отца через гостиную, где я делал уроки. Кланялся маме и обязательно отдельный поклон мне, десятилетнему мальчику. Мне это льстило.

Мама устраивала дома музыкальные вечера, на которые собирались коллеги отца по университету. На них бывали и студенты. На одном таком вечере Дмитрий Ильич пел под рояль — аккомпанировала ему моя мама — какой-то русский романс. У него был приятный баритон и, как сказала мама, точный слух. Но запомнил я Дмитрия Ильича не поэтому. Как-то отец, рассказывая про свои молодые годы, заметил, что знал старшего брата Дмитрия Ульянова, Александра, его повесили за покушение на царя. Дома у нас царя часто поругивали, и я жалел, что покушение не удалось. Теперь я смотрел на студента Ульянова не только с интересом, но и с восхищением: это его брат поднял руку на царя!

Возможно, в конце концов я забыл бы Дмитрия Ильича, ведь далеко не все впечатления детства оседают у нас в памяти. Остаются, как правило, те, которые время от времени возобновляются. О Дмитрии Ильиче мне напоминала книга, которую он подарил мне по случаю какого-то события в моей жизни, кажется, я поступал после приготовительных классов в первый. Мне сшили длинные брюки и купили ранец из телячьей кожи.

А Дмитрий Ильич подарил мне книгу «Семь мировых загадок» немецкого ученого Эмиля Дюбуа-Реймона. Ее только что перевели на русский язык. Я не знал, кто этот Дюбуа-Реймон. Отец объяснил: его основные сочинения — о животном электричестве, Дюбуа-Реймон доказал наличие электричества в мышцах, нервах, железах, коже, сетчатке глаза и в других тканях. Это меня страшно заинтересовало: оказывается, во мне тоже есть электричество!

Я сразу принялся читать книгу, но она оказалась мне не по зубам. Отец утешил меня, сказав, что это очень интересная книга, но сейчас я ее не пойму. Я прочел книгу уже будучи юношей. «Семь мировых загадок» долго хранилась в моей библиотеке, во время войны и переездов книга затерялась. Если вы спросите, повлияла ли книга Дюбуа-Реймона

на мое решение посвятить себя науке, я отвечу: возможно, весьма возможно...

После Октябрьской революции у всех на устах было имя Ленина. Как и все, я, тогда уже студент Петроградского университета, хотел знать о Владимире Ильиче побольше. Спрашивал и у отца, он ведь в молодости был близок к революционным кругам. Как-то отец сказал:

«Ты помнишь дерптского студента Дмитрия Ульянова?»

«Конечно, он подарил мне «Семь мировых загадок»!»

«Дмитрий Ульянов — родной брат Ленина».

Я был и удивлен и обрадован этим,— закончил свой рассказ Виталий Григорьевич.

Это был самый интересный рассказ, который мы слышали в этот день на даче в Лесном, и право пить чай из голубой чашки было единодушно предоставлено Виталию Григорьевичу.

ПИКНИК

Дмитрий сел за руль, Василий Десницкий и Николай разобрали весла, а четвертый участник пикника Оскар устроился на носу, держа на коленях круглую корзину с припасами.

Пикник за городом придумал Василий — он сказал, что Дмитрию надо встряхнуться после двух экзаменов в медицинской испытательной комиссии и набраться сил перед новыми, а ему, Николаю и Оскару тоже не мешает глотнуть лесного воздуха и размяться.

Но все понимали — предлагая пикник, Василий думал о другом: в городе сейчас не так-то просто сойтись для разговора, жандармы всюду видят крамолу. Егор Сорока, встретив вчера Дмитрия в парке, предупредил его: «Дмитрий Ильич, вы бы поосторожнее...» Сделал это Егор от чистого сердца или по другой причине, кто знает? И неясно, что он имел в виду. Не пикник же? О пикнике он знать не должен был...

Когда выгребли за черту города, потянулись лесистые берега, отливавшие багрянцем,— Дмитрий так засмотрелся на эту красоту, что забыл о руле. Хорошо, вовремя спохватился, не то лодка врезалась бы в отмель.

Сидевший на носу Оскар напряженно смотрел прямо перед собой — нет ли за ними какой-нибудь подозрительной лодки. Кажется, нет — в поле видимости лишь одна плоскодонка, в которой сидит влюбленная парочка; девушка помахала им белым платочком и крикнула вдогонку что-то веселое.

Николай и Василий гребли дружно, глубоко забирая веслами, и лодка рывками подвигалась вперед.

Приглядев укромное место, они пристали к берегу. Небольшая лужайка в березняке отлого спускалась к воде, до того прозрачной, что были видны на дне камни и шнырявшие среди них уклейки.

Расправив плечи, онемевшие от долгого сидения за рулем, Дмитрий с наслаждением вобрал в себя воздух. Прищурясь, он смотрел на просвечивающее сквозь золотую листву берез солнце — листва сверкала, переливалась, плавилась. Его охватило ощущение легкости и покоя.

Хозяйственный Николай разжег костерок, повесил над

огнем железный чайник и стал выкладывать на расстеленное на траве чистое полотенце взятые с собой припасы: кольца колбасы, буханку хлеба, огурцы, холодную картошку, связки вяленой рыбы.

— К столу! — пригласил Николай.

Ели, пили чай и разговаривали, громко, не опасаясь, что подслушивают и донесут. Дмитрий подумал: год тому назад даже в лесу не стали бы говорить так свободно и безбоязненно. Рабочие стачки и демонстрации, студенческие «бунты» встряхнули народ, и у всех языки развязались.

Василий, щуря ясные, умные глаза — солнце светило ему в лицо,— неторопливо и сочно рассказывал о Нижнем Новгороде, где провел лето. В пику властям молодежь устраивает Максиму Горькому такие овации, которых город до того не видел. «Буревестника» декламируют и в городском саду, и на вечеринках, распространяют в виде прокламации. Василий встал и в полный голос — было слышно далеко по реке и в лесу — прочел:

« — Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!»

Дмитрий — он сидел, прислонившись к стволу дерева,— невольно взглянул на небо, словно ожидая увидеть там гордую птицу, вестника бури.

— Дмитрий Ильич,— крикнул Николай,— спойте «Нелюдимо наше море»!

Как-то зимой под настроение Дмитрий пропел Николаю эту песню, а потом сосед часто вспоминал ее и просил спеть, но Дмитрий отказывался. Слишком она была дорога ему, чтобы петь ее походя. С ней у Дмитрия связана память о родном доме: песню дуэтом пели Володя и покойная сестра Ольга. А сейчас Дмитрий был даже рад, что Николай напомнил о ней. Он пересел к костру и, глядя на огонь, запел, сперва тихо, задумчиво, как начинали Володя и Оля, а потом все громче, шире, раздольнее:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

— Великолепная песня! — воскликнул Оскар.— Как «Буревестник»!

Дмитрий взглянул на Оскара — как тонко он уловил эту внутреннюю связь, недаром после «Песни о Буревестнике» потянуло спеть «Нелюдимо наше море».

— Оскар, а теперь свою, эстонскую! — предложил Дмитрий.

Оскар задумался, Дмитрий полагал, что он выберет задорную, громкую песню, а Оскар предпочел мучительно-грустную. И снова Дмитрий удивился тому, как точно Оскар чувствует, когда какая нужна песня. Бодрая, вольная стала бы повторением спетой, а бесхитростная, печальная, которую он спел, внесла новое настроение.

— Слов не понял, а проняла! — тихо сказал Николай.

Взял чайник и пошел к реке. Долго и старательно тер его песком.

Василий прилег на траву вздремнуть, а Дмитрий с Оскаром отправились побродить по лесу — вдруг на грибы нападут...

Дмитрий спросил, как Оскар провел лето? По своему обыкновению, Оскар стал рассказывать подробно. Почти все лето он жил у дяди в Таллине — тот служит на заводе «Вольта» чертежником и живет недалеко от завода.

В чайной дядя познакомил его с монтером заводской электростанции, звать его Карл Сакк, он — эстонец, но не местный, а из Петербурга. Приехал в Таллин не по своей воле, выслали туда.

— Карл Сакк вздумал обратить меня в свою веру,— продолжал Оскар.— Дал мне прокламацию на эстонском языке. Когда я ему сказал, что точно такую видел в Тарту у одного парня, он рассмеялся: значит, и туда дошла! Пытался меня сагитировать, но быстро сообразил, что ничего нового сказать мне не может. «Я тебя со своим другом сведу, он любого студента за пояс заткнет! Все книги прочел!» На другой день Сакк привел в чайную слесаря завода «Вольта», назвал его только по имени: Михаил[1]. Не старый, моих лет, с бородой, в очках. Сидели мы в чайной часа два. Карл не соврал: слесарь оказался

[1] Речь идет о М. И. Калинине, который в те годы жил в Ревеле.

человеком редкой начитанности. Он интересовался, есть ли в Юрьеве «своя публика», ходят ли студенты к рабочим. Выспросил о сходке, которая была весной в нашем университете. «Что вы, говорит, только за себя вступаетесь, вам дай свободу, а народ пусть и дальше пребывает в беспросветном рабстве?!»

Дмитрий схватил Оскара за руку — верно, очень верно! Нельзя ограничиваться «академическими требованиями», надо выступать за политическую свободу для всего народа!

Когда они вернулись к костру, вода уже вскипела. Снова сели пить чай.

— Слушайте, что Оскар рассказывает! — обратился к Николаю и Василию Дмитрий.— В Ревеле рабочие удивляются, почему студенты только о себе пекутся, до народа им дела нет?

— Правильно удивляются! — сказал Николай.— Что мы весной на сходке требовали? «Вон инспектора и педелей!», «Долой карцер!». Мелковато по нонешним временам.

— А ты чего хотел бы? — холодно спросил Василий. Он руководил тогда сходкой.

— Что? — Николай перегнулся к нему.— А вот что! «Долой самодержавие! Отряхнем его прах с наших ног!»

Василий встал, отошел от костра и прислонился к дереву.

Дмитрий видел: Василия так и подмывает сказать что-то резкое, но он сдерживает себя. В молчании прошло несколько секунд.

— Весной на сходке к нам присоединилась только пятая часть всех студентов,— напомнил Василий.— А ведь наши требования были самые скромные... мелковатые...

— Свобода университета возможна лишь при полной свободе для всего народа! — сурово сказал Николай, не глядя в сторону Василия.

— Согласен,— спокойно заметил тот.— Ты это уже тогда понимал, Дмитрий, Оскар понимали, а другие студенты нет. «Университет не фабрика, а храм науки, стачкам тут не место» — так ведь многие считали.

— Трусы всегда найдутся! — бросил Николай.

— Иная храбрость хуже трусости! — жестко возразил Василий.

Спор уходил в сторону, и Дмитрий решил, что надо вмешаться.

— Студенчество снова поднимается... В Харькове, Москве уже раздаются призывы продолжать начатое весной.

— И мы выступим! — твердо заявил Василий.

— И снова потребуем: «Вон педелей!», «Долой карцер!»,— усмехнулся Николай.

— И это. Но потребуем и полной политической свободы для всего народа! — сказал Дмитрий.

— Теперь — да! — согласился Василий. Он улыбнулся и сел на траву рядом с Николаем.

Начало темнеть, пора было возвращаться в город. Дмитрий снова сел за руль, Николай и Оскар на весла. Василий с пустой корзиной на коленях поместился на носу.

Грести против течения было трудно, и лодка шла не так быстро, как утром. Они уже приближались к городу, когда из-под нависшей над рекой ивы им наперерез на большой скорости рванулась белая шлюпка.

— Эй, вы, осторожнее! — крикнул Дмитрий.

Но шлюпка шла прямо на них — Дмитрий разглядел в ней остзейцев, которые напали на него в парке, и еще двоих. Они остервенело гребли в их сторону, поднимая волны. Сейчас шлюпка острым носом ударит в их лодку, и лодка перевернется. Они-то с Оскаром выплывут, а Николай и Василий плавать не умеют, камнем пойдут на дно.

Дмитрий до отказа повернул руль влево, лодка послушно встала поперек течения. Раздался зловещий скрежет — шлюпка, царапая борт их лодки, прошла впритирку...

— Гоняют, как сумасшедшие,— опомнившись, сказал Николай.— Чуть не утопили!

Дмитрий промолчал — он-то был уверен, что эта встреча на реке не случайна, их здесь ждали.

С шлюпки донесся злорадный смех и воинственные крики.

ИСПОВЕДЬ

После самоубийства Егора Сороки соседи-студенты нашли в его столе письмо и утаили от полиции. Егор написал письмо перед тем, как вскрыть себе вены:

«Я этого не хотел, у меня в мыслях не было погубить Дмитрия Ульянова и его друзей. Все, что произошло вчера на реке, подстроили ротмистр Покрошинский и филер Франк. Я лишь невольный соучастник. Пишу это не в оправдание себе — мне нет оправдания,— а чтобы открыть всю правду.

Не могу больше! Нет страшнее наказания, чем ежечасно, и ложась спать, и просыпаясь утром, думать: ты — доносчик, ты — доносчик! Это ужас что такое. Я был нищ и голоден, доведен до отчаяния, когда через газету обратился с мольбой о каком-нибудь заработке. Думал ли я, что закидываю крючок, на который сам и попадусь.

Когда в парикмахерской Грилпа Франк предложил мне пятьдесят рублей ежемесячно за доносы на студентов, я ухватился за это, как утопающий за соломинку. Я совершенный бедняк, а тут предлагают такие деньги! Не устоял, согласился. Убеждал себя: расплачусь с долгами, куплю кое-что из платья и отойду от этого позорного дела!

Но, узнав, что нужны доносы на Дмитрия Ульянова, заколебался. Мы жили под одной крышей, ходили запросто друг к другу, были товарищами, хотя и не близкими. Дмитрий Ульянов нравился мне простотой и честностью, всегдашней готовностью принять в другом участие. Я уважал его, даже любил.

Нет, доносить на Дмитрия Ульянова не буду, это подло! Но Франк стал уверять, что от моих доносов никакого вреда Ульянову не будет, напротив, я помогу удержать его на краю пропасти, в которую он иначе неминуемо упадет.

Франк опутывал мою душу, как паук, ластился ко мне, точно кот, но я еще упирался. Тогда Франк заявил, что выбора у меня нет. Если я откажусь, полиция распустит слух, что я провокатор, доносчик. Меня охватил страх: ославят, опозорят... Я согласился.

Первые дни ходил как очумелый, все случившееся казалось мне бредом, кошмарным сном. Я терзал себя:

«Егор, на что идешь?!» Но постепенно совесть во мне как бы уснула, я ведь теперь был сыт, мог позволить себе кой-какие развлечения.

Доносил я всякую мелочь: Ульянов ходит в заречье, на зимние вакации собирается в Москву, подружился с Николаем Дмитриевским, подозрительной личностью. Но и эти доносы причиняли мне муки. Жить рядом с Ульяновым, смотреть ему в глаза — и доносить на него. Это стало мне невмоготу. Я съехал с квартиры, за что был обруган ротмистром Покрошинским.

Я стал избегать Дмитрия Ульянова, при редких встречах ни о чем не спрашивал, ведь если ничего не знаешь, то и доносить нечего. Но Франк требовал доносов, грозился, что ославит меня на весь Юрьев. Я просил, умолял отпустить, говорил, что полиции от меня мало толку — Ульянов сторонится меня, словно в чем-то подозревает. Франк обещал отпустить, если я принесу новые факты, я принес, а он потребовал новых доносов, и так без конца. Я все глубже и глубже погружался в черное болото. И не видел выхода.

В университете, на людях, я еще держался, а наедине с собой страдал от сознания собственной подлости. Меня обманывал Франк, а я — себя. Внушал себе: вот-вот порву с полицией, снова стану честным человеком, смогу смотреть людям в глаза. Но я уже не имел сил порвать с полицией, я стал совершенно безвольным и ничтожным человеком.

Эти недели и месяцы борьбы с собой, страха и унижения истерзали меня, я не мог спать, плакал как малый ребенок, до крови кусал себе руки, бился головой о стенку. И все же я доносил.

Я пал так низко, что помог хозяйке комнаты подложить в чемодан Дмитрия Ульянова пачку прокламаций. Провожая его на вокзале, желая ему счастливого пути, я содрогался при мысли, что его на первой же станции схватят. Я так радовался, так ликовал, когда услышал, что из этого грязного дела ничего не вышло.

Теперь о моей последней подлости, чуть не стоившей Дмитрию Ульянову жизни. Вчера утром я вышел в город и увидел Дмитрия Ульянова — он меня не видел. Он шел в направлении лодочной станции. Туда же проследовал студент-эстонец Оскар Мёльдер с корзиной. Они взяли

лодку и поплыли вниз. За Каменным мостом подобрали ожидавших там Василия Десницкого и Николая Дмитриевского.

Я давно ничего не доносил, и Франк ругал меня. Поэтому я вызвал его в парикмахерскую Гриппа и передал ему, что видел. Франк похвалил меня и побежал к ротмистру Покрошинскому.

Утром следующего дня, придя в университет, я случайно узнал о случившемся на реке. Я пришел в ужас: ведь я чуть не стал виновником гибели Дмитрия Ульянова и еще троих студентов. Полиция хладнокровно готовила убийство! Я разыскал Франка, обозвал его убийцей и потребовал, чтобы они с ротмистром отпустили меня, Франк снова принялся меня уговаривать, а видя, что я стою на своем, пригрозил передать мои расписки в получении денег от полиции Ульянову и Дмитриевскому. Я умолял вернуть мне расписки, как он это обещал не раз. Франк ответил: «Уйдешь из полиции, жизни тебе не будет!»

Такого позора мне не пережить».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЛ

Оскар с розеткой из белого атласа на студенческой тужурке — он был одним из устроителей бала в пользу «недостаточных студентов» — проводил Дмитрия в залу, снятую Эстонским студенческим обществом на этот вечер, и, извинившись — ему надо распорядиться о лотерее, убежал.

Продолговатый зал, освещенный газом, был украшен еловыми ветками, цветными лентами — провисая, они тянулись со всех сторон к люстре в центре потолка; на стенах были развешаны пестрые домотканые ковры, духовой оркестр на возвышении играл мелодии Легара и Кальмана.

Дмитрий с интересом разглядывал публику, которая прохаживалась по кругу или толпилась в дверях смежной с залой комнаты, где был буфет. Тут были студенты и преподаватели университета и Ветеринарного института, учителя гимназий, мелкие чиновники, конторщики из пригородных мыз, многие с женами. К стенам жались девушки в светлых кофточках и длинных юбках.

Публика держалась чинно — в Москве, подумал Дмитрий, на таком балу куда более непринужденная обстановка. Заметив Генриха Ивановича, Дмитрий поклонился. Приват-доцент подошел, протянул руку и пригласил в буфет, добавив с улыбкой:

— Выручка от буфета тоже поступит в пользу неимущих студентов, так что мы просто обязаны что-нибудь взять!

В буфете около длинной стойки с пирожками, булочками, конфетами и бутербродами мужчины с серьезным видом угощали своих дам. Генрих Иванович и Дмитрий попросили по бутылке ситро и по бутерброду и отошли к окну.

— Вы, господин Ульянов, родились в сорочке! — сказал приват-доцент, сочувственно глядя на Дмитрия.— Вполне могли пополнить собою число жертв коварного Эмбаха, уже поглотившего немало студентов.

— Я как-никак волжанин, выплыл бы, а вот другие...

Генрих Иванович сокрушенно покачал головой.

— Во второй лодке был ваш старый знакомый?

— Угадали!

— Я так и подумал... В зале уже танцуют, идите, а я еще побуду здесь.

Дмитрий вернулся в зал. Танцевали вальс — Дмитрий ожидал, что в Юрьеве танцуют что-нибудь свое, но за вальсом последовал краковяк, потом падеспань — то же, что и в Москве.

Оркестранты отправились в буфет пить пиво, а на эстраду вышла рослая девушка и прочла стихотворение эстонской поэтессы Лидии Койдулы. Содержание Дмитрий не понял, но ему передалось волнение декламаторши и публики, и он вместе со всеми долго аплодировал.

Девушку на эстраде сменил молодой высокий блондин. Прижимая к груди скрипку, он оглядел зал строгими светлыми глазами. Дождавшись полной тишины, поднял скрипку к плечу и взмахнул смычком. Дмитрий сразу узнал «Венгерский танец» Брамса. Играл блондин уверенно, темпераментно. Дмитрий давно не слышал такой хорошей музыки, с самой зимы, когда они с Маней были на концерте в Дворянском собрании. В Юрьеве нередко гастролировали известные скрипачи и пианисты, но билеты

на их концерты стоили дорого. После Брамса блондин исполнил «Андалузскую серенаду» Сарасате.

К Дмитрию подошел Оскар.

— Как вы находите?

— Я получил большое удовольствие. Кто этот маэстро?

— Он не маэстро, а студент историко-филологического факультета. Эдуард-Юлиус Сырмус. Мечтает о Петербургской консерватории, но, боюсь, его туда не пустят...

— Почему? — удивился Дмитрий.

— Полиция его не жалует! — объяснил Оскар и показал глазами на педеля, который прислушивался к их разговору.

На эстраде построился небольшой хор. Он исполнил несколько эстонских народных песен. В одной, печально-трогательной, Дмитрию послышалась знакомая тема. Так ведь это тема из Шестой, Патетической симфонии Петра Ильича Чайковского!

— Вы не ошиблись! — заметил Оскар.— Чайковский бывал в Эстонии и, видимо, услышал нашу народную песню «Каллис Мари» — «Дорогая Мари». Ее мотив запал ему в душу и проявился в Шестой симфонии...

На эстраду вернулся духовой оркестр, и снова начались танцы. Неожиданно Дмитрий увидел Василия Десницкого, он озабоченно высматривал кого-то. Дмитрий подал ему знак рукой. Маневрируя среди кружившихся пар, Василий направился в его сторону. Подойдя, взял Дмитрия под руку и повел в коридор. Здесь прохаживался обер-педель университета, пожилой, лысый, с брюшком.

Дмитрий потянул Василия назад, но тот резко бросил:

— За музыкой он ни черта не услышит!

Дмитрий все же отвел Василия в дальний угол.

— Полиция производит обыски у студентов,— объяснил свое появление на балу Василий.— Могут прийти и ко мне... а у меня есть чем поживиться. Литературу я перепрятал. А вот... одним словом, шапирограф у меня...

— Василий Алексеевич, как же так? — упрекнул его Дмитрий.

— Печатали у меня и оставили на два-три дня, да так и не забрали...

— Он у вас?

— Здесь он!.. Оставил в гардеробе... в картонке из-под дамской шляпы...

Дмитрий от удивления присвистнул.

— Куда ж его теперь?

— Кто-то должен забрать! — решительно сказал Василий.

Через открытую дверь Дмитрий оглядел зал. Около дальней стены стояли Яан и Хелена — она сияющими глазами смотрела на танцующих. Должно быть, в кои веки попала на благотворительный бал и была счастлива.

Дмитрий потянул Василия за руку в зал и велел дожидаться его около эстрады. А сам подошел к Хелене и пригласил ее на танец. Она обрадовалась, передала мужу платок, который был наброшен на плечи, и подала Дмитрию руку. Когда он вел ее в круг, она смущенно сказала:

— Смотрите, сколько здесь молодых барышень, а вы...

Танцевала она хорошо, увлеченно. Выбрав удобный момент, Дмитрий наклонился к ней и сказал с улыбкой — со стороны могли подумать, что он нашептывает ей комплимент:

— Вы должны нам помочь... Надо вынести отсюда картонку из-под дамской шляпы.

Хелена удивленно взглянула на Дмитрия, но тут же поняла, что речь идет о чем-то другом. Опустив глаза, спросила:

— Где ее взять, эту картонку?

— На следующий танец вас пригласит вон тот студент, что стоит около эстрады... он все объяснит.

Когда оркестр заиграл польку, Василий подбежал и пригласил Хелену. Яан надулся: полька его любимый танец, он собирался сам танцевать с женой, а ее увел студент. И еще что-то говорит ей на ухо.

После польки Василий отвел Хелену на место, поблагодарил за танец, поклонился Яану и вернулся к Дмитрию.

— Ну что? — спросил Дмитрий.

— Смелая женщина!.. Значит, так. Они, Хелена и ее муж, выйдут в гардероб первые, за ними я. А вы отвлечете обер-педеля, чтобы он не увязался за нами.

Хелена, закутавшись в платок, тихо сказала что-то

мужу, и они вышли из залы. Минуту-другую спустя за ними последовал Василий.

По коридору, где по-прежнему расхаживал обер-педель, Дмитрий прошел в буфет, разыскал Генриха Ивановича. Делая вид, что сообщает ему что-то важное и не предназначенное для чужих ушей, сказал:

— Скоро уеду, Генрих Иванович.

— Жаль. Как подвигаются экзамены?

Обер-педель вошел в буфет, бочком-бочком приблизился к ним и, глядя в сторону, стал прислушиваться к разговору.

— Благополучно, на днях буду сдавать фармакологию...

— Что ж, успеха вам!

Обер-педель, разочарованный, прошел в зал. Дмитрию было видно, как он выискивал кого-то глазами. Василия, наверное. И вдруг обер-педель заметался туда-сюда. В тот момент как ни в чем ни бывало появился Василий.

— С носом остался,— подумал вслух Дмитрий.

Генрих Иванович удивленно взглянул на него.

— Кто остался с носом?

Дмитрий рассмеялся.

— Простите, Генрих Иванович... это я так.

ДРУЗЬЯ

Когда Дмитрий приходил лечить детей, то не приглядывался к комнате — все мысли были сосредоточены на том, чтобы поставить правильный диагноз и чтобы, переворачивая младенца, не повредить ручки-ножки.

А теперь присмотрелся. Комната мало чем отличается от тех, в которых четыре года тому назад собирался кружок рабочих московского завода «Гужон»: низкая, темноватая, с разномастной мебелью и ситцевой занавеской, делящей помещение надвое. Окно было завешено одеялом.

Хелена, в белой кофточке, с крупной брошкой у воротника, раскрасневшаяся, довольная, бегала из кухни в комнату, подносила миски со студнем, горячей картошкой, мучной подливкой и кусками жареной свинины.

Она покрикивала на медлительного, неповоротливого мужа, чтобы он быстрее наливал в кружки домашнего пива, подкладывал в тарелки соленых бобов. Хелене хотелось, чтобы стол был как в большой праздник, ведь у них такой гость!

Кроме Дмитрия, был еще один гость — Роберт, но его можно и не считать, он почти как родной, редкий день не заходит.

После возвращения в Юрьев Дмитрий уже несколько раз виделся с Робертом. Теперь это был не тот робкий парень, каким Дмитрий знал его зимой. Роберт прочел за лето кучу книг, посерьезнел и обрел уверенность. Члены кружка, созданного Робертом на мебельной фабрике, распространяют среди рабочих прокламации на эстонском языке. На вопрос Дмитрия, где они их берут, Роберт с достоинством ответил:

— Это у нас теперь налажено... из Таллина получаем.

Тогда Дмитрий и сказал Роберту, что Оскар познакомился в Ревеле со слесарем завода «Вольта», у которого есть связи с Питером, Тифлисом и заграницей.

— Михаил? Я про него слышал! — заметил Роберт.

Когда сели за стол, Дмитрий спросил Хелену, как они с Яаном в тот раз донесли шляпную картонку. Оглянувшись на дверь, Хелена сказала:

— Коробку Яан нес, а я рядом шла, будто баронесса какая!

— Тяжелая была шляпа! — вставил Яан.

— Иду,— продолжала Хелена,— и кажется мне, что каждый встречный знает, что в коробке. Темно было, а я все равно оглядывалась, не идет ли кто за нами. Пока дошли, надрожалась. На чердаке спрятали, за трубой. А рано утром, еще темно было, пришел человек от того студента, с которым я польку плясала, и унес картонку.

Дмитрий это уже знал — Василий успел сообщить ему, что шапирограф в надежном месте.

— Я ночь не спала, а Яану хоть бы что, храпит себе...

— А что? — удивился Яан и махнул рукой — мол, из-за такого пустяка не спать.

Сейчас, за столом, Дмитрию бросилось в глаза, что у Хелены волосы темнее, чем у местных эстонских женщин, глаза карие, живости в ней больше.

Спросил:

— Хелена, вы, должно быть, приезжая?

— Я с острова[1]. Яан меня оттуда на материк увез.

— От порки спас! — Яан хмыкнул.

Хелена покраснела и стукнула Яана по спине.

— Скажет тоже!

— А что? — Яан опять усмехнулся.

— Баб не пороли, только мужиков! — сказала Хелена.

— А мужиков за что? — спросил Дмитрий.

— Она же из Аустла! — пояснил Яан.

Дмитрию это ничего не говорило, и он вопросительно взглянул на Хелену.

— Наша деревня отказалась казенный лес возить, тогда волостной старшина Юри Ряттас вызвал из Курессааре городовых и урядников. Мужики встретили их дубинками, а мы — горячей кашей!

— Кашей? — поразился Дмитрий.

— Мы загодя сварили кашу в больших котлах. Когда городовые и урядники заявились в деревню, мужики стали бить их кольями, а мы лепили из каши «бомбы» и кидали. Я одному уряднику прямо в глаз угодила! — рассмеялась хозяйка.— Эту драку народ прозвал «пудру сыда» — «кашная война».

— И чем все кончилось? — поинтересовался Дмитрий.

— Плохо кончилось! — отозвалась Хелена.— Из Риги прислали солдат, человек двести, мужиков похватали и отвели в Курессааре. Было слышно, что многих пороли. Потом был суд, кого в Сибирь сослали, кого в тюрьму посадили. Яан как раз приехал с материка, и мы вместе в Россию удрали. А затем уж сюда...

Хелена вскочила, убежала на кухню и вернулась с новыми мисками, полными картошки и жареной свинины.

Разговор перешел на фабрику. Роберт сказал, что хозяин рассчитал половину рабочих — мол, готовой мебелью весь склад забит, никто ее не покупает. Фабрика делает мебель дорогую, для богатых, а им сейчас не до покупок — прибыли сильно упали. Многие уволенные рабочие подались на мызы, батрачат на хуторах. Остальные начали сговариваться ехать в Ригу, просить у губернатора помощи.

[1] То есть с острова Сааремаа.

— Мы отсоветовали,— заключил свой рассказ Роберт.

— Беда! — сказал Яан, помрачнев.

Хелена стукнула кулаком по столу:

— Доведут народ! Устроим не кашную войну, а пострашнее!

— Ну! — коротко поддержал жену Яан.

Роберт, повернувшись к Дмитрию, спросил:

— Слышно, у студентов скоро снова начнется?

— В других городах уже началось,— ответил Дмитрий.— И до Юрьева докатится.

— Я в одной газете читал, что в Харькове, Киеве, Петербурге студенты и рабочие заодно...

Дмитрий сразу понял, в какой газете Роберт это вычитал — «Искре», она много пишет о студенческих волнениях, о необходимости совместных выступлений рабочих и студентов.

— Студенты одни, без рабочих, мало чего добьются,— заметил Дмитрий.

Роберт кивнул головой — это так!

За ситцевой занавеской заплакал ребенок. Хелена встала и пошла к нему. Послышалось тихое пение. Ему вторил ветер в трубе. Дмитрию стало удивительно тепло и уютно. Так бы сидел здесь, слушая, как поет Хелена, смотрел на открытые, простые лица Роберта и Яана. Друзья. Ему их будет не хватать, когда уедет из Юрьева.

КОРИДОРНАЯ ИСТОРИЯ

В дверь тихо постучали — Хелена спала чутко и сразу услышала. Кто это может быть в такую рань? Яан еще спит, а поднимается он в пять, значит, сейчас и пяти нет. Хелена зажгла лампу, накинула на плечи платок и с лампой в руках пошла открывать.

В сенях стоял студент, тот самый, который приходил за шапирографом. Он был весь в снегу. Хелена впустила его; студент отряхнул с фуражки и шинели снег и, хитровато улыбаясь, спросил:

— Узнали меня?

Хелена молча кивнула. Она не могла понять, что привело к ним студента в такое раннее время. Продолжая улыбаться, студент объяснил:

— Окажите Василию еще одну услугу... в девять утра он будет ждать вас в парке, у Памятника народам. Передайте ему этот пакет... здесь прокламации. Вы отнесете, не правда ли?

Хелена растерянно вертела в руках пакет — он выглядел как толстая книга, завернутая в бумагу. В памяти Хелены еще был страх, пережитый в тот поздний вечер, когда они с Яаном несли через весь город большую картонную коробку. Теперь ей предстоит пережить этот страх заново.

За ее спиной открылась дверь, и в кухню в одном нижнем белье вошел заспанный Яан. Спросил жену по-эстонски, что студенту надо? Хелена по-эстонски же объяснила.

— Отнесет! — сказал Яан студенту и ушел обратно в комнату.

Студент извинился за раннее посещение и откланялся.

Хелена подогрела мужу вчерашний суп. Он ел спокойно, будто ничего не случилось. А ее била мелкая дрожь. «Отнесет!» — сказал Яан студенту, словно речь шла о самом обычном деле. А если ее схватят в парке или по дороге туда? Что будет с детьми? И что с ней сделают?

Яан ушел на фабрику, как всегда молча, а ей сейчас так нужно было его ободряющее слово. Она накормила детей и отвела их к матери, жившей рядом, через улицу.

Выпавший ночью снег лежал чистым, ровным слоем, и вид его успокоил Хелену. Чего она боится, дело и впрямь простое, дойти до парка и отдать Василию пакет... Кому придет в голову, что у нее в корзине, с которой она ходит в лавку и на рынок, лежат прокламации?

Хелена оделась как в праздник, даже шляпку нацепила, ведь появляться в городе в старом пальто и платке неприлично. До девяти оставалось минут двадцать, когда она снова вышла из дома. Снег, уже исполосованный колесами, растоптанный десятками ног, потемнел, и у Хелены снова сжалось сердце.

Она подходила к Ратуше, когда заметила около круглой рекламной тумбы Франка — тот делал вид, что читает объявления. Вместо того, чтобы подняться в гору, Хелена свернула на Ивановскую улицу. Украдкой оглянулась — шпик шел за ней. Ей вдруг стало холодно, будто на

улице сильный мороз, а она в одном платье. Корзина сразу потяжелела, словно в нее насыпали меру картошки.

Чтобы отвязаться от Франка, Хелена зашла в один магазин, потом в другой. Всякий раз шпик поджидал ее на улице. Если ее арестуют, то дети и Яан останутся без обеда. И эта мысль придала ей решительность — она уйдет от шпика во что бы то ни стало! Рядом — главное здание университета, она зайдет сюда и спрячется, а если встретит знакомого, отдаст ему пакет на сохранение. Тогда шпик ей уже не страшен!

Франк, как видно, разгадал намерения Хелены. Он ускорил шаг, догнав ее у самых дверей университета, и схватил за руку:

— Госпожа, одну минутку!

Хелена вырвалась и проскочила в распахнутую перед ней студентом дверь. Пробежала через вестибюль и оказалась в коридоре, который тянулся в обе стороны. Теперь куда? Кинулась налево, там темнее и толпятся студенты, среди них она может затеряться. Но Франк догнал ее и стал вырывать из рук корзину. Хелена крепко прижала ее к груди и не выпускала. Шляпка сползла набок, волосы растрепались.

Их окружили студенты — причину потасовки никто не знал, но сочувствие было на стороне женщины. Вдруг кто-то из студентов крикнул:

— Господа, это шпик, я его знаю!

Франк втянул голову в плечи, но продолжал что есть силы тянуть к себе корзину. Раздались возмущенные голоса студентов:

— Шпики совсем обнаглели!

— Да как он смеет в стенах университета!

— Вон, вон!

В этот момент в коридоре появился Дмитрий. Он не сразу понял, что происходит. Но когда увидел Хелену и Франка, ему сразу все стало ясно. Подойдя к ним, Дмитрий положил руку на плечо Франку и потребовал:

— Отпустите сейчас же!

Франк хотел огрызнуться, но, узнав Ульянова, выпустил корзину из рук. Пробормотал растерянно:

— Не ваше дело... не вмешивайтесь!

— Здесь университет, а не полицейский участок! — с

этими словами Дмитрий взял Хелену под руку и увел в конец коридора, где было еще темнее.

— Василия видели? — быстро спросил Дмитрий.

— Нет... этот за мной увязался,— объяснила Хелена, кивнув на Франка, которого студенты тем временем теснили к выходу.

— Идите за мной... быстрее!

Дмитрий провел Хелену в пустую аудиторию, велел ей подождать и ушел. Через две-три минуты он вернулся с незнакомым ей студентом — грузином.

— Отдайте ему!

Хелена встала спиной к двери, вынула из корзины пакет и сунула его студенту. Тот спрятал пакет под тужурку, блеснул черными глазами и выскочил из аудитории. Хелена облегченно вздохнула:

— Думала, что помру со страха.

Дмитрий улыбнулся ей:

— Вы молодец!.. Сейчас я выведу вас на улицу через другую дверь. Пойдемте!

— А этот, он меня...

— Теперь он вас не тронет. Ему были нужны не вы, а то, что было при вас... Идите домой смело!

Проводив Хелену, Дмитрий вернулся в пустую аудиторию. Ему хотелось побыть одному, подумать о случившемся. Что сулит ему эта коридорная история? Возможны крупные неприятности. Но иначе поступить он не мог, не оставлять же было ее в руках шпика!

Как теперь поведет себя Франк? Доложит полицмейстеру, что Дмитрий Ульянов помешал задержать женщину из заречья, которая, по всей видимости, имела при себе прокламации? Может доложить, а может и не доложить... Еще не было случая, чтобы секретный агент полиции открыто, на виду у толпы студентов, хозяйничал в университете. Франк побоится, что ему за это нагорит от начальства, и промолчит. Ну, а если все-таки донесет?

В таком случае его лишат права досдать экзамены на степень лекаря. Обидно, остался один-единственный экзамен. Да, коридорная история произошла совсем некстати. Сколько раз он давал себе слово быть осторожным, держаться в тени, не привлекать к себе внимания полиции.

Надо было такому случиться под самый конец экза-

менов! И все же он поступил правильно, вызволив Хелену из беды. До чего отважная женщина! Дмитрий улыбнулся, вспомнив, как Хелена, вцепившись в корзину, боролась с Франком.

В тот же день в аудиториях университета появились прокламации «Союзного совета» с призывом явиться на общеуниверситетскую сходку.

СНОВА ВОЛНЕНИЯ

Бумаги на подпись ротмистру Покрошинскому носили на квартиру — он был сильно простужен и в присутствие не ходил. Облачившись в стеганый халат, он лежал на кожаном диване, оглушительно чихая и сморкаясь в полотенце.

Первый раз ротмистр был рад простуде, она в какой-то мере снимала с него ответственность за новые беспорядки, учиненные студентами в университете. В случае чего, можно будет прикрыться рапортом о болезни, который три дня назад он отправил в Ригу его превосходительству начальнику Лифляндского губернского жандармского управления.

Покрошинский вызвал к себе на квартиру писаря, чтобы продиктовать ему донесение о студенческих волнениях. Начальство оценит это как проявление особого усердия: хворый, а печется о сохранении порядка во вверенном ему городе Юрьеве.

Ротмистр давно заметил: нарушение душевного спокойствия, вызванное неприятностями по службе, способствует развитию в нем болезни. Он чувствовал лишь легкое недомогание, когда в шифрованной телеграмме из Риги был строго взыскан за послабление студентам. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления не без язвительности напомнил своему помощнику по Юрьевскому уезду, что возобновление студенческих беспорядков в таких городах, как Москва, Харьков, Петербург, требует принятия строгих мер к недопущению оных в Юрьеве, а ротмистр не соизволил взять это в толк. После этой телеграммы и началось у него быстрое развитие инфлюэнцы.

А тут еще эта заметка в местной эстонской газете

«Постимеэс». С цензора, пропустившего заметку, мало шкуру содрать! Озаглавленная «Случай на реке», она содержала явный намек на причастность блюстителей порядка к злонамеренному поступку студентов-остзейцев, выразившемуся в попытке опрокинуть лодку, в которой возвращались с пикника четверо студентов.

К полицмейстеру Забелину за «разъяснением» случая на реке обратились уважаемые в городе лица, в том числе профессора Раубер, Хлопин. Полицмейстер обещал произвести расследование, найти виновных и наказать. Найти виновных не удалось, и Забелин прикрыл дело.

Был соблазн дело не прикрывать, а обернуть его так, чтобы виновниками происшествия оказались Дмитрий Ульянов, Василий Десницкий и двое других. Но Забелин струхнул — невыгодно привлекать к случаю на реке внимание общества, может открыться ряд фактов, кои не следует разглашать, и в первую голову связи филера Франка со студентами-остзейцами. Профессор Раубер заявил, что был свидетелем нападения на Ульянова трех корпорантов в присутствии известного всему городу тайного сотрудника полиции Франка, бывшего студента университета, изгнанного за кражу. Он, профессор, готов подтвердить это на суде!

В конце концов ротмистр согласился с Забелиным, что лучше это дело прикрыть. В Ригу он о нем не донес, поскольку происшествие не носило политического характера. И хорошо сделал, что не донес,— начальник губернского жандармского управления сразу сообразил бы, что к чему. А поскольку дело с лодкой не выгорело, то последовал бы разнос за «недозволенные приемы».

А жаль все-таки, что не удалось выставить виновником происшествия Дмитрия Ульянова.

Вместо того, чтобы сдавать экзамены на степень лекаря, сидеть бы ему сейчас в одиночке. И после случая на реке он, ротмистр, хотел подставить Ульянову подножку, но Забелин взмолился: «Ваше высокоблагородие, невыгодно нам сейчас его трогать, отступитесь от него, сдаст экзамены и сам уберется из Юрьева, потерпим еще месяцдругой, а там пусть с ним полковник Зубатов или кто другой возится!»

Писарь, сидевший сбоку письменного стола в ожидании, когда ротмистр соблаговолит начать диктовать,

осмелился кашлянуть, напоминая его высокоблагородию о необходимости составить доклад в Ригу насчет студенческой сходки, имевшей быть в университете вчера, двадцатого ноября сего, 1901 года.

Ротмистр громко высморкался и, дав знать писарю, чтоб писал, начал диктовать:

«Имею честь донести вашему превосходительству, что, вопреки строгим мерам предупреждения и запрета, в Императорском Юрьевском университете состоялась сходка с участием до пятисот человек студентов. Согласно поступившим ко мне сведениям...»

Ротмистр сделал длинную паузу. Как бы поделикатнее ввернуть о своей болезни, из чего явствовало бы: будь он, ротмистр, в полном здравии и на посту, сходка не была бы допущена. Но послужит ли упоминание об инфлюэнце ему на пользу? Как бы начальник вместо того, чтобы отметить проявление особого усердия, не поставил ему в вину отсутствие должной распорядительности: сведения о созыве сходки ведь поступали еще до того, как ротмистр слег, он сам доносил о них в Ригу несколько раз. Как ни крути, как ни верти, а в ответе будет он...

«Согласно поступившим ко мне сведениям...» — мысленно повторил ротмистр и задумался. Как половчее бы донести о сходке, и правду не исказить — за это по головке не погладят,— и преуменьшить ее размах? Забелин на такие штуки мастак, таким образом составит доклад, что бунт у него выглядит как «незначительное нарушение спокойствия». На сходке студенты открыто требовали политических свобод, замены существующего в государстве строя!

Ротмистр вздохнул и продолжал диктовать:

— «...студенты на сходке были в крайнем возбуждении, что можно было заключить по крикам и возгласам против правительства в помещении физиологического института. К сему имею честь добавить, что в заключение на сходке были приняты требования политического характера...»

Велел писарю прочесть вслух написанное. Остался доволен. Однако студенческие беспорядки могут ведь разрастись, и на этот случай нужно подстелить себе соломку.

— Пиши. «Ввиду постоянных и ежедневных попыток к недозволенным сборищам, вынужден просить ваше превосходительство об откомандировании в Юрьев из г. Риги

50 полицейских и возможное количество околоточных. В Юрьевскую городскую управу будет внесено предложение о заимствовании из городского запасного капитала определенной суммы на покрытие расходов по содержанию полицейских и околоточных».

Городская управа деньги отпустит, там сидят купцы, домовладельцы из остзейского сословия, они будут рады приструнить студентов, чтобы отбить у них охоту устраивать беспорядки.

Ротмистр не упускал случая, чтобы показать начальству: и он не лыком шит, тоже мыслит широко, по-государственному.

— Пиши! «Новый учебный год в Императорском Юрьевском университете начался в обстановке ожидания обещанных правительством реформ и возвращения товарищей, исключенных весной. Скорейшее решение оных вопросов содействовало бы успокоению студентов и прекращению беспорядков...»

Что еще он хотел доложить в губернское жандармское управление? Инфлюэнца совсем память отшибла, вместо мозгов в голове кирпич. Громко высморкался — в голове прояснилось. Ага! Хорошо бы зачинщиков назвать, к примеру, Дмитрия Ульянова. А вдруг из Риги затребуют улики? Их-то нет. На что Франк человек дошлый, а добыть против Ульянова улик так и не смог.

Не наложи Егор Сорока на себя руки, возможно, и удалось бы добыть улики. Болван этот Егор Сорока, слабонервный. Совесть, видишь ли, его заела! Если берешь деньги за доносы, то о совести забудь! Мало того, что вены себе вскрыл, письмо оставил... Наделал покойник хлопот.

— Перепиши набело и принеси на подпись!

Писарь, щелкнув каблуками, вышел. Ротмистр лег поудобнее, но не лежалось. Не было на душе спокойствия, не было...

ЛЕКАРЬ ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ

До последнего дня Дмитрий ждал от полиции какой-нибудь каверзы, даже отправляясь на заключительный экзамен, не был уверен, что будет допущен.

Если бы не эти опасения, Дмитрий шел бы на послед-

ний экзамен совершенно спокойно. Предметом испытаний была гигиена, а по ней он подготовлен лучше всего. Для санитарного врача, которым Дмитрий собирается стать, гигиена — первая наука!

По жребию Дмитрий должен был экзаменоваться первым. Он вошел в большую светлую комнату с портретом царя на стене, тяжелыми портьерами на окнах. За длинным столом, покрытым зеленой скатертью с бахромой, сидели в креслах члены медицинской испытательной комиссии, профессора с громкими именами. Вид у них был важный.

Седой, в золотых очках, с орденом на вицмундире профессор из Петербурга — председатель комиссии — тихо и строго обратился к Дмитрию:

— Ригорозист Ульянов, соблаговолите вынуть из урны билет!

Дмитрий подошел к столику, на котором стоял деревянный ящик, вынул из него первый попавшийся билет. Сидевший с краю главного стола Григорий Витальевич Хлопин ободряюще кивнул. Дмитрий развернул билет и громко прочел вопрос:

— «Физико-химические исследования питьевой и сточной воды».

Он невольно обернулся к Хлопину. Какое совпадение — еще не так давно они с Григорием Витальевичем обсуждали преимущества тех или иных методов исследования воды, предложенных как русскими, так и иностранными учеными. Хлопин прикрыл глаза, давая Дмитрию понять, что и он помнит их разговор.

— Если ригорозист готов отвечать, то может приступить! — разрешил председатель комиссии.

Дмитрий поклонился в знак того, что готов к ответу. Начал он медленно, как бы собираясь с мыслями, но дальше говорил свободно, с увлечением. Хлопин покосился на членов комиссии — они слушали внимательно и даже с интересом.

Знания Ульянова определенно выходили за рамки курса. Профессор Василий Палладиевич Курчинский, сидевший рядом с председателем, наклонился к нему и сказал что-то на ухо, тот согласно кивнул головой...

Когда Дмитрий кончил отвечать по билету, председатель обратился к членам комиссии — не желает ли кто

предложить ригорозисту дополнительные вопросы. Хлопин приподнялся в кресле. На вопросы Григория Витальевича Дмитрий отвечал коротко и уверенно. У него с ним даже завязался легкий спор — Дмитрий отстаивал свою точку зрения вежливо и твердо, однако несколько горячился.

— Вы свободны,— объявил председатель, милостиво глядя на Дмитрия.

Он вышел в коридор. Кажется, последний экзамен сошел неплохо. Но разумно ли было спорить с профессором Хлопиным? Членам комиссии это может не понравиться, сочтут это за излишнюю самонадеянность и снизят балл...

Из комнаты, где принимались экзамены, вышел старичок-делопроизводитель, поманил Дмитрия пальцем и, когда он приблизился, сообщил негромко, но почти торжественно:

— Господин Ульянов, медицинская испытательная комиссия удостоила вас по предмету испытания высшей оценки: весьма удовлетворительно!

Дмитрий сразу как-то не осознал, что сейчас он не только сдал последний экзамен на степень лекаря, а закончил полный курс медицинского факультета. А когда до него это дошло, он почувствовал острую радость. Восемь лет он мечтал об этом! С настоящей минуты он уже не студент, не «уличный доктор», а дипломированный врач. Как будет счастлива мама, как обрадуется Владимир Ильич, сестры — все эти годы они близко к сердцу принимали его мытарства.

Делопроизводитель, пожимая Дмитрию руку, заговорщически шепнул ему:

— А у тех-то не вышло, ничего не вышло! Осрамились, осрамились, голубчики!

Дмитрий с удовольствием обнял бы этого доброго участливого старика. Не будь его и, конечно, Хлопина и Курчинского, еще неизвестно, как бы все сложилось у него в Юрьеве...

Через несколько дней в Актовом зале университета в присутствии ректора и профессоров выпускники медицинского факультета давали клятву врача.

Ярко горели люстры, их огни повторялись в мраморе колонн, обрамлявших зал, придавая всей церемонии особую праздничность. Строго и вместе с тем вдохновенно

звучали слова клятвы, вызывая в Дмитрии гордое волнение. Он давал клятву не царю, не его правительству, а народу, за счастье и свободу которого боролся как революционер.

Клятва врача гласила:

«Принимая с глубокою благодарностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим ⟨...⟩ Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою ⟨...⟩ Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однако же, если бы этого потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицемерия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных; когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

Каждый новый врач расписался на своем экземпляре клятвы. На листке, который теперь хранится в университетском архиве, есть роспись, сделанная красивым, четким почерком: «Лекарь Дмитрий Ильич Ульянов».

Тем, кому предстояло явиться в присутствие по воинской повинности, в том числе Дмитрию, вручали не диплом, а временное удостоверение об окончании полного курса медицинских наук и сдаче окончательного испытания на степень лекаря. В трехмесячный срок удостоверение подлежало обмену на диплом.

Дмитрий сердечно простился с Григорием Витальевичем, Генрихом Ивановичем, с делопроизводителем медицинского факультета. В коридоре университета встретил профессора Раубера. Сверля Дмитрия черными, диковатыми глазами, он похлопал его по плечу и сказал:

— Если решите стать анатомом, приезжайте в Дерпт к старому Рауберу!

Дверь в кабинет Курчинского была широко открыта — весь день к декану приходили прощаться вчерашние студенты, теперь уже врачи. Василий Палладиевич обошелся

с Дмитрием ласково. Подвел его к окну, из которого открывался вид на занесенный снегом парк:

— И в час радости, и в час горя вспоминайте свою альма-матер, мать-кормилицу! — И неожиданно добавил: — А известно ли вам, коллега, что знаменитый Марат был врачом?!

Дмитрий понял: Василий Палладиевич знает о его революционной деятельности в университете, предвидит он и то, что его молодой коллега никогда не будет только врачом...

Выйдя на улицу, Дмитрий в последний раз взглянул на университет. Недолго пробыл в нем, а жаль прощаться. В трудный час он открыл перед ним, бесправным студентом, свои двери, а такое не забывается.

ПРОЩАНИЕ С ЮРЬЕВОМ

Так повелось еще при покойном муже, и госпожа Борнвассер свято блюла этот обычай: когда «ее студент» оканчивал университет, она пекла шоколадный торт и устраивала у себя в гостиной маленькое пиршество, не бог весть что — по чашечке кофе со сливками и куску торта. Но в честь господина Ульянова госпожа Борнвассер добавила к угощению домашнее печенье — он этого заслужил. Безукоризненный жилец, и она, видит бог, привязалась к нему!

Если бы сейчас кто-нибудь сказал ей, что господин Ульянов был для нее не только безукоризненный, но и доходный жилец, госпожа Борнвассер искренне бы оскорбилась.

Зачем к ее чувствам примешивать деньги, которые ей каждый месяц аккуратно выплачивал любезный Франк?! Эти деньги не были лишними, и, конечно же, ей жаль их терять с отъездом господина Ульянова.

Но вовсе не потому грустно расставаться с ним.

— Мы неплохо ладили, не правда ли, господин Ульянов?

— Сущая правда! — ответил Дмитрий и со смехом добавил: — Вы опекали меня, как только могли...

— Как хорошо, что вы это цените! — расчувствовалась

хозяйка.— Я всегда буду помнить вас, господин Ульянов. И вы изредка вспоминайте свою дерптскую хозяюшку.

Дмитрий обещал вспоминать. Похвалив кофе, торт и печенье, он попрощался. Жаль было тратить на госпожу Борнвассер последний день. Они с Николаем условились побродить вместе по городу, пообедать в какой-нибудь тихой, уютной кухмистерской.

Эмбах еще не замерз, черная вода текла между белыми берегами. Каменный мост, всегда тяжеловесный и мрачноватый, сейчас, в снегу, казался легким и веселым. Извозчики еще не сменили пролетки на сани, и по припорошенным снегом улицам мягко, почти бесшумно, проносились одноконные и пароконные экипажи. Дворники в белых передниках усердно скоблили тротуары, нигде не оставляя наледи.

Юрьев выглядел чистым и ухоженным, и Дмитрий удивился, как же это он проклинал Юрьев? Где еще встретишь такой опрятный, тихий городок?!

В кухмистерской пахло вымытыми полами, столики застланы накрахмаленными скатертями.

Обед им подала девушка в белой наколке и коротеньком передничке.

— Из Юрьева прямиком в Москву? — спросил Николай.

— В Москву, а оттуда в Самару. В Самару и мама собирается переезжать, ведь Маняше — ее из тюрьмы выпустили — запретили жить в столицах. Поищу себе место в каком-нибудь уездном земстве, поближе к Самаре. А не найду, так поищу в других губерниях, Россия, слава богу, огромная...

— Устроитесь,— не очень уверенно сказал Николай.

— Николай,— продолжал Дмитрий, положив ладонь на руку друга, и тот понял: сейчас Дмитрий скажет то, ради чего они забрались в эту безлюдную кухмистерскую,— в заречье есть наши люди. Василий и Оскар их знают, они тебя сведут с ними... Одного из них, Роберта, уже раз забирали в жандармское управление. И Хелена на заметке у полиции. Так что ты в заречье к ним не ходи, встречайтесь где-нибудь на стороне. У Роберта есть кружок из рабочих мебельной фабрики, если он попросит брошюры, прокламации, разбейся в лепешку, а раздобудь. «Искру» им давай...

Девушка принесла кофе с булочками. Когда она отошла, Дмитрий возобновил разговор:

— «Искру» будешь получать через Хлопина...

— Профессора? — удивился Николай.

— Да, профессора Хлопина. Он в дни молодости состоял в кружке Бруснева, не знал? Смотри, не провали его... ни одна душа не должна знать про Хлопина, ни одна, даже Василий! Я Григорию Витальевичу слово дал... На историко-филологическом факультете лекции по сравнительному языкознанию читает профессор Кудрявцев, Дмитрий Николаевич. Слышал о нем?

— Не слыхал! — признался Николай.

— Лет пять — семь тому назад он вел занятия в рабочих кружках... в Петербурге. Написал несколько популярных книжек с разъяснением учения Маркса. Сестра, Маня, его знает. Когда я ехал в Юрьев, мне дали его адрес, но я им не воспользовался. За Кудрявцевым и без того была постоянная слежка... С ним Десницкий связан. Понадобится, он тебя познакомит...

В кухмистерскую вошел пожилой мужчина в полупальто и сел в другом конце зала. Дмитрий покосился в его сторону, кивнул Николаю, что все в порядке, и продолжал тихо:

— На историко-филологическом факультете есть студент-эстонец Эдуард-Юлиус Сырмус, скрипач, и талантливый к тому же. Его Оскар очень рекомендует — изучает марксизм и рвется в дело. Ты приглядись к нему. Через него можно завязать новые связи с эстонскими студентами...

Пожилой мужчина пересел поближе, заказал себе чашку кофе и булочку. Дмитрий подмигнул Николаю, позвал официантку, расплатился, и они ушли.

— Шпик? — спросил Николай.

— Сейчас узнаем! — Дмитрий потянул Николая за угол.

Через минуту из кухмистерской выскочил пожилой мужчина, огляделся и, пожав плечами, быстро пошел в сторону центра. Когда он скрылся с глаз, Николай выругался и сказал:

— Пошли отсюда... на Рижскую дорогу. Десять минут хода... Там тихо.

Они вышли к кладбищу. Из сугробов торчали железные кресты и мраморные надгробья. Николай и Дмитрий мед-

ленно двинулись вдоль кладбищенской ограды. Ограда кончилась, и они увидели одинокий холмик с простым деревянным крестом. Дмитрий наклонился и прочел на овальной жестянке: «Студент Егор Сорока. Упокой, Господи, душу его!»

— Пойдем,— позвал Николай.— Нечего нам тут стоять.

Но Дмитрий не уходил. Для Егора и на кладбище не нашлось места — попы запрещают хоронить самоубийц в черте кладбища, вот и похоронили его за оградой. Что ж, Егор сам отделил себя от людей...

Так-то оно так. Но под конец Егор все же понял, как низко он пал, понял и ужаснулся. Перед тем, как наложить на себя руки, он нашел в себе силы сказать всю правду, и о себе, и о тех, кто погубил его. Что-то похожее на жалость шевельнулось в душе Дмитрия. Да, Егор тоже жертва гнусных порядков, царящих в стране.

— «Упокой, Господи, душу его!» — вслух прочел Николай и зло усмехнулся: — Такую душу и господь не успокоит, мерзкая душа...

Дмитрий поглядел на Николая и медленно отошел от могилы. Всю дорогу обратно в город они молчали. Когда подходили к своему дому, Николай тяжело вздохнул и сказал:

— А ведь мог жить... жить как честный человек!

На вокзале Дмитрия провожали Николай и Оскар. А в стороне, прячась от яркого света фонарей, стоял Франк. Садясь в вагон, Дмитрий оглянулся на Франка. Тот потянулся было к шляпе, но тут же, спохватившись, отдернул руку. Дмитрий рассмеялся.

Поезд тронулся. «Прощай, Юрьев! Вряд ли судьба еще раз приведет меня сюда. Но здесь осталась частица моей жизни, а это немало, чтобы вечно помнить тебя».

ВСХОДЫ

Дмитрий уезжал из Юрьева с убеждением, что осенние волнения студентов лишь предвестники более грозных выступлений. К этому все шло.

Будут ли студенты и на этот раз одиноки или к ним присоединятся рабочие, городская беднота? Ограничится

дело сходками, отказом посещать лекции или студенты выйдут на улицу? До этого времени тихий Юрьев еще не видел революционных демонстраций, увидит ли он их теперь?

Как и в прежние годы, начали студенты Киева, Москвы, Петербурга. Обычно юрьевские студенты вступали в борьбу через две-три недели, а то и через месяц после них. А как будет на этот раз?

Юрьев дал о себе знать в феврале 1902 года. Сначала до Дмитрия дошли отрывочные известия. «Искра» объявила, что в следующем, девятнадцатом номере даст подробности событий в Юрьеве. И вот в руках Дмитрия этот номер «Искры». Третья страница открывалась корреспонденцией из Юрьева.

19 февраля в помещении физиологического института — Дмитрий ясно представил себе это длинное белое здание — состоялась сходка, на которую явилось 320 человек. Еще год назад на такой же сходке студенты требовали только «академической свободы», то есть более свободных университетских порядков. А теперь сходка выразила свое возмущение и негодование произволом властей, режимом, царившим в России.

Под конец сходки был поставлен вопрос о демонстрации. За нее высказалось только 40—50 человек. Но когда эта группа студентов с пением «Марсельезы» двинулась к главному зданию университета, то за нею тронулись около половины участников сходки. Здесь была короткая остановка, а затем студенты с пением революционных песен и с красным флагом пошли на Рыцарскую улицу.

Как, должно быть, переполошились бароны, купцы и другие богатеи, дома которых стоят на Рыцарской — красный флаг на главной улице Юрьева! Такого еще не бывало.

Дмитрий словно видел себя среди студентов, сбившихся вокруг красного полотнища и идущих по Рыцарской улице. А на тротуарах толпятся сотни людей — «публика» запрудила не только Рыцарскую, но и близлежащие улицы и площадь.

Студенты — их было немного, не более шестидесяти, остальные разбрелись — вышли на Петербургскую улицу. На Каменном мосту начался летучий митинг. Студенты заявили: мы боремся за политическую свободу, свободу слова, совести, печати, собраний, союзов. Толпа отвечала

криками «ура» и аплодисментами. Кто-то воскликнул: «Анафема царизму!»

На углу Петербургской улицы и Ратушной площади группа студентов рассеялась.

Демонстрация вызвала в городе страшный переполох. На другой день в университете были сорваны все лекции.

21 февраля исполнилось пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. В Актовом зале университета собрались преподаватели, студенты и гости. Атмосфера была напряженная, все ждали скандала. Ректор и инспектор студентов сильно волновались. В зале много педелей, переодетых жандармов и сыщиков — некоторые напялили на себя студенческие мундиры.

Торжества в память Н. В. Гоголя прошли спокойно. Студенты мирно выслушали доклады, аплодировали. Кое-кто из публики — любители скандалов — были даже разочарованы. Последний доклад делал Чиж, известный мракобес, гонитель свободной мысли. Едва он закончил доклад, как раздался сильный голос: «Проклятие гасителям свободного слова и литературы!» И грянули аплодисменты, раздались возгласы: «Требуем свободы слова!», «Требуем свободы организаций!»; студенты стройно запели «Марсельезу». В этот момент с балкона посыпались прокламации «Союзного совета».

Покинув зал, студенты высыпали на улицу. И снова — пение, возгласы. От главного здания университета колонна студентов двинулась по Ивановской улице к Ратуше. Все эти места знакомы Дмитрию, и он легко рисует себе картину происходящего.

Далее «Искра» сообщала: «Моментально собралась невиданная для Дерпта толпа, всего на площади и прилегающих улицах было не менее 5000 человек. Кое-кто из публики присоединился к демонстрантам».

Толпа разрасталась. Студенты смешались с другими горожанами, а когда где-то недалеко раздалась военная музыка, студенты снова собрались вокруг красного флага. Солдаты не появились. И полицию как ветром сдуло. Очевидно, полиция одна, без казаков и конных полицейских, не решалась разогнать демонстрацию. А если бы решилась, то неизвестно, кто бы взял верх — среди студентов были боевики, вооруженные револьверами.

«Пока не было ни арестов, ни высылок,— продолжала «Искра».— Мирный Дерпт страшно взволнован. Полиция потеряла голову. Ждут скоро третьей демонстрации...»

К корреспонденции из Юрьева редакция «Искры» добавила: в настоящее время Дерптский университет закрыт.

Дмитрий был доволен: юрьевское студенчество не ударило лицом в грязь, отличную демонстрацию устроило.

НОЧЬЮ В КРЕМЛЕ

Рассказ, которым заканчивается повесть

Дмитрий Ильич приехал в Москву 8 июля 1919 года. Было жарко и душно, как в степях Крыма.

Около Киевского вокзала его ожидал большой черный автомобиль французской марки «Долнебель-Виль». Закинув на заднее сиденье вещевой мешок и шинель, Дмитрий Ильич сел рядом с шофером, плотным человеком в кожанке.

Первый раз он в Москве после того, как она стала красной столицей. Узнавал и не узнавал улиц, по которым бегал студентом. Витрины некогда роскошных магазинов заколочены досками. Около хлебных лавок длинные очереди — столица сидела на голодном пайке. На Мясницкой автомобиль обогнал одну за другой колонны красноармейцев в походной форме — Москва отправляла на фронт свежие пополнения.

В Кремле уже знали о его приезде. Охрана у Троицких ворот пропустила без задержек, и часовой у здания Совета Народных Комиссаров пропустил сразу.

Молоденькая сотрудница секретариата Совнаркома встретила Дмитрия Ильича около лестницы и проводила наверх, в кабинет Ленина.

Увидев в дверях брата, Владимир Ильич быстро поднялся из-за письменного стола и с радостной улыбкой пошел навстречу. Они не виделись более десяти лет. Владимиру Ильичу сразу бросилась в глаза седина в чуть поредевших волосах брата, морщины на загорелом, обветренном лице. Усадив гостя на широкий диван, Владимир Ильич сел рядом.

— Как доехал? Здоров? У тебя усталый вид, Митя...

Владимир Ильич знал, что́ стоили брату последние годы. Крым — арена непрерывных боев. С месяц тому назад белогвардейцам снова удалось захватить весь Крым. Митя вырвался в последний момент.

— Тебе надо отдохнуть. В субботу поедем на дачу, покажу тебе очень хорошие места,— сказал Владимир Ильич и, кивнув в сторону боковой двери, добавил: — Жить будешь у меня, Надина комната свободна, она сейчас в агитпоездке по Волге.

Дмитрий Ильич встал. Защитного цвета френч с накладными карманами был перехвачен широким ремнем, за который засунут черный браунинг.

— У тебя, Митя, такой воинственный вид! — улыбаясь, заметил Владимир Ильич.

— Крымская привычка. Там я браунинг всегда носил открыто, без кобуры. За поясом вернее... В комнате, где я работал и спал, стоял у меня пулемет, даже два, один небольшой, другой большущий. Когда ездил,

устанавливал на машине пулемет — всегда можно было по дороге наткнуться на белых.— Вспомнив что-то, Дмитрий Ильич рассмеялся: — Один раз попробовал стрелять, оказалось, что пулемет не исправен — одну пулю посылает, а лента не двигается.

Открыв боковую дверь, Владимир Ильич пропустил брата в коридор, тускло освещенный слабыми лампочками. Коридор вел в квартиру Ленина.

Дмитрий Ильич, слегка сутулясь, шагал по-военному — широко и твердо.

Телефонистка Альма Анни, дежурная по верхнему коммутатору — маленькой телефонной станции, которая находится в комнате рядом с кабинетом Ленина. Верхний коммутатор, или, как его называют, «будка», связывает предсовнаркома с кабинетами и квартирами народных комиссаров, членов Политбюро ЦК партии, со штабами Красной Армии, с Петроградом, Харьковом и другими городами. Владимир Ильич часто звонит ночью. Но сегодня он вряд ли будет звонить: к нему из Крыма приехал брат...

Тихо в Кремле, ночь. Лишь время от времени где-то раздается стук каблуков — это на одном из постов меняется караул, или проедет автомобиль.

Альма встала и открыла дверь в кабинет Владимира Ильича — Эза спит? Когда Альма дежурит на верхнем коммутаторе, то обычно оставляет дочку у соседки, старушки. В Москве они с Эзой совсем одни. Полгода тому назад Альма с трехлетней дочкой ушла из Нарвы, когда к городу приближались белоэстонские войска. Там, на Кренгольмской мануфактуре, трудились отец Альмы, ее братья. Живы ли?

На этот раз Альма, отправляясь на ночное дежурство, взяла девочку с собой. Пока Владимир Ильич работал у себя в кабинете, Эза тихо сидела в «будке» около мамы. Положить ее на узкий диванчик Альма не решилась — еще скатится, ушибется. Владимир Ильич ушел домой — Альма услышала его быстрые шаги. Она отвела сонную Эзу в кабинет и уложила на широком мягком диване с высокой спинкой. Убедившись, что дочь спит, Альма прикрыла дверь.

Дмитрию Ильичу нужно было срочно позвонить в Киев, куда эвакуировался Крымский Совнарком[1], и во втором часу ночи они с Владимиром Ильичем вернулись в кабинет.

Ленин зажег люстру и тут заметил на своем диване спящую девочку. Она лежала на спине, раскинув ручки, льняные волосы спадали на лоб. Кивнув на ребенка, Владимир Ильич тихо сказал:

[1] Д. И. Ульянов в 1919 году был председателем Совнаркома Крымской автономной советской республики.

— Это что за иочиая фея?!

Он на цыпочках подошел к письмеиному столу, зажег лампу с зеленым стеклянным абажуром и дал знать Дмитрию Ильичу, чтобы тот погасил люстру.

Открыв дверь в «будку», Владимир Ильич сказал с улыбкой:

— А у меня в кабинете детские ясли!

Альма вскочила, смущенная.

— Простите, Владимир Ильич, это моя дочка. Мне не с кем было оставить ее на ночь... Эза — девочка тихая, спокойная, она ничего в кабииете не трогала...

Альма подбежала к дивану, чтобы забрать девочку и унести ее в «будку», но Владимир Ильич остановил ее:

— Не будите Эзу, пусть спит!

Стараясь не шуметь, он подошел к дивану и стал смотреть на крепко спящую девочку. Эза тяжело и хрипло дышала.

— А ведь она нездорова, слышите, как плохо дышит.

— С утра жаловалась на горло.

Владимир Ильич обратился к брату:

— Митя, посмотри девочку!

Дмитрий Ильич присел на диван, осторожно снял платок, которым была укрыта Эза, и, наклонившись, приложил ухо к ее груди. Потом бережно перевернул девочку и продолжал осмотр. Ему вспомнилось, как много лет тому назад ои, «уличный доктор», ходил по вызову в заречье к маленьким пациентам — они были такие же светловолосые, как эта...

— Ничего страшного, легкий бронхит. Но девочка сильно истощена, ее надо подкормить... Сейчас я пропишу ей рыбий жир.

Дмитрий Ильич пересел к столу, который был придвинут торцом к письменному столу Ленина, вынул из верхнего кармана френча узкий листок бумаги и написал рецепт. Протягивая его Альме, сказал:

— Три раза по столовой ложке. Давайте ей все лето. Другого лекарства девочке не нужно.

Владимир Ильич озабоченно спросил Альму:

— Товарищ Анни, что же нам делать с вашей дочкой?

Альме ничего в голову не приходило. К тому же она была расстроена тем, что Владимир Ильич обнаружил в своем кабинете спящую Эзу. Владимир Ильич мягко сказал:

— Не тревожьтесь, товарищ Анни, мы вместе что-нибудь придумаем. А что, если устроить ее в детский дом?

— Для детского дома она, пожалуй, еще мала,— заметил Дмитрий Ильич.

— Тогда в детские ясли? Товарищ Анни, вы что еще можете делать, кроме этого? — кивнув на «будку», спросил Владимир Ильич.

— Шить умею.

— Вот и хорошо! — обрадовался Владимир Ильич.— Я напишу записку, чтобы вас приняли на швейную фабрику. Днем девочка будет в яслях, а ночью с вами...

— Так будет лучше всего! — заметил Дмитрий Ильич.

Альма кивала головой — да, так будет лучше всего!

Владимир Ильич, осторожно ступая, прошелся по кабинету. Потом сел в кресло и сказал, обращаясь к брату:

— Вот освободим Крым от Врангеля и тогда все прекрасные дачи и особняки богачей, все дворцы царя и великих князей отдадим под санатории и дома отдыха для рабочих и крестьян. Превратим Крым в настоящую здравницу для всей Советской России.

У Дмитрия Ильича заблестели глаза — это его давнишняя мечта. Даже в дни тяжелых боев он думал об этом. Сказал горячо:

— Да, используем Крым, этот благодатный край, в интересах трудящихся! А в Евпатории я уже присмотрел дворец, у самого моря, в прекрасном парке. В нем мы устроим санаторий для детей, вот таких, как эта эстонская девочка!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие О. Д. Ульяновой

3

СТАРШИЙ БРАТ

6

СЕКРЕТНАЯ ПОЕЗДКА

Рассказ

13

ЭСТОНСКИЕ, ИЛИ ЛИВОНСКИЕ, АФИНЫ

16

ФОРМЕННЫЙ СТУДЕНТ

19

МЕЛЬНИЧНАЯ УЛИЦА, ДОМ № 47

22

СОСЕД

25

ЖАНДАРМЫ

27

ВТОРОЙ СОСЕД

31

СТУДЕНТ ИЗ ДЕРПТА

Рассказ

35

НЕСКЛАДНЫЙ ДЕНЬ

38

УЛИЧНЫЙ ДОКТОР

43

ЧЕТЫРЕ ЯЩИКА, ЗАШИТЫХ В РОГОЖУ

Рассказ

51

ПРОФЕССОР КУРЧИНСКИЙ
54
КАПКАН
58
КАНИКУЛЫ
63
СНОВА В ЮРЬЕВЕ
66
НАЧАЛОСЬ
69
РОТМИСТР БУШУЕТ
71
ГЕНРИХ ИВАНОВИЧ
75
НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ
77
ЭКЗАМЕН ПО АНАТОМИИ
81
МЛАДШАЯ СЕСТРА
Рассказ
85
ЧТО ДЕЛАТЬ?
89
«СОЮЗНЫЙ СОВЕТ»
91
СХОДКА
93
ОПОЗДАЛИ
96
«ИСКРА» В ГОРОДЕ
99
ТРУДНЫЕ ДНИ
101
ГОСПОЖА БОРНВАССЕР
102

РОБЕРТ
104
РАННИЕ ВАКАЦИИ
107
ЛЕТО В ПОДОЛЬСКЕ
109
РИГОРОЗИСТ
112
НА ДАЧЕ В ЛЕСНОМ
Рассказ
117
ПИКНИК
120
ИСПОВЕДЬ
125
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЛ
127
ДРУЗЬЯ
131
КОРИДОРНАЯ ИСТОРИЯ
134
СНОВА ВОЛНЕНИЯ
138
ЛЕКАРЬ ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ
141
ПРОЩАНИЕ С ЮРЬЕВОМ
145
ВСХОДЫ
148
НОЧЬЮ В КРЕМЛЕ
Рассказ, которым заканчивается повесть
152

Для старшего школьного возраста

Даниил Маркович Руднев

РУССКИЙ СТУДЕНТ

Ответственный редактор
С. П. Мосейчук

Художественный редактор
И. Г. Найденова

Технический редактор
Е. М. Захарова

Корректоры *Т. В. Беспалая, И. В. Козлова*

ИБ № 9802

Сдано в набор 20.01.87. Подписано к печати 11.06.87. Формат 84×108 1/32. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 8,16+8 вкл.=8,82. Тираж 200 000 экз. Заказ № 5182. Цена 60 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49,

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

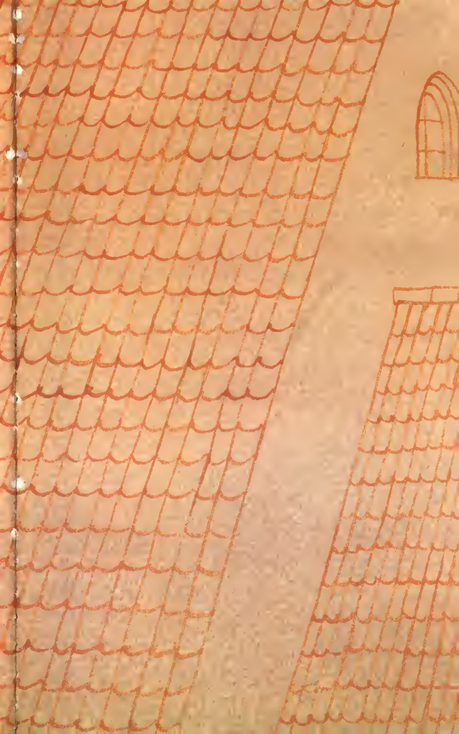
Руднев Д. М.

Р83 Русский студент: Повесть с рассказами и письмами. Худ. П. Чернуский.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1987.— 158 с., ил.

60 к.

Повесть «Русский студент» рассказывает об учебе Д. И. Ульянова в Юрьевском университете в 1900—1901 гг., о революционных настроениях среди студентов, о распространении Д. И. Ульяновым газеты «Искра» и других нелегальных изданий.
Повесть написана на основе архивных документов, воспоминаний, работ Д. И. Ульянова, а также его писем.

Р $\frac{4803010102—393}{М101(03)87}$ 352—87 Р2

60 к.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»